

Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К.
МОЛОДЕЖЬ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА.
Второе издание- М.: Наука, 2003.

В книге рассматривается положение молодежи в современном обществе риска. На основе анализа существующих теоретических подходов к проблеме риска раскрывается социологическое содержание понятия «общество риска». Анализируются общие и специфические факторы перехода российского общества в состояние риска. Исследуются основные проблемы молодежи в условиях социальной неопределенности, ее роль в воспроизводстве риска как в современных западных, так и в российском обществе.

Опираясь на данные социологических исследований, авторы анализируют основные тенденции изменения социального статуса молодежи в условиях риска, новые основания ее социальной стратификации, формы ее социальных конфликтов, особенности ее интеграции в различные общества риска, факторы локализации и глобализации риска. Рассмотрение риска в качестве общего основания в сравнительном анализе российской и западной молодежи, позволило получить обобщенные характеристики современного молодого поколения начала XXI-го века.

Книга адресована научным и социальным работникам, преподавателям, политическим деятелям, всем, кто интересуется проблемами молодежи.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Глава 1. РИСК И СОВРЕМЕННОСТЬ: ТЕОРИИ, КОНЦЕПЦИИ, ПОДХОДЫ

- 1.1. Ранние подходы в определении риска**
- 1.2. Вероятностный подход**
- 1.3. Неопределенность и риск**
- 1.4. Технологический риск**
- 1.5. Информационный риск**
- 1.6. Социокультурные основания риска**
- 1.7. Современная социология и риск**
- 1.8. Концепция «общества риска»**

Глава 2. РОССИЯ КАК ОБЩЕСТВО РИСКА

- 2.1. Риск в переходном обществе**
- 2.2. Особенности российской модернизации**
- 2.3. Производство риска в реформируемом российском обществе**
- 2.4. Факторы риска**

Глава 3. РИСКОВАННЫЕ ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗРЕЛОСТИ

- 3.1. Молодежь в общественном воспроизводстве**
- 3.2. Воспроизводство риска**
- 3.3. Изменение положения российской молодежи в общественном воспроизводстве**

Глава 4. КОНФЛИКТЫ МЕЖДУ МОЛОДЕЖЬЮ И ОБЩЕСТВОМ: ОСНОВАНИЯ ИЛИ СЛЕДСТВИЕ РИСКА?

- 4.1. Природа специфически молодежных конфликтов**
- 4.2. Конфликты, связанные с неравенством социального статуса**
- 4.3. Конфликты с институтами социализации**

- 4.4. Субкультурное основание молодежных конфликтов
 - 4.5. Типология риска в молодежной среде
 - Глава 5. РЕАЛИЗАЦИЯ КОНФЛИКТА: ЛОКАЛИЗАЦИЯ ИЛИ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ РИСКА?
 - 5.1. Альтернативные модели реализации специфически молодежных конфликтов
 - 5.2. Противоречия социальной интеграции молодежи в условиях риска.
 - 5.3. Локализация риска
 - 5.4. Социальные детерминанты глобализации риска
 - Глава 6. ТЕНДЕНЦИИ РИСКА В ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ МОЛОДЕЖИ
 - 6.1. Риск как ситуационный процесс
 - 6.2. Социально-демографическая ситуация
 - 6.3. Ситуация жизненного старта
 - 6.4. Возможности самореализации
 - 6.5. В поисках нравственной опоры и социальных ориентиров
 - 6.6. Кризис социальной идентификации
- Заключение**

ВВЕДЕНИЕ

Исследование молодежи представляет научный интерес, как для понимания проблем этой социальной группы, так и для объяснения перспектив развития самого общества. Особый смысл это приобретает в переломные моменты истории, связанные с реальными или ожидаемыми глобальными изменениями в обществе. Так уж повелось, что на рубеже эпох человечество оценивает прошлое и стремится заглянуть в будущее. Людям свойственно верить, надеясь на лучшее, и в обозримом будущем свои надежды они, как правило, связывают с детьми. Это придает определенность и вселяет уверенность в реальности их надежд.

Когда же речь заходит о смене столетий, масштаб оценок и прогнозов многократно расширяется, заставляя мыслить в категориях поколений. При этом, если вера не имеет надежной опоры, реальность размывается неизвестностью, а уверенность вытесняется состоянием неопределенности. Будущее поколений видится как череда сменяющихся друг друга рисков. Такой момент переживает сейчас человечество, вступившее в новое столетие и тысячелетие. Для россиян это еще и эпохальные перемены, вызванные беспрецедентным развалом страны.

Проблема состоит в противоречии между общим и особенным в процессе смены поколений в условиях неопределенности и риска. Насколько это противоречие отражается в социальном облике российской и западной молодежи, является предметом исследования, предпринятого авторами в данной работе.

Проследить на основе научного анализа изменения, сопровождающие процесс смены поколений, означает проникнуть в механизм общественного воспроизводства, понять закономерности происходящих событий, осуществить их обоснованный прогноз. Для этого необходим целостный подход к молодежи, т.е. направленный на выявление ее связей с обществом во всем многообразии их форм и проявлений. Тогда предметом исследования становится та, наиболее

значимая, часть социальных проблем, которая вырастает из противоречий взаимодействия «молодежь – общество», а потому имеет принципиальное значение для будущего, как молодых поколений, так и различных обществ.

Но в мире не существует двух одинаковых обществ, также как и поколений. Значит, для понимания закономерностей общественного воспроизводства в ближайшей и более отдаленной исторической перспективе и роли молодежи в нем необходимо определить то общее, что характерно для современных обществ. В условиях растущей неопределенности в мире этим общим признаком является риск.

Сегодня в любом обществе люди постоянно находятся в состоянии риска. Хотя в благополучном, процветающем обществе могут доминировать одни риски, а в нестабильном, кризисном – другие, избавиться от нарастающих угроз не удастся ни кому. Последствия стихийных бедствий, экологических катастроф, бесконтрольного применения современной техники и технологий, экономических спадов и политических кризисов, террористических актов и ошибочных решений в управлении не обходят стороной ни богатых, ни бедных. Особенно это касается молодежи. Молодые больше рискуют остаться без образования, не найти работы, не создать семьи, не выдержать конкуренции в бизнесе и остаться не у дел. То есть риск становится наиболее общим основанием современности.

Поэтому, исследуя положение молодежи в условиях риска, можно выявить наиболее типичные ее характеристики, воспроизводимые современными обществами. А поскольку современные общества вступили в состояние риска, пройдя разные стадии модернизации, то подобный подход предполагает определение не только общего, но и особенного в социальном облике молодых поколений.

Использование данного методологического подхода к исследованию молодежи представляется оправданным еще и потому, что риск можно считать одним из сущностных свойств этой социально-демографической группы. Риск – это всегда шанс выиграть, но и опасность проиграть. Молодым людям больше присуще стремление к новому, неизведанному и они меньше рефлексиируют по поводу возможных последствий от соприкосновения с неопределенностью, а потому смелее идут на риск. Можно сказать, что доминанта риска в моделях поведения молодежи является общей характеристикой современных молодых поколений.

Таким образом, книга посвящена изучению особенностей становления молодого поколения на рубеже эпох, т.е. того типического, что отличает молодежь, переступившую порог столетий, ознаменованный переходом обществ к состоянию риска. Прежде всего, авторов интересовало положение и роль в воспроизводстве общества риска российской молодежи. Обращение к социологическим данным западных исследователей потребовалось не только, и даже не столько, для получения сравнительных характеристик, сколько ради выявления закономерных связей внутри этого процесса. Вместе с тем, обнаружение различий в социальных характеристиках российской и западной молодежи дает основание для выводов о влиянии на эти связи национальных особенностей и неодинаковых условий риска.

Проблема риска давно и плодотворно изучается различными науками. Рискологическое направление получило развитие в западной, а в последнее десятилетие и в отечественной социологии. Тем не менее, предприняв попытку

рассмотреть проблемы молодежи в обществе риска, авторы столкнулись с рядом нерешенных вопросов в современной рискологии.

В первую очередь это касается определения понятия «риск». Большинство исследователей сходится во взгляде, что это - форма деятельности в условиях неопределенности, при наличии возможности оценить вероятность ее результата. Такой подход содержится в определении А.Альгина¹ и встречается в классификации значений риска Н.Смакотиной². Однако, подобное определение дает лишь самое общее представление о содержании используемого понятия, но не раскрывает всего многообразия форм его существования.

Риск – не только деятельность, но и характеристика состояния личности, группы, общества. В этой связи нуждается в конкретизации и понятие «общество риска». Во многих работах определение данного понятия ограничивается лишь самыми общими формулировками, данными У.Беком и Э.Гидденсом, об особой стадии развития общества, связанной с кризисом модернизации, на которой производство товаров и услуг вытесняется производством рисков.

При таком общем подходе вряд ли возможен конкретный анализ специфики различных обществ риска и особенностей положения в них различных социальных групп. Поэтому, хотя теория риска не является непосредственным предметом предпринятого анализа, в книге рассматриваются различные подходы к определению ключевого понятия – «общества риска» и делается попытка классификации и уточнения существующих дефиниций для целей данного исследования.

Рассматривая существующие концепции и теоретические подходы к анализу рисков, авторы книги обращают внимание на ряд упущений, ограничивающих их более широкое научное применение. В основу аналитических моделей большинства из них положены лишь западные общества и по существу оставлен без внимания восточно-европейский блок стран с коммунистическим прошлым, имеющим свою специфику модернизации. Без углубленного анализа этой специфики теоретические обобщения представляются неполными.

Экономическое, финансовое, технологическое положение России дает основания для вывода о вхождении ее в состояние риска. Причем, его происхождение является следствием не модернизации, а результатом прямо противоположных процессов - демодернизации, сопровождающих деструктивные явления в экономике. Отнюдь не процесс производства богатства, как в других современных обществах риска, а воспроизводство кризиса явилось предпосылкой перехода России в это состояние. Отсюда, гипертрофированные формы рисков и непредсказуемые модели воспроизводства новых ситуаций риска.

Практически за пределами внимания исследователей остались особенности рисков, характерных для стабильных и нестабильных обществ, что также ограничивает аналитические возможности существующих подходов. Исходя из последнего, одним из постулатов данной книги является утверждение

¹ Альгин А. *Риск и его роль в общественной жизни*. - М.: Мысль, 1989, С. 19 - 20.

² Смакотина Н. *Основы социологии нестабильности и риска*. - М., 1999. С.212-216.

о различиях риска в зависимости от уровня стабильности обществ. Специально останавливаясь на особенностях риска в переходном обществе, авторы анализируют специфику российской модернизации, формулируя на этой основе факторы производства риска в условиях осуществляемых в стране реформ.

Следует отметить, что до сих пор не было предпринято ни одного комплексного исследования влияния риска на конкретные социальные группы. Предпринимая первую попытку социологического анализа рисков, испытываемых молодежью в пост-коммунистической России, приходится констатировать, что большинство из известных западных рискологических теорий оказываются не всегда адекватными для решения подобных задач.

С этой целью в книге осуществлена теоретическая разработка проблем социальной транзисии (перехода к взрослому состоянию) молодежи в условиях риска. Рассмотрение транзисии молодого поколения как части общего процесса – общественного воспроизводства, позволило проанализировать роль современной молодежи в воспроизводстве рисков.

В процессе транзисии, на пути достижения социальной зрелости, молодые люди неизбежно вынуждены вступать в конфликт с обществом. В условиях социальной неопределенности, характерной для общества риска, этот конфликт может стать источником развития молодежи, а может превратиться для нее в фактор социального исключения (дискриминации, отчуждения, маргинализации). Теоретической разработке малоизученной проблемы – социальной функции конфликта в условиях риска, обоснованию связи между этими понятиями посвящен один из разделов книги.

Анализ был бы не полным, если бы теоретическая концепция исследования не предполагала разработки конкретных механизмов локализации или глобализации рисков. Речь идет о факторах, влияющих на сужение социального пространства риска в молодежной среде, на снижение вероятности его негативных последствий, на ограничение охвата им все новых слоев молодежи.

Важная роль в этих механизмах отводится социальной интеграции. Для ее исследования в рассматриваемом контексте пришлось существенно пересмотреть сложившиеся в социологии традиционные концепции интеграции, попытаться преодолеть известное противоречие между саморазвитием современного общества, основанного на идее индивидуализма, и интеграцией в него каждого нового молодого поколения. В книге рассматриваются особенности социальной интеграции молодежи в условиях неопределенности в обществе риска.

Для эмпирической проверки теоретической концепции исследования были разработаны критерии и показатели социального положения молодежи в обществе риска, а также факторы, влияющие на его изменение. На основе анализа тенденций риска в различных жизненных ситуациях как западной, так и российской молодежи были сделаны выводы об основных закономерностях социальной транзисии современного молодого поколения. Наиболее общие и особенные черты поколений рассматривались в демографической ситуации, на этапе жизненного старта, в социальной самореализации, в системе ценностей и идентификаций молодежи.

В своем анализе авторы опирались на данные общероссийского социологического мониторинга «Социальное развитие молодежи», проведенного Центром социологии молодежи ИСПИ РАН в 12 регионах РФ. Выборка молодежи в возрасте 15 – 29 лет составила в 1990 г. – 10412 чел.; в

1994 г. – 2612 чел.; в 1997 г. – 2500 чел.; в 1999 г. – 2004 чел. (Руководитель исследований д.соц.н., профессор В.И.Чупров). Два последних исследования проведены по заказу Госкоммолодежи РФ. Кроме того, использовались данные государственной статистики, вторичного анализа результатов социологических исследований, содержащиеся в отечественных и зарубежных публикациях, Государственных докладов Правительству РФ о положении молодежи в стране, Доклада ООН о положении молодежи, 1999 год (UN 1999), с соответствующими ссылками по ходу изложения.

Книга, предлагаемая вниманию читателей, написана в рамках совместного международного проекта «Молодежь на пороге XXI века», осуществляемого Центром социологии молодежи ИСПИ РАН и Ланкаширским университетом (Великобритания). Соруководители проекта с российской и британской стороны являются авторами книги.

Глава 1. РИСК И СОВРЕМЕННОСТЬ: ТЕОРИИ, КОНЦЕПЦИИ, ПОДХОДЫ

Рассматривая положение молодежи в обществе риска, следует определить, что понимается под риском и какой смысл вкладывается в понятие «общество риска». В современной рискологии накоплен известный опыт исследования проблем риска. Поэтому в данной главе попытаемся систематизировать основные теоретические подходы к определению исходных дефиниций, обращаясь не только к социологическим, но и к экономическим, культурологическим, статистическим признакам изучаемого явления. Это позволяет более полно проанализировать эволюцию используемых для целей настоящего исследования понятий, продемонстрировать их внутреннюю взаимосвязь и взаимообусловленность.

Теоретические и концептуальные подходы к проблеме риска рассматриваются в более широком социальном контексте – современности, что важно для раскрытия его объективной сущности, для всестороннего анализа всего комплекса факторов, определяющих его разновидности. Вместе с тем, концептуализация исходного понятия носит сугубо прикладной характер и подчинена основной идее книги – рассмотрению особенностей положения молодежи в современном обществе, прежде всего в российском, характеризующемся по многим признакам как общество риска.

1.1. Ранние подходы в определении риска

Широкое использование термина «риск», как полагает Н.Луман, относится к шестнадцатому веку - времени, когда развивалось мореплавание, формировались рынки и торговля¹. Необходимость противостояния многочисленным опасностям, поджидавшим путешественников и торговцев, преодоления постоянных угроз их жизни и торговле наполнило его конкретным содержанием. Риск приобрел смысл опасности, угрозы и использовался, по мнению современной исследовательницы Д.Луптон, в связи со стремлением людей защититься (застраховаться) от возможных потерь, «приносимых чаще природной стихией и всевозможными эпидемиями, нежели самим человеком»². В русский язык слово «риск» скорее всего, пришло из испанского, в котором оно означает «скала», «риф»,

что также указывает на его происхождение, связанное с опасностью для мореплавателей³.

В целом, ранние определения риска включали как объективные, так и субъективные его аспекты. Признавалось, что риски, имманентно присутствующие в природе, в принципе могут быть идентифицированы, оценены и проконтролированы с помощью научных методов⁴. Однако человеческий фактор рассматривался преимущественно, как способность защититься от риска или выиграть, включаясь в него. По своему отношению к риску, индивиды подразделялись на две категории: стремящихся избежать риск и склонных к риску⁵. Если одни предпочитали безопасные варианты и избегали рискованных ситуаций, то другие надеялись, что возможная прибыль значительно перекроет потери.

Позднее для измерения риска стали применяться более точные математические методы. Эти ранние подходы основывались, таким образом, на утверждении, что человек способен просчитывать степень риска, оценивать потенциальные потери и, следовательно, просто должен оградить себя от его воздействия. С точки зрения их сторонников риск напрямую связан с тем, «как максимально эффективно предотвратить возможные потери» и используется в значении таких понятий, как «шанс», «удача», «смелость» или «приключение»⁶.

Такое восприятие риска, в единой логике со страховкой, существует по сей день. Как отмечает антрополог Мэри Дуглас, многие люди готовы кое-что заплатить, дабы избежать крупных потерь в будущем⁷. Например, для большинства граждан Западной Европы и США и в меньшей степени для россиян привычным стало страхование жилья и другого имущества от грабежа или пожара, оформление гарантийных документов на новые товары и страхование жизни.

1.2. Вероятностный подход

Уже в ранних подходах прослеживается отчетливая связь между риском и безопасностью. Именно безопасность, к которой так естественно стремятся люди, может рассматриваться, по Н.Луману, как противоположность риску. Так вырисовывается дихотомия, в которой риск и сохранность, риск и безопасность контрастируют. Под сохранностью, при этом, понимается отсутствие потерь, обеспеченное индивидуальной калькуляцией риска, успешное конструирование ситуации⁸. Однако если для одних безопасностью является избежание риска, то для других она связывается с оценкой вероятности «определенных возможностей, способных улучшить их положение», которые выступают стимулятором рискованного поведения. Тогда «потенциальные потери» становятся следствием «риска принятия решения». Все эти факторы «влияют и на восприятие риска и на желание рискнуть»⁹.

Развивая этот подход, М. Дуглас пишет: «Сущность рискованных действий лежит в структуре вероятностей и их расхождении (вариативности). Благоразумный индивид довольствуется малым, рисковый - предпочитает большее число альтернатив»¹⁰. То есть мера объективной возможности, степень возможной реализации события, поступка становятся ключевыми в определении риска.

Риск, согласно вероятностному подходу, определяется как «нейтральная концепция, означающая вероятность какого-нибудь происшествия, сочетаемая с величиной потерь и прибыли»¹¹. Подобное толкование риска доминировало вплоть до начала XIX века. В условиях «первичной» модернизации, охватившей эпоху первой промышленной революции, разрушения традиционных наследственных привилегий, провозглашения равных гражданских прав, демократизации, риск существенно конкретизировался и приобрел специфические формы в разных сферах общественной жизни. Он стал связываться с опасностями, сопутствующими специфическим видам деятельности во всех сферах, в экономике, в сфере правовых отношений, в политике. Таким образом, вероятностный подход к определению риска дополняется деятельностным, и в таком сочетании широко используется и в современной практике.

Раскрывая эту взаимосвязь, А.Альгин подчеркивает важность процесса осознания риска, называя его «необходимым компонентом взаимосвязи ситуации риска и рискованного действия»¹². Осознание содержания ситуации риска позволяет субъекту «снять» ее путем выбора и реализации одной из имеющихся альтернатив, то есть путем совершения рискованного поступка (действия). Это достижимо в условиях полного или достаточно определенного поля возможностей, при которых повышается надежность оценки степени риска через соотношение вероятностей выигрыша и проигрыша.

Такое действие характеризует мотивированный риск, рассчитанный на ситуативные преимущества в деятельности. При неопределенности возможностей, когда не удается определить вероятность, то есть степень возможной реализации данного события при данных условиях, возникают предпосылки немотивированного риска.

Таким образом, риск определяется как «ситуативная характеристика деятельности, состоящая в неопределенности ее исхода и в возможных неблагоприятных последствиях в случае неуспеха»¹³. Причем неопределенность исхода рискованного действия вовсе не означает неопределенность ситуации риска, а скорее указывает на его вероятностный характер, при котором успех зависит от степени определенности возможностей.

Отражая преимущественно индивидуально-личностную характеристику деятельности, такой подход нашел широкое применение в психологии, где понятию «риск» соответствуют три взаимосвязанных значения: во-первых, риск как мера ожидаемого неблагоприятия при неуспехе в деятельности; во-вторых, риск как действие, в том или ином отношении грозящее субъекту потерей (проигрышем, травмой, ущербом); в-третьих, риск как ситуация выбора между двумя возможными вариантами действия – менее привлекательным, однако более надежным, и более привлекательным, но менее надежным¹⁴. Без сомнения преимуществом подобного взгляда на риск является возможность его эмпирической верификации и практического использования для управленческого воздействия.

1.3. Неопределенность и риск

В условиях «вторичной» модернизации и индустриализации развивающихся стран риск, все больше воспринимается как неотъемлемая и

неискоренимая составляющая современности. Несмотря на то, что в соответствии с концепцией «современности» провозглашение индивидуальной автономии и свободы открывало новые предпосылки экономического роста, становления гражданского общества с дифференцированными федеративно-автономными институтами экономической, социально-правовой, культурной деятельности, все отношения современного мира становятся все более абстрактными, формально-рациональными, неопределенными. Модернизация все чаще видится как процесс «глубоко противоречивый, тяготеющий к постоянному кризису культуры и грозящей катастрофой не только на первых шагах, но и на уровне наиболее продвинутых обществ»¹⁵.

В 60-е годы XX века, по утверждению А.Альгина, риск перестает быть предметом только конкретных наук и превращается в объект междисциплинарных исследований, приобретает статус общенаучного понятия. Его генезис, независимо от сферы, в которой он возникает, будь то техника, хозяйственная деятельность или индивидуальное поведение человека, связывается с состоянием неопределенности.

Именно в этот период предпринимается всесторонняя научная разработка категории «неопределенность» в физике, кибернетике, в других частных науках, а также в качестве предмета соответствующих философских обобщений. Философский анализ диалектики определенности и неопределенности, берущий начало в «Науке логики» Гегеля, был предпринят В.Готтом, П.Визиром и А.Урсулом.

Наиболее отчетливо, по их мнению, выступает связь категорий определенности и неопределенности с категориями возможности, необходимости и действительности. При этом, определенность в процессе развития характеризует жесткую, однозначную связь, а неопределенность – многозначную. Превращение неопределенности в определенность по существу означает превращение множества возможностей в действительность. При этом в состоянии определенности необходимость выражается через однозначность переходов возможности в действительность. Для неопределенности же проявление необходимости происходит не как неизбежность, а как возможность и случайность.

Другим важным признаком определенности и неопределенности выступает, по мнению В.Готта и А.Урсула, характер связи между свойствами и состояниями объектов или явлений. «Если определенность, - пишут они, - характеризуется относительной независимостью свойств и состояний явлений друг от друга, наличием резко выраженных граней между ними, то для неопределенности характерны отсутствие, размытость этих граней, как следствие преобладания зависимости между свойствами и состояниями объектов или явлений»¹⁶.

Поэтому в самом общем виде под неопределенностью понимается «такая категория, которая характеризуется признаками: 1. превращением многообразия возможностей в действительность (причем, в начальной стадии этого процесса и в стадии становления); 2. наличием связи, взаимодействия между свойствами и состояниями явлений. И, как следствие этого, - отсутствие резких граней между ними»¹⁷.

Иначе говоря, элемент системы, процесс в ней или воздействие на нее считаются определенными, детерминированными, если им может быть дано исчерпывающее, однозначное качественное и количественное описание с

точки зрения изучаемого вопроса. В противном случае имеет место неопределенность. Ее степень и характер могут быть различными. Крайним случаем неопределенности является неструктурируемость, т.е. невозможность построения адекватной модели данного явления.

Состояние неопределенности присуще не только процессам, протекающим в естественных, природных условиях, но и общественным процессам. Применительно к социальным системам можно сказать, что все ее элементы существуют в условиях неопределенности с точки зрения воздействия внешней среды. Именно среда во многих случаях является основным источником неопределенности в описании системы. Хотя, для целого ряда социальных систем неопределенность воздействия не всегда имеет случайный характер.

Так, социально-экономическая система испытывает целенаправленное воздействие, связанное с экономическими законами, принятыми в данной среде. Ее функционирование, основанное на общественном разделении труда, сопровождается по мнению Ш.Эйзенштадта стремлением субъектов социальных или экономических отношений монополизировать доступ к социальным позициям и ресурсам, путем установления соответствующих норм и ограничений.

При этом, нормы могут выглядеть необоснованными в глазах других участников, порождать у них представление о нарушении надлежащего порядка. В результате, пишет он, «потенциал нестабильности и беспорядка, вероятность восприятия общественного разделения труда участниками как произвольного возрастают от того, что эта исходная неопределенность находится в системной связи с организационными основаниями социального взаимодействия – структурированием коллективов, институтов и макросоциального порядка»¹⁸. Таков социальный механизм воспроизводства неопределенности.

В соответствии с «принципом неопределенности» (В.Гейзенберг), «одно и то же событие, одну и ту же реальность можно охватить лишь с помощью двух противоположных способов описания; сама же реальность обретает черты неопределенности, т.е. сочетания двух (или нескольких) противоположных возможностей»¹⁹. А поскольку реальность, как отмечает А.Шеховцев, «не определяется сама по себе, независимо и вне человеческой деятельности»²⁰, то в самом процессе освоения реальности содержатся элементы преодоления неопределенности и риска.

Неопределенность социальной реальности характеризует как объективную действительность, так и отражение ее в формах деятельности субъекта и рефлексии самой деятельности. При этом возникают ситуации со многими неизвестными, не имеющими однозначного исхода, ставящие субъекта перед необходимостью выбора. Как пишет А.Альгин, «если существует возможность количественно и качественно определить степень вероятности того или иного варианта, то это и будет ситуация риска»²¹.

Таким образом, риск является способом снятия неопределенности, путем практического превращения возможностей в действительность, разрешения противоречий при многовариантном развитии событий.

1.4. Технологический риск

Одним из фундаментальных противоречий модернизации в современном мире явился переход наиболее экономически развитых стран к так называемому обществу потребления. Провозгласив материальное обогащение и безудержное удовлетворение потребностей главной целью, такое общество неизбежно вступает в конфликт с ограниченными ресурсами, что приводит сначала к их перераспределению и военным конфликтам, а затем к экологической катастрофе.

Качественные изменения социально-экологической среды, связанные с появлением глобальной угрозы для жизни человека на планете, придали понятию «риск» новую направленность. Главным его фактором стала не внешняя угроза, а сам человек, последствия его производственной деятельности, варварского отношения к природе. Более того, риск приобрел глобальный, общепланетарный характер, затронув жизненные интересы всех людей.

К середине 70-х годов XX века на повестку дня была поставлена новая научная проблема – как обеспечить выживание человечества в условиях нарастающей волны технологических рисков, и как удержать риск в допустимых пределах. Осмысливанию нарастающих угроз в немалой степени содействовала деятельность Римского клуба, основанного в 1968 году итальянским общественным деятелем А.Печчеи и объединившего около ста ученых, представителей политических и деловых кругов из различных стран мира. Научной разработкой этих проблем в разные годы занимались В.Вернадский, Б.Дюландер, М.Диккерс, Н.Моисеев, Д.Нелкин, У.Роув и др. Ученые были единодушны, приходя к выводу, что при сохранении существующих тенденций научно-технического прогресса и экономического развития человечество в первой половине XXI века ожидает глобальная катастрофа. Все многообразие рисков, связанных с неконтролируемыми последствиями развития техники и современных технологий на среду обитания человека объединяются под общим понятием «технологический риск».

К технологическому риску относятся. Во-первых, риск экологической (инвайронментальной) катастрофы, вызванный вмешательством человека в природу. Такая деятельность, независимо от желания людей, способна привести к нарушению природного баланса физических, химических, геологических, биологических, климатических связей, имеющих решающее значение для всей системы жизнеобеспечения планеты. Загрязнение воздуха и воды, накопление отходов химического производства, атомной энергетики, применение пестицидов, минеральных удобрений, вырубка лесных массивов, создание искусственных водоемов, осушение болот приводят к необратимым изменениям в природе, представляя возрастающую угрозу здоровью и сложившемуся образу жизни людей.

Во-вторых, все виды рисков, связанных с негативными последствиями научно-технического развития. Ставя под сомнение незыблемость и непогрешимость науки как источника прогресса, современная рискология приходит к выводу об амбивалентности научных и технических инноваций. Аварии на атомных электростанциях, транспортные и космические катастрофы, взрывы газопроводов, унесшие жизни сотен и тысяч людей, свидетельствуют, что никто не застрахован от несчастного случая, вызванного несовершенством современной техники.

В-третьих, риски, являющиеся следствием уязвимости субъективных компонентов человеческого фактора. Применение современных технологий и технических средств неизмеримо повышает цену ошибки, особенно ошибки управления. Несоблюдение технологической дисциплины, нарушение правил техники безопасности, неосторожность и разгильдяйство занимает одно из ведущих мест среди причин разного рода инцидентов со смертельным исходом или с тяжкими увечьями.

Особую опасность этот фактор риска представляет в связи с ошибками управления. Тогда жертвой нарушений может стать любой человек, а счет пострадавшим идет уже на десятки, сотни и тысячи. Ошибка водителя автомобиля может стоить жизни уже не одного, а нескольких человек, ошибка авиадиспетчера – сотням, ошибка оператора атомной электростанции становится национальной или даже мировой катастрофой.

К началу 90-х годов проблема глобализации риска достигла такого уровня, когда Всемирная комиссия ООН по окружающей среде и развитию, возглавляемая Г.Брундланд, вынуждена была поставить вопрос о необходимости новой модели развития цивилизации, получившей название «устойчивое развитие» (sustainable development). В ее основе лежит осознание риска прекращения существования человека как биологического вида. При таком подходе к определению риска причиной, порождающей его, выступает человек, неспособный существовать в гармонии с природой, а жертвой становится человечество, утрачивающее возможности для выживания настоящего и будущего поколений.

1.5. Информационный риск

В восьмидесятые годы XX века доминирующей тенденцией развития современной цивилизации становится переход многих передовых стран мира от постиндустриального к информационному обществу, в котором знание является источником динамизма и инноваций, механизмом обретения власти и основой социальной организации. Поэтому не собственность, а знание, информация и их производство приобретают статус главной заботы постиндустриального общества²².

Становясь, все более рефлексивным, знание ложится в основу критического анализа и изменения способа организации жизни индивидов и социальных групп. Организационно–технологической основой информационного общества становятся глобальные информационные сети.

Однако, с развитием информационно–коммуникационной среды общественной жизни все более очевидными представляются некалькулируемые последствия так называемой «третьей волны», обозначающей по Э.Тоффлеру информационное общество. Поколебленная надежность всех существовавших до настоящего времени основ познания, изменчивость знания как такового и, наконец, подрыв доверия к науке, не всегда адекватно и честно информирующей общественность о всевозможных угрозах, не только не снимают неопределенность на социетальном уровне, но, значительно ее обостряют²³. Следовательно, подразумевается, что сама научная информация может служить источником угроз.

Наступление эпохи знаний и формирование мирового информационного пространства совпало с протекающими в экономике, науке, культуре процессами глобализации. Эти процессы потребовали

обеспечения информационного взаимодействия между разными социумами. Возникновение глобальной телекоммуникационной системы INTERNET, интерконнекция финансово-банковских структур, создание информационных систем в сфере борьбы с международной преступностью, международные специализированные организации в различных областях и другие привычные атрибуты современного общества, являются признаками эры информатизации.

В условиях постмодернизма информация приобрела роль одного из главных рычагов социального управления. Развернувшаяся в современном мире борьба различных государственных и негосударственных, в том числе коммерческих, структур за массовое сознание дала новый импульс разработкам в области информационных технологий. Объектом такой информационной борьбы выступает человек и его внутренний мир, мотивационная сфера его сознания и поведение.

Выполняя в современном обществе функции товара, информация призвана приносить прибыль и ее производителю, и распространителю. Следовательно, либеральная ценность свободы самовыражения и масс-медиа с одной стороны, и коммерциализация данной сферы с другой, не способствуют успешному контролю над ее качеством. Между тем, заинтересованность в высокой прибыли остается главным мотивом, а «поглощение» потребителем едва ли не единственным критерием продвижения информации. Свободные от ограничений, не фильтрующиеся информационные потоки содержат в себе риск негативного социокультурного влияния на пользователей, формированию извращенных ориентаций, вкусов, предпочтений.

Высокая интенсивность информационного воздействия определяется его чувственно-эмоциональным наполнением и апелляцией не столько к рациональному мышлению, сколько к чувствам людей. Данный механизм информационного влияния обуславливает высокую восприимчивость к ней молодежи. Как известно, ее сознание лишено устойчивых образцов, следовательно, лабильно и открыто по отношению к новым ярким паттернам идентичности. В силу этого негативные последствия информационного прессинга особенно пагубно отражаются в индивидуальном и общественном сознании молодежи.

Влияние информации может быть исключительно сильным, способным привести к самым серьезным деформациям, вплоть до изменения психики, доведения ее до болезненного состояния. Замечено, что информация негативного плана способна провоцировать девиации: агрессивность, суицидальные действия, нарушение общественного порядка, экстремизм. В то же время, информационные искажения от сокрытия до лжи способны привести к недоверию и двум противоположным типам реакций: подавленности и общественной агрессии. Столкнувшись на протяжении последних лет с проблемой детского вооруженного насилия, официальные власти США выдвинули известной «фабрике грез» требование отрегулировать процесс распространения видео продукции на рынке с целью ограждения детей и подростков от агрессивных образцов поведения.

Особое управленческое значение имеет социальная информация. Она направлена на усвоение индивидами и группами определенных знаний и представлений, на формирование у них соответствующих норм и ценностей. Мощный управленческий потенциал информационных потоков делает их

эффективным орудием манипуляции массовым сознанием во имя корпоративных интересов тех или иных социально-политических сил или коммерческих кругов.

Результатом воздействия несущих такого рода информацию средств является не только социально-психологический тип и поведение отдельных индивидов или групп, но и особое общественное сознание, отражающее национальный менталитет. Представляя собой не статическое или сиюминутное явление, а социальный процесс социальная информация оказывает долговременное влияние на общество и его сегменты.

Таковы основные причины, позволившие социологам и социальным философам связать процессы глобализации информатизации с социальным риском, поставить вопрос о необходимости локализации информационного риска²⁴.

Немалую обеспокоенность проблема информационного риска вызывает в российских научных кругах и в среде общественности, где предупреждение информационных угроз рассматривается в контексте обеспечения национальной безопасности, сохранения культурно-исторической уникальности общества. Все чаще предметом анализа выступают методологические и практические аспекты обеспечения информационной безопасности личности и общества как системы.

В целом под информационной безопасностью понимается обеспечение всесторонней защиты личности, общества, государства от организованной или стихийной информации, обслуживающей внутренние интересы социально-политических сил и ведущей к деструкции поведения индивидов и групп, экономическому кризису, социокультурным деформациям и росту социальной напряженности. В качестве инверсного противопоставления информационной безопасности выдвигаются понятия информационная опасность, информационный вызов, информационная угроза²⁵.

Если информационная угроза содержит в себе потенциальную возможность использования информационных рычагов управления интересами, потребностями, целями и ценностями социального объекта, то информационная опасность трактуется как реальное информационное воздействие, осознанно или бессознательно ведущее к деформации устойчивого позитивного развития индивида или социума. При этом субъект информации, воздействующий на личность, группу, общество в своих корыстных целях, противоречащих интересам объекта, осуществляет информационный вызов. Таким образом, информационный риск, по мнению Митрохиной, определяется как «пограничное состояние между информационной угрозой и реальным действием по ее применению»²⁶.

1.6. Социокультурные основания риска

Глобализация технологического риска потребовала выработки нового мышления, вводящего в современную рискологию общечеловеческие нравственные и гуманистические императивы. Поиск факторов рационализации и пределов допустимого риска повысил интерес к его социокультурным основаниям.

Ведущим специалистом в разработке данного подхода по праву может быть признана неоднократно упомянутая антрополог М. Дуглас. Проследив

эволюцию понятия «риск», она отметила возрастающее к концу XX века значение этого явления, подчеркивая, что опасности, продуцируемые процессами глобализации риска, повлияли не только на его актуальность, но и скорректировали его смысловое содержание. По-прежнему концепция вероятности лежит в основе определения риска, используется она и в работах Дуглас. Однако, как пишет Луптон, она одна из первых усомнилась в адекватности традиционных исследований риска, которые «игнорируют концептуальные, этические и моральные издержки соблюдения равенства и справедливости»²⁷.

Дуглас не отрицает наличия широкого спектра рисков ни в доиндустриальный, ни в постиндустриальный период, но выражает озабоченность, что даже политизация риска не привела к установлению отчетливых связей между справедливостью, эмансипацией и риском²⁸. «Риск, опасность и грех, используемые во всем мире для легитимации политики или для ее дискредитации, применимы и для защиты индивидов от их алчных соплеменников, а также для защиты социальных институтов от индивидов»²⁹. Как видно, концептуальный подход Дуглас строится на противопоставлении злодея и жертвы, где невинные индивиды или группы, поставленные в условия риска, нуждаются в своего рода компенсации, масштабы которой требуют специального анализа. Важным шагом вперед стал поиск «приемлемого риска»³⁰.

Развивая этот подход, Н.Смакотина отмечает, что «риск всегда касается ценностного решения, являясь необходимым элементом любого выбора». Она приходит к выводу о правомерности «нравственного риска, многочисленные примеры которого даны в Евангелии (Новом Завете). В этом произведении риск воспроизводится как риск «искушения» (в частности, искушений Иисуса Христа), «соблазна», «греховного» деяния»³¹.

Таким образом, тезис о том, что риск социально конструируем, а значит, его оценка не свободна от ценностей, стал важным отличием социокультурного подхода в современной рискологии. Вполне обоснованным в этой связи представляется стремление сторонников данного подхода определить влияние политических, моральных и эстетических факторов на анализ и управление риском.

Попытки изучения риска без систематического отслеживания и принятия во внимание культурных особенностей, по глубокому убеждению Дуглас, являются тщетными³². Тщетность кроется в процессе политизации риска, который, по ее мнению, непосредственно связан с вопросом об ответственности и возложения вины за его возникновение. «Чья вина? - первый вопрос. Затем, какие дальнейшие действия, то есть каков нанесенный урон? Какова компенсация? Что можно вернуть? ... Под знаменем снижения риска, возникает новая система обвинений, заменяющая прежнюю комбинацию моралистического и оппортунистического обвинения жертв за их некомпетентность»³³.

Ключевым в данном подходе является обеспечение индивидам свободы от риска, в противном случае ответственность возлагается на тех, кто в действительности ответственен за его возникновение. Тем более что профессиональные эксперты, участвующие в обсуждении проблем риска, действуют часто далеко не в интересах его жертв. А наука, как правило, исполняющая роль арбитра, все больше теряет свой независимый статус³⁴.

Так называемый «объективный подход» к проблеме риска, т.е. рациональное его восприятие как объективной реальности, является для Дуглас скорее заблуждением, хотя для общественного мнения именно он представляется более предпочтительным. В массовом сознании распространенным является неприятие рискованных ситуаций как рациональной модели поведения, а вся

кий риск видится иррациональным. Люди с трудом прибегают к вероятностному способу его оценки и больше полагаются на случай.

Объяснение этого феномена упирается в вопрос - являются ли индивиды свободными акторами, или они стеснены различными неустойчивыми переменными (невежеством, средой риска, институциональными принуждениями и т. д.). По мнению Дуглас, ответ заключается в уровне информированности каждого, вовлеченного в ситуацию риска и необходимости оценки этой информированности. Как много знают индивиды или группы о риске? Ощущают ли они свою незащищенность перед риском? От этого в конечном итоге зависит восприятие риска и процесс его рационализации.

В одной из своих книг Дуглас доказывает, что в до-современный период главными проблемами, ассоциировавшимися с риском, были голод и экономические спады, войны и преступность, ядерные и инвайронментальные опасности. Поэтому актуализировался вопрос о приемлемом риске, степень допущения которого растет с увеличением прибыли и наоборот. В дальнейшем указанные переменные все более связываются с индивидуальной свободой и справедливостью³⁵.

Однако одной из основных проблем для индивидов остается то, что риск продолжает восприниматься как нечто объективное, а не субъективное, вследствие чего имеет место его недооценка, хотя и предполагается, что он должен находиться под контролем³⁶. Таким образом, делает вывод Дуглас, «факт влияния социокультурных факторов на восприятие и реакцию на риск до конца не осознается»³⁷.

По ее мнению можно выделить, по крайней мере, две причины недооценки риска, с которым сталкиваются люди. Во-первых, это слабая и избирательная (а в современных условиях контролируемая и формируемая) память. Во-вторых, недостаточная роль системы образования в формировании соответствующего знания и осознания реальных рисков³⁸. Не удивительно, что лишь незначительная часть людей, констатирует она, отличается развитым чувством несправедливости, стремлением к возмездию и требованием «платы по счетам», когда негативные последствия риска становятся очевидными³⁹.

Резюмируя данные рассуждения, бывший соавтор Дуглас Арон Вилдавский и его коллега Карл Дэйк, систематизировали несколько теорий восприятия риска. В центре первой из них находится связь информированности о риске с осознанием опасности. Насколько знание и осознание риска совпадают.

Вторая теория указывает на то, что отношение к риску (стремление его избежать или принять) является атрибутивной характеристикой личности, а значит, главным выступает связь между структурой личности и отношением к риску. В-третьих, в обусловленности рисков ведущее место занимает борьба интересов и, поэтому, восприятие риска приобретает гендерные, возрастные и классовые характеристики. Наконец, поддерживая

позицию Дуглас, Вилдавский и Дэйк считают нелишним напомнить о культурной подоплеке восприятия риска, включающей мировоззренческие и идеологические особенности, а также паттерны социальных отношений⁴⁰.

Социокультурные факторы риска заметно влияют на характер социальных отношений. С одной стороны, члены общества проявляют заинтересованность в поддержании внутренних связей в условиях риска и склонны обвинять оказавшихся в ситуации риска за неудачные действия. С другой, есть и такие, кто твердо верит в перспективность индивидуальных действий и в соревновательность, в силу чего они оказываются постоянным источником конфликта, а не солидарности в обществе. При таком подходе риск рассматривается больше как вопрос судьбы или шанса, а не как наказание за неумелые действия.

Как видно, первая категория демонстрирует высокий групповой этос и сплоченность, в то время как представители другой группы отличаются слабыми внутригрупповыми связями и высокой индивидуальностью. На основе этих наблюдений была выстроена типология индивидуальных/групповых реакций на риск (таблица 1.1)⁴¹.

Приведенная типология полезна тем, что дает общее представление о проявлении социокультурных составляющих в индивидуальных или групповых реакциях на условия риска. Отмеченные поведенческие стереотипы должны, по мнению Дж. Адамса составить основу концепции управления рисками⁴².

Таким образом, в 80-е и в начале 90 -х годов XX века развитие теории риска происходит по направлению *от оценки его преимущественно стоимостного значения с использованием теории вероятности к анализу социокультурных и социально-политических особенностей восприятия и управления риском. Эти два подхода легли в основу современных теорий риска и его дальнейшего переосмысления.*

Таблица 1.1

Типы личности	Основные признаки
«Иерархисты»	Уважительное отношение к авторитетам и официальным организациям, конформизм в отношении норм и ожиданий, касающихся риска.
«Эгалитаристы»	Высокая степень групповой идентификации и непримиримое отношение к аутсайдерам, оказавшимся в ситуации риска. Скептическое отношение к распространенным нормам и твердая вера в эффективность деятельностного подхода к решению проблемы риска.
«Индивидуалисты»	Низкий уровень идентификации с группой, склонность к саморегулированию риска, сопровождаемая возмущением внешних ограничений, и осознание риска как диалектики опасности и прибыли.
«Фаталисты»	Отдаются в руки судьбы, связывая с ней появление рисков и не видят реальной возможности контролировать риск.

1.7. Современная социология и риск

Глобальные изменения, ознаменовавшие конец XX века, поставили мир перед лицом новой социальной реальности, которая опровергает все сложившиеся представления об обществе. Становится очевидным, что динамика развития современных обществ не может быть адекватно интерпретирована методами классической социологии. Неопределенность новой реальности, нестабильность социальных процессов, проникновение риска во все сферы жизнедеятельности обществ предопределили появление пограничных областей, исследование которых возможно лишь на основе междисциплинарных подходов. К таким отраслям социологического знания относятся «социология нестабильности» и «социология риска».

Понятие «социологии нестабильности» было введено в научный оборот отечественным социологом А.Бекаревым⁴³. По его мнению, в рамках социологии нестабильности должны объединиться интересы ученых, направленные на изучение социокультурных механизмов, регулирующих поведение индивидов, социальных групп и социальной системы в целом в условиях нестабильного кризисного развития.

Выстраивая социологическую концепцию кризисного, нестабильного общества, Бекарев фиксирует два его экстремальные состояния. Первое характеризуется механическим и фатальным порядком функционирования общественного целого. Поведение людей жестко запрограммировано, сознание унифицировано и легко поддается манипулированию. Социальные институты контролируют порядок и обеспечивают стабильность, в форме застоя, «замерзания», по определению Бекарева.

Другое состояние – это крайние формы нестабильности в обществе. Люди имеют возможность свободно высказывать свое мнение, но оно не имеет никакого влияния, поскольку за ним не следуют поступки. Рефлексия приобретает абстрактный характер, оторванный от практической деятельности. В силу этого, поведение людей мало предсказуемо и ситуативно. Для такого состояния характерно, по выражению Бекарева, «кипение» в обществе, не находящее конструктивного выхода. Оба состояния являются крайними формами неопределенности.

«Между этими состояниями, - пишет Бекарев, - социология чувствует себя как дома и действует по всем канонам «социальной физики». Она изучает притяжение внутри общества (системный функционализм), не забывает об отталкивании (конфликтологический подход), исследует рациональный выбор (бихевиоризм, теория обмена), диагностирует поведение людей сквозь призму культурных прерогатив (символический интеракционализм, этнометодология)» Но в крайних состояниях обществ, по его мнению, социальная физика бессильна⁴⁴.

Еще более широкие обобщения делает в связи с этим известный французский социолог А.Турен. Он связывает смену социологического понимания и объяснения общественных процессов с тем, что «мы уходим от индустриального общества и присущих ему способов мышления и входим в ситуацию, определяемую растущей способностью коллективов воздействовать на самих себя, особенно там, где власть не ограничивается предписанием форм труда, но также, и, может быть прежде всего, предписывает образ жизни, поведения, потребностей»⁴⁵. Такая задача социологии видится ему в том, чтобы изучать действующие лица и конфликты, отказавшись от «поиска законов общественной жизни, какой бы природы они не были, предпочитая законы разума или законы прибыли»⁴⁶.

Подобная социальная концепция, по его мнению, запрещает «центрировать анализ» на идее общества. Она признает за социальным целым или какой-либо из его частей только «слабую степень стабильности и даже связанности». А значит, признает, как естественное, состояние неопределенности и риска.

Подобные выводы представляются излишне категоричными. Классическая социология накопила немалый опыт в анализе дезинтеграционных, кризисных, конфликтных процессов. Особенно весомый вклад в исследование нестабильного общества внесен отечественными социологами, весьма успешно изучающими эти процессы, как на эмпирическом, так и на теоретическом уровне. Однако, нельзя не согласиться с Бекаревым в главном, что в условиях нестабильности и глобализации риска необходим системный взгляд на эти проблемы в рамках отраслевой социологической дисциплины, а также с мнением Турена о необходимости поиска новых концептуальных подходов для изучения нестабильного общества. Такой взгляд содержится в трудах Е.Бабосова, У.Бека, Р.Бернштейна, Э.Гидденса, С.Никитина, Н.Смакотиной, А.Урсула, К.Феофанова, О.Яницкого.

Успешная попытка осуществить теоретическую реконструкцию постнеклассической парадигмы современной науки осуществлена Н. Смакотиной в книге «Основы социологии нестабильности и риска». Автор подробно анализирует проблему рациональности человеческих действий в условиях социального кризиса и, характерной для него, утраты людьми социальной реальности. Развивая идеи Э.Гидденса, рассматривающего рациональность как особое качество социального действия, как «рефлексивность», Смакотина предлагает собственную структуру парадигмы рационализма. В ней рационализм сопрягается с неопределенностью, которая по ее мнению «обладает большей широтой и глубиной охвата социальных явлений, большим эвристическим потенциалом, нежели понятие иррациональности»⁴⁷.

Решение проблемы рациональности в условиях неопределенности и риска предполагает выделение неопределенных, неосознанных элементов в самой структуре деятельности, а также рассмотрение их в контексте синергетического (сотрудничество, кооперация) синтеза. В контексте синергетического подхода механизм формирования социального порядка реализуется на междисциплинарном уровне, в частности на стыке социологии и психологии. «Точками «встречи» социологии и психологии, - пишет Смакотина, - становятся в этом случае интенсивно разрабатываемые и используемые в обеих областях научного исследования понятия установки («социальной установки» и «психологической установки») и неосознанных интенциональных переживаний – экзистенциальных состояний (заботы, ожидания, веры, доверия, страха и т.д.), которые выступают в виде спонтанных регуляторов человеческой деятельности и неких «встроек» в рациональную структуру сознания»⁴⁸.

Процесс формирования неклассической и, особенно, постнеклассической картины мира, связанный с введением в описание реальности принципа неопределенности сопровождается, по мнению Смакотиной, «изменением статуса разума и порождаемой им рациональности»⁴⁹. Появляется новый образ «интуитивного» (в основном практического) разума, реализующего свои функции через чувственность и

связанную с ней ценность. Рациональность, возникающая в поле значимости «интуитивного разума», образует его «ценностно-рациональный контур» (этос). Этос, таким образом, представляет собой систему синергичных механизмов социальной деятельности, позволяющих наиболее адекватно обозначать глубочайшие социокультурные сдвиги, проявившиеся в новой социальной реальности.

В этой системе выделяется особый тип синергичного механизма, который воплощается в ситуациях неопределенности в специфических формах поведения и мышления, обыкновенно обозначающихся как рискованное поведение и эвристическое инструментальное мышление. Риск в данной концепции рассматривается «как способ измерения и расчета действий, основанных на ожиданиях, доверии, страхах, мнениях, настроениях»⁵⁰.

То есть речь идет о калькулируемом риске. Причем измеряются и рассчитываются именно интенциональные (направленные) переживания – уровень (степень) доверия, страха и т.д. Исходя из такого подхода, автор систематизирует ситуации, порождающие риск, и соответствующие им определения риска.

Как междисциплинарную науку представляют социологию риска С.Никитин и К.Феофанов. Определяя ее предметную область, они выделяют следующие принципы:

Социологическая рискология должна работать на стыке различных обществоведческих и гуманитарных дисциплин, постоянно обращаясь к их материалу, синтезируя разноплановые данные, преимущественно абстрагируясь от рассмотрения индивидуальных психологических процессов с акцентом на индивидуальное (например, от биопсихологических механизмов восприятия и оценки риска) и от рассмотрения политических, экономических, этических, культурологических и иных процессов с акцентом на исключительно политологические или узкоэкономические механизмы риска.

Степень и формы абстрагирования – использования данных частных рискологий должны определяться процессом рефлексии с позиций интегративного целого. Такая рефлексия представляется способом избежать чрезмерного усложнения работающих определений риска и методом их иерархической структурализации. Она является предпосылкой интегративного, плюралистического и гуманистического подхода, свободного от научного редукционизма (в том числе и таких его управленческих и политических проявлений, как технократизм) и более адекватного, имеющей место в действительности нелинейной соподчиненности ценностей различных сфер общественной жизни.

Социология риска должна быть предметно ориентирована на изучаемую проблему, и это также должно определять степень абстракции – привлечения «смежных» научных дисциплин.

Социология риска должна иметь дело с социологическим изучением социальных общностей (таких как город, деревня, трудовой коллектив, промышленное предприятие, семья и т. д. – присущими социологии методами), а также с социально-психологическими, социально-политическими основами того или иного проявления их жизнедеятельности⁵¹.

Таким образом, в современной социологии сложились общие методологические подходы к осмыслению и решению проблемы риска.

1.8. Концепция «общества риска»

Проблемы, связанные с углублением кризиса современного индустриального общества, с развалом Советского Союза и с фактическим переходом к однополярному миру, явились основанием для появления новых факторов неопределенности и глобализации риска. Возникла актуальная потребность в определении меры безопасности, в необходимости выработки механизмов и технологий, не столько препятствующих возникновению риска, сколько адаптирующих человека к жизни в условиях неопределенности, к действиям в ситуациях риска. Для этого понадобился нетрадиционный взгляд на модернизацию, выявление ее связи с риском.

Разработка такого подхода в социологии риска связана с именами английского социолога Энтони Гидденса и немецкого социального философа Ульриха Бека.

Обращение к деталям теории обоих исследователей вскрыло не только своеобразие их подходов, состоящее в кардинальном переосмыслении природы риска и в демонстрации признаков разрушения так называемой современности, но и то, что, работая независимо, Гидденс и Бек удачно дополнили друг друга различным, часто противоположным, видением риска. Если факт имманентного существования риска не вызывает с их стороны споров, то последствия риска для общества, а также возможности его снижения и контроля оцениваются ими далеко не однозначно.

В книге «Последствия модернизма» («The Consequences of Modernity») Гидденс соотносит современность с периодом модернизации, в который вступила Европа после XVII века. Как социально-философская концепция, характеризующая определенное состояние общества, это понятие во второй половине XX века наполнялось разным содержанием, отражая последствия модернизации со всеми ее позитивными и негативными сторонами: «информационное общество», «общество потребления», «постиндустриальное общество», «посткапиталистическое», «постмодернизм». «Модернизм, по мнению Гидденса, - двойственное явление. Он смел все традиционные типы социального порядка в беспрецедентной манере... Развитие современных социальных институтов и их мировое распространение дали широкие возможности человечеству наслаждаться безопасностью и вознаграждением за существование ... Однако модернизм обладает и другой стороной, со всей очевидностью проявившейся в XX веке»⁵². Это отчуждение, бедность, рост преступности, загрязнение окружающей среды.

Именно поэтому, анализируя различные социологические концепции перехода от традиционного общества к современному, Гидденс останавливается на идее «рефлексирующей организации и реорганизации социальных отношений»⁵³. Под рефлексивностью понимается особое качество социального действия, отражающее способность субъекта осознавать и «поддерживать постоянное «теоретическое понимание» оснований своей деятельности»⁵⁴.

Опасность и риск, неизбежно возникающие в таком обществе, сводятся к минимуму, посредством рефлексивной организации, ключом к

успешному функционированию которой, по мысли Гидденса, является доверие. Доверие в понимании автора необходимо отделять от понятий защищенности, опасности и риска, хотя они и взаимосвязаны. Под доверием понимается стремление минимизировать опасность в пределах так называемого допустимого или приемлемого риска. Что же касается понятия опасность, то оно отражает рискованное действие, угрожающее благоприятным последствиям⁵⁵. Аргументируя дифференциацию этих понятий, Гидденс продолжает: «То, что риск предполагает - уж точно опасно, но не обязательно осознается как опасность»⁵⁶.

Рассмотренная концепция, таким образом, означает доверие, прежде всего, исправно функционирующей системе, что позволяет людям обдуманно рисковать. Риск же в данном подходе - это действие, предпринимаемое при осознании всех потенциальных угроз, связанных с той или иной специфической деятельностью. Этот процесс и называется Гидденсом «калькулируемым риском»⁵⁷.

Аналогичный подход к современному обществу характерен и для У.Бека, исследовавшего связь модернизации и риска в книге «Общество риска: в отношении новой современности» («Risk Society: Towards a New Modernity»). Поставив цель проанализировать природу пост-индустриального общества или так называемой поздней современности, он сумел преодолеть существующие подходы к определению «классического индустриального общества» и выдвинуть новую идею «(индустриального) общества риска». Речь идет о переходе от этапа пре-модернити к рефлексивной стадии модернизации и это, по Беку, не конец, а лишь начало современности, преодолевающей прежние классические индустриальные очертания⁵⁸.

В отличие от Гидденса, стоящего на том, что элементы снижения риска в основном перевешивают новые риски, Бек утверждает, что сама современность представляет главную угрозу обществу. Именно современность представляется Бекем причиной незаконченной или неполной модернизации, что в свою очередь детерминирует формирование «общества риска».

Тем не менее, преодоление негативных аспектов риска оба ученых видят в рефлексивности, включающей структурные изменения (изменения взаимодействия между социальной структурой и агентами модернизации, освобождение последних от принуждения и притеснений, дозволение им формировать процесс модернизации). Понятие «рефлексирующая модернизация» призвана наиболее адекватно отразить суть этого процесса.

Известно, что модернизация и, как следствие, современность сопровождается расширением выбора, индивидуализмом, либеральной демократией и т. д. Однако, по мнению Бека, это не произошло из-за того, что современность сама испытывает ограничения. Уделяя особое внимание новой современности, он выделяет три стадии социальных изменений:

1. Пред-современность
2. Простая современность
3. Рефлексирующая современность

С развитием общества происходит переход от индустриального общества, с классово обусловленным распределением товаров и услуг, к обществу риска с преимущественно индивидуальным распределением. Общество риска, таким образом, определяется как следующая стадия индустриального общества. Риск, по определению У. Бека, это «вероятность

физической угрозы, вызываемой технологическими и другими процессами»⁵⁹.

Гидденс в своей концепции глобализации риска не столь категоричен. Он не стремится рассматривать общество риска в качестве новой социально-экономической формации, как это делает Бек, хотя и не отвергает факт глобализации среды риска. «Риск, - пишет он, - касается не только индивидуальной деятельности. Существуют среды риска, которые оказывают влияние на огромные массы индивидов»⁶⁰.

Очерчивая концептуальные границы современности, Гидденс выделяет ее четыре институциональных измерения: капитализм, контроль, военная сила и, наконец, индивидуализм⁶¹. Постепенно происходит их трансформация таким образом, что возникает мировая капиталистическая экономика, национально-государственная система, мировой военный порядок, международное разделение труда⁶².

В свою очередь, глобализация в его трактовке проявляется в «укреплении международных социальных связей, способных связать отдаленные друг от друга местности таким образом, что любое местного значения явление отражается за многие мили от места происшествия и наоборот»⁶³.

Таким образом, степень опасности, безопасности и риска, характерные для того или иного региона, могут рассматриваться в глобальном контексте. Глобализация, в свою очередь, подразумевает практическую невозможность определить точную величину так называемых «просчитываемых рисков».

В этом взгляды Гидденса и Бека полностью совпадают. Отмечая, что человечество систематически сталкивается с различными видами рисков, такими как бедность, болезни, угроза дисквалификации, экологические и ядерные риски, Бек подчеркивает, что мы не всегда можем просчитать их последствия. Примером таких долгосрочных, до сих пор мало предсказуемых последствий стала упомянутая исследователем чернобыльская авария. Все это дает ему основания в современных условиях сомневаться в валидности теории вероятности для калькуляции риска.

Панацеей от рисков по мнению немецкого социального философа должна стать рефлексивная модернизация, источником которой могут послужить наука, интеллигенция, группы давления, способные повысить уровень доверия в обществе. Различия между классической и рефлексивной модернизацией представлены в таблице 1.2.

Таблица 1.2

Сравнительные характеристики различных типов модернизации по Беку

Классическая модернизация	Рефлексивная модернизация
Производство богатства	Производство риска
Традиционные образцы структуры	Разрыв традиционных связей, дезинтеграция структур, являющиеся следствием не кризиса, а успеха процесса модернизации

В соответствии с видением Бека производство и распределение богатства уступает место производству и распределению рисков и угроз, которые необходимо минимизировать и по возможности предотвращать. На этой стадии анализа формулируется его более квалифицированное определение риска как «систематическое столкновение с угрозами и незащищенностью, вызванными и представленными самой модернизацией»⁶⁴.

Гидденс также видит угрозу со стороны модернизации, однако рассматривает возможность преодоления рисков путем ее совершенствования, прежде всего, социально-экономического. То есть, если Бек концентрируется на политическом контексте риска, то Гидденс на социально-экономическом. Говоря о доверии, он выделяет два его вида: доверие системе и доверие индивидам, причем индивиды и группы нуждаются в основаниях для доверия системе - доверия в отношении получения прибыли и доверия в отношении способности экспертных и правительственных органов снизить потенциальные риски. Этот зыбкий, но крайне важный баланс Гидденс называет онтологической безопасностью: это «уверенность людей в преемственности их самоидентификации и в постоянстве окружающего социального и материального мира, в котором они действуют»⁶⁵.

Станет это реальностью или нет зависит от «с р е д ы». В данном контексте, заключает Гидденс, мы являемся свидетелями перехода от домодернистской «среды доверия» с локальным центром к современной «среде риска», распространяющейся по всей глобальной арене. Таким образом, те проблемы, которые кажутся нам постоянными и неизменными спутниками нашей жизнедеятельности, на самом деле имеют другие последствия⁶⁶.

Во-первых, последствием становится конфликт между локальными и глобальными явлениями, когда наши связи с общиной (система родственных связей, религия, персональное доверие) под давлением глобализации разрушаются. Во-вторых, глобализация рискованной среды означает расширение риска за пределы национальных (государственных) границ. В этих обстоятельствах попытки локального контроля риска неизбежно терпят фиаско. В-третьих, возрастание компетентности индивидов и групп в отношении окружающего мира, повышение их знаний о рисках позволяет реально оценить компетентность экспертов и их возможности контролировать риски. Не случайно доверие существующей экспертной системе заметно поколебалось.

Результатом этих процессов, согласно Гидденсу, становится сочетание «неопределенности» и «несовершенства» функционирования *интеграционных механизмов*⁶⁷.

Индивидам или группам, лишенным серьезных возможностей противостоять этим процессам, уготовано лишь смирение и адаптация к существующим опасностям. Современность, таким образом, может быть сравнима с неуправляемым, несущимся на огромной скорости грузовиком. Мы вынуждены быть его пассажирами даже, если на пути случаются аварии и не ясно направление движения. Будущее в этих условиях непредсказуемо.

Гидденс видит четыре возможных типа реакций на эту ситуацию:

1. Прагматическое принятие, выраженное в повседневном выживании при пессимистическом или оптимистическом, а иногда и смешанном, восприятии действительности.

2. Устойчивый оптимизм, характерный для тех, кто верит в провидение, способное вывести из любой ситуации, невзирая ни на какие опасности.

3. Циничный пессимизм, распространенный среди тех, кто с ностальгией вспоминает о прошлом, а будущее видит как негативное.

4. Радикальная вовлеченность (активность) отличает тех, кто не привык безучастно наблюдать, а готов протестовать, мобилизуя себя и других с целью снижения, предотвращения или преодоления рисков. Такие социальные группы становятся социальной базой общественных движений⁶⁸.

Доминанта или комбинация возможных реакций может меняться, усиливая или снижая уровень риска в обществе. При этом Гидденс, в отличие от Бека, считает снижение риска принципиально поддающимся управлению и зависящим от возможностей контроля над современностью. Минимизация риска и максимизация возможностей современности способны остановить «несущийся грузовик»⁶⁹.

Получив широкое признание, работы У.Бека и Э.Гидденса по проблеме модернизма не избежали критики. Особенно острую критику вызвало игнорирование Беком социально-классовой природы рисков. «Диффузия риска, - пишет он, - происходит вне зависимости от власти и благополучия, хотя и концентрируется в слабых, социально-незащищенных слоях... Особая подверженность риску последних связывается прежде всего, с их образом жизни и недостатком знаний о риске, а не с социальным положением... Даже богатые и обличенные властью не застрахованы от рисков». Поэтому рискованная позиция, делает вывод Бек, «не является автоматически отражением места, занимаемого группой в социально-классовой структуре общества. Напротив, риск становится все более общим явлением, пронизывающим классовую структуру»⁷⁰.

Такая трактовка риска вызывает несогласие, в частности со стороны М. Дуглас, указывающей на наличие социально-статусных и социокультурных факторов риска. «В условиях индивидуалистической культуры, - оппонирует она, - социально ослабленные группы неоправданно несут на себе бремя вины за все, что с ними происходит»⁷¹.

Еще более категорично высказывает свое несогласие с позицией Бека и Гидденса Б.Тёрнер, принципиально не разделяющая мысль об изменении природы рисков в условиях модернизма. Более того, констатируя процесс глобализации риска в передовых капиталистических системах, находящихся на высшей стадии современности, он особо подчеркивает, что «риски возникают из самого процесса производства богатства..., представляя угрозу для всей системы человеческих сообществ»⁷².

Вместе с тем, несмотря на некоторые различия во взглядах Гидденса и Бека, а также на критику их позиции, в рассматриваемых подходах к риску содержится немало перспективных моментов:

во-первых, риск рассматривается не просто как вопрос персональной судьбы, но как явление, имманентно присущее самой современности. Отсюда и возникает бековский термин – «общество риска», используемый им для описания природы модернизма;

во-вторых, современность четко обозначила так называемую индивидуализацию ответственности за риск, при которой индивидам не приходится ждать помощи от государства, а рассчитывать на собственные силы и принять ответственность за преодоление риска на самих себя. Иначе говоря, срабатывает принцип «каждый за себя» и здесь риск рассматривается как часть идеологии индивидуализма и рыночных отношений;

в-третьих, усиливается потребность в социальном управлении рисками, которое так или иначе должно влиять на контроль и восприятие риска. Если экспертам принадлежит роль источника знаний, то правительства должны формировать соответствующее общественное сознание, готовое участвовать в процессе минимизации рисков;

в-четвертых, продолжающаяся тенденция глобализации риска придает этому феномену характер интернациональности.

Каковы же основные черты общества риска?

Как считает Бек оно возникает на основе распадающегося индустриального общества, постепенно вытесняя его, структурируясь вокруг производства рисков, доминирующих во всех его сферах и не поддающихся контролю со стороны общественных институтов.

Если индустриальное общество полагалось на традиционные социальные нормы, в частности, образцы семейных отношений и гендерных ролей, то развитие общества риска радикально изменило природу социальной структуры, роль и значение социальных классов, семьи, гендера, института брака, профессий и т.д. В итоге на смену традиционализму и коллективизму приходит индивидуализация. «Общество риска, пишет Тёрнер, ассоциируется с новыми формами индивидуализма, в основу которых ставится собственное «Я» и собственные интересы»⁷³.

На вопрос живем ли мы до сих пор в классовом обществе или нет, Бек отвечает, что образцы социального неравенства остались более или менее стабильными, притом, что уровни жизни претерпели существенные изменения. Это незамедлительно повлекло утрату классовой идентичности и вызвало индивидуализацию социального неравенства. В таком обществе, не классовая принадлежность становится фактором расслоения, а сами индивиды обвиняются за их «личные» неудачи, такие, как потеря работы, бедность и др. Поколебались и формы поддержки индивидов, функции которых традиционно выполняли семья и ближайшее социальное окружение.

Однако, этот процесс в обществе риска имеет двойственное значение, поскольку в условиях индивидуализации перед индивидами могут открыться дополнительные перспективы личного контроля над деньгами, временем, жизненным пространством, образованием и карьерой, выбором формы трудовой деятельности и многое другое. В прошлом, все это имело устойчивые социально-статусные детерминанты.

При этом, хотя и сохраняется высокая межличностная конкуренция, чаще всего в рамках профессиональной деятельности, на смену разрушающейся классовой идентичности в традиционном понимании возникают альянсы, строящиеся на иных специфических основаниях. Наблюдается рост общественного движения феминисток, экологов, пацифистов и др., которые и выступают идентификационными основаниями в детрадиционализирующейся культуре. Как следствие, возникающие конфликты основываются на расово-этнических, гендерных, возрастных,

сексуальных, физических недостатках (основаниях) - иначе говоря, на предписанных характеристиках⁷⁴.

Индивидуализация в обществе риска представляет собой триединый процесс, который характеризуется:

1. Так называемой либерацией, или освобождением от традиционных ограничений, накладываемых классовыми, семейными рамками и т. д.;
2. Разочарованием, наступающим в результате потери традиционного общества;
3. Реинтеграцией, основывающейся на новых типах обязательств.

В процессе индивидуализации задействованными оказываются как объективные (жизненные ситуации), так и субъективные (сознание, идентичность, персонализация) аспекты. При этом она не лишена противоречий, заключенных в усилении риска. С разрушением традиционных классовых и семейных связей образ жизни институционализируется иначе: класс заменяется системой образования, а семья государством всеобщего благосостояния и рынком труда.

Как часть этого процесса в обществе, вступившем в фазу риска, наблюдается постепенное замещение понятия «кормилец» понятиями «зарабатывающий» и «снабженец». Одновременно возрастает чувствительность к кризису и уязвимость, переступающая традиционные классовые границы. Итогом является индивидуализация жизненного процесса в том смысле, что каждый человек конструирует свою жизнь, как может с индивидуально обусловленными траекториями в труде, образовании, заработке, потреблении и других аспектах. Поэтому «новое поколение, входящее в жизнь, дрейфует по направлению к маргинальным слоям»⁷⁵.

Важной характеристикой общества риска является трансформация значения трудовой деятельности. В индустриальном обществе работа имеет статусное значение. Профессия способна отрекомендовать ее представителя, охарактеризовать его социальное положение и признается одним из важнейших идентификационных образцов⁷⁶.

Однако с середины 80-х годов работа постепенно утрачивала прежнюю защитную функцию и становилась неспособной обеспечить защищенность работающим. За последние два десятилетия произошло расширение безработицы. Работа, карьера, заработок - все оказалось под угрозой, то есть попало в ситуацию риска. Вместе с XX веком ушли в прошлое и гарантии пожизненной работы. С развитием контрактной системы, установления временных пределов и определенного расположения работа стала более стандартизированной. Более того, благодаря распространению надомной работы и перемещения рабочего места в дом, менее жесткими стали границы между работой и не-работой, что символизирует процесс децентрализации. А также помимо безработицы встает вопрос о, так называемой, под-безработице, иными словами работы при отсутствии ее оплаты.

Под влиянием модернизации постоянно возрастает уровень риска, что требует от индивидов большей гибкости: придется пережить и частичную занятость, и безработицу, если того требует ситуация. Вместе с тем, постоянно возрастающая незащищенность осложняет проблему. Та же частичная занятость, например, приобретает не только перманентный характер, но лишена каких бы то ни было форм профессиональной организации и социальной защиты.

Решение проблемы может быть найдено обеспечением открытости экономической сферы, а также проверкой «рынка». Это включает в себя, в том числе, изменение управлением рабочими местами, изменение структуры работы и изменение природы организации труда. Главным препятствием является определение границ между индустриальным и семейным производством, рынком и не-рынком, производством и потреблением. Все прежнее является гибридом. В результате снижается массовое производство, происходит дестандартизация рынка, трансформация труда и производства, политизация рабочих организаций, усиление давления на легитимацию и наибольшая морализация индустриального развития.

Фаза риска в индустриальном обществе характеризуется эскалацией конфликта между наукой и политикой.

Если в прошлом угрозы исходили от так называемых внешних рисков (природных), то в настоящее время особую актуальность приобретают внутренние риски (ошибки людей). Хотя считается, что наука призвана определить и решить проблему рисков, вместе с тем, существует определенный скептицизм в отношении ее роли. Она приобретает двойственный характер: с одной стороны, она дает возможность справиться с риском, с другой же, одновременно является его причиной. Сциентификация (абсолютизация) может основываться на лжи и приводить к опасной зависимости от науки. А поскольку уровень риска все время увеличивается, то соответственно возрастает и критицизм по отношению к науке, усиливается роль оппозиционного знания.

Одновременно переход к обществу риска означает перемещение центра тяжести от традиционных политических институтов к индивидуально-демократическим. Существовавшая в индустриальном обществе политическая система (политические партии, парламент, правительство, законы) функционировала в ущерб индивиду, вынужденному поклоняться большинству и ограничивать свой суверенитет границами национального государства. Это явилось причиной кризиса связи между экономикой и легитимностью.

Разрешение данного кризиса в обществе риска видится в ограничении влияния политики, особенно в сфере защиты гражданских прав. Оно достигается более эффективным разделением властей, подлинной свободой СМИ, соблюдением гражданских прав и т. д., что неразрывно связано с развитием социально-политического участия населения в формировании политического процесса.

Наибольшие возможности для такого участия открываются через укрепление суб-политического уровня, посредством судебных и гражданских служб, то есть агентов вне политического уровня. Тогда «суб-политизация может быть источником формирования гражданского общества, что позволяет ему контролировать и держать в своих руках все сферы общественной деятельности»⁷⁷. Иными словами, новая политическая система обязана выработать глобальное видение риска. Способность к таким изменениям зависит, по мнению Бека, от трех дихотомий:

1. Защищенности/незащищенности (связана с нашим отношением к неопределенности);
2. Внутреннее/наружное (наше видение посторонних, т. е. иммигрантов, представителей других этнических групп);

3. Политическое/неполитическое (касается возможности участия в формировании общества);

Эти три аспекта находятся в состоянии противоборства. И только новая модель политики, опирающаяся на активное гражданское общество, может стать залогом становления демократического модернизма⁷⁸.

Таким образом, Бек показывает, что общество риска, хотя и приходит на смену кризисному индустриальному обществу, тем не менее, отмечено новыми неопределенностями и, как следствие, индивидуализмом и радикальными изменениями ключевых социальных институтов. Причина коренится в самой модернизации, в ходе которой преодолеваются одни противоречия и тут же появляются новые. Не случайно автор приходит к выводу, что в дальнейшем будет наблюдаться переход обратно к индустриальному обществу на основе «ре-индустриализации, демократизации технологического перехода и дифференцированных политических стратегий».

Не со всеми выводами Бека и Гидденса можно однозначно согласиться. Некоторые положения в их концепциях страдают абстрактностью, не во всем последовательны и аргументированы. Во многом повторяют существующие теории модернизации. Не достаточно убедительными выглядят и практические механизмы минимизации риска, тем более, что некоторые из них уже не прошли проверку временем.

Однако нельзя не признать концептуальной значимости подходов этих мыслителей для развития современной цивилизации. Находят они применение и в смене парадигм в теории развития российского общества.

Подводя итог проделанного анализа существующих подходов к определению риска можно сделать вывод, что общими для большинства из них являются следующие условия: наличие неопределенности; необходимость выбора альтернативы; возможность при этом оценить вероятность осуществления выбираемых альтернатив; нравственная самооценка результата. Наиболее универсальным, с учетом целей данного исследования, является определение риска как «деятельности, связанной с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которой имеется возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи и отклонения от цели»⁷⁹.

Вместе с тем, данное определение не лишено некоторых противоречий. Так в нем, в качестве условия преодоления неопределенности, подчеркивается «возможность оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи и отклонения от поставленной цели». Если под вероятностью понимать «меру объективной возможности, степень возможной реализации данного события при данных условиях»⁸⁰, то есть не просто меру нашего ожидания, а объективную меру возможности реализации случайного, то в определении риска следовало бы делать упор не на «возможности оценить вероятность», а на вероятности как обоснованной возможности выбора.

Но такой возможности в условиях неопределенности быть не может. Она может появиться в условиях перехода от состояния неопределенности к определенности или, наоборот, – от состояния определенности к неопределенности. Именно в переходном состоянии появляются выбор и возможность его обоснования. Тогда риск определяется как *деятельность в*

условиях перехода от состояния неопределенности к состоянию определенности (или наоборот), когда появляется обоснованная возможность выбора при оценке вероятности достижения предполагаемого результата, неудачи и отклонения от цели, с учетом действующих морально-этических норм.

Подобный подход к определению риска особенно актуален в кризисных и переходных обществах и поэтому заслуживает внимания в условиях российской модернизации. Он больше соответствует и ситуации риска в молодежной среде, так как более адекватно учитывает переходное состояние молодости от относительной определенности, обеспечиваемой родителями, к неопределенности самостоятельной жизни. Современные молодые люди, в основном, прагматичнее своих родителей, поэтому охотнее прибегают к вероятностному способу оценки риска и меньше полагаются на случай.

Важное значение для молодежи имеют социокультурные основания риска. С одной стороны, общество не может уходить от ответственности за ситуации риска, в которых вынужденно оказываются молодые люди. С другой, при калькулировании риска нельзя не принимать во внимание нравственную сторону предполагаемого результата. Поэтому в данном подходе учитываются нравственные аспекты выбора и оценка выигрыша, либо проигрыша на основе принятых в данном обществе ценностей и моральных норм.

Примечания:

- ¹ Luhman, N. *Risk: A Sociological Theory*. Aldine de Gruyter, New York, 1993, p.9.
- ² Lupton, D. *Risk*. Routledge, London and New York, 1999, p.5.
- ³ Ойгезихт В. *Проблема риска в гражданском праве*. - Душанбе, 1972. С. 5.
- ⁴ Lupton, D. *Risk*, p.18.
- ⁵ Douglas, M. *Risk and Blame: Essays in Cultural Theory*. Routledge, London, 1992, p.13.
- ⁶ Luhman, N. *Risk: A Sociological Theory*, p. 10, 13, 18.
- ⁷ Douglas, M. *Risk Acceptability according to the Social Science*. Russell Sage Foundation, New York, 1986, p.43.
- ⁸ Luhman, N. *Risk: A Sociological Theory*, p. 20-21; 23-24.
- ⁹ Ibid., p. 22.
- ¹⁰ Douglas, M. *Risk Acceptability according to the Social Science*, p.46.
- ¹¹ Douglas, M. *Risk and Blame: Essays in Cultural Theory*, p.23.
- ¹² Альгин А. *Риск и его роль в общественной жизни*. С. 19.
- ¹³ *Психология*. Словарь. - М.: Политиздат, 1990. С. 344.
- ¹⁴ Там же. С. 344 - 345.
- ¹⁵ Bellan, R. *Beyond belief: Essays of religion in a post-traditional world*. N. Y., 1970, p. 6.
- ¹⁶ Готт В., Урсул А. *Определенность и неопределенность как категории научного познания*. - Кишинев: Штиинца, 1971. С.54.
- ¹⁷ Там же. С.56.
- ¹⁸ Эйзенштадт Ш. *Революция и преобразование обществ: сравнительное изучение цивилизаций*. Пер. с англ. – М.: Аспект Пресс, 1999. С. 59.
- ¹⁹ Гейзенберг, В. *Физика и философия: Часть и целое*. - М.: Наука, 1990. С. 81.
- ²⁰ Шеховцев А.Ю. *Информационная парадигма в структуре современного мышления*. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1998. С. 20.
- ²¹ Альгин, А. *Риск и его роль в общественной жизни*. С. 19.
- ²² Bell, D. *The Coming of Post-Industrial Society*, N. Y.: Basic, 1973;
- ²³ Воронина Т.П. *Информационное общество: сущность, черты, проблемы*. - М.: ИО ЦАГИ, 1995 и др.

- ²⁴ Beck, U. *Risk Society: Towards a New Modernity*. Sage, London, 1992; Giddens, A. *The Consequences of Modernity*. Polity Press, Cambridge, 1991.
- ²⁵ См.: Митрохина Е.Ю. *Информационная безопасность как социологическая проблема. (Некоторые методологические подходы)* // Безопасность (Информационный сборник).- 1997.- №7-9 (39); Новик И.Б. *Информационные аспекты риска* // Системная концепция информационных процессов: Сборник трудов.- М.: ВНИИСИ, 1988; Сосунова И. А. *Информационная устойчивость и информационная безопасность социальных систем*// Анализ систем на пороге XXI века: теория и практика. – Т. 2. – М.: Интеллект, 1996; Яновский Р.Г. *Духовно-нравственная безопасность России* // Социс. – 1995.-№ 12; Яновский Р.Г. *Глобальные изменения и социальная безопасность*. – М: Academia, 1999 и др.
- ²⁶ Митрохина, Е.Ю. *Информационная безопасность личности как социологическая проблема*. Дис. канд. соц. н. – М.: ИСПИ РАН, 1999. С. 48.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Lupton, D. *Risk*, p. 38.
- ²⁹ Douglas, M. *Risk and Blame: Essays in Cultural Theory*, p.4.
- ³⁰ Douglas, M. Risk as forensic resource. *Daedalus*, Special issue on Risk, Fall 1990, p.5.
- ³¹ *Idid.*, p. 9.
- ³² Смакотина Н. *Основы социологии нестабильности и риска*. С. 210–211.
- ³³ Douglas, M. *Risk as forensic resource*, p.11.
- ³⁴ Douglas, M. *Risk and Blame: Essays in Cultural Theory*, p.16.
- ³⁵ *Idid.*, p. 12.
- ³⁶ *Ibid.*, p. 5, 23.
- ³⁷ Douglas, M. *Risk Acceptability according to the Social Science*, p. 29.
- ³⁸ Douglas, M. *Risk and Blame: Essays in Cultural Theory*, p. 46.
- ³⁹ Douglas, M. *Risk Acceptability according to the Social Science*, p.30.
- ⁴⁰ *Ibid.*, p. 37-39.
- ⁴¹ Wildavsky, A and Dake, K. *Theories of risk perception: who fears what and why?*, *Daedalus*, Special issue on Risk, Fall 1990, pp. 42-44.
- ⁴² Douglas, M. and Wildavsky, A., *Risk and Culture. An Essay on the Selektion of Technological and Environmental Dangers*. University of California Press, Berkley, 1982, p. 138.
- ⁴³ Adams, J. *Risk*. University College London Press, London, 1994.
- ⁴⁴ Бекарев А.А. *Социология нестабильности* //Бюллетень Академии гуманитарных наук. - Н.Новгород: Изд-во ННГУ.- 1997. -№4. С.34.
- ⁴⁵ Там же. С.35.
- ⁴⁶ Турен А. *Возвращение человека действующего. Очерк социологии*. Пер. с фр. – М.: Научный мир, 1998. С. 36.
- ⁴⁷ Там же. С. 40.
- ⁴⁸ Смакотина Н. *Основы социологии нестабильности и риска*. С. 29
- ⁴⁹ Там же. С. 22.
- ⁵⁰ Там же. С. 39, С. 84.
- ⁵¹ Никитин С., Феофанов К. Социологическая теория риска: в поисках предмета // Социс.- 1992.- №10. С. 120-127.
- ⁵² Giddens, A. *The Consequences of Modernity*, p. 4, 7.
- ⁵³ *Ibid.*, p. 21.
- ⁵⁴ Гидденс Э. *Элементы теории структуризации* //Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Учебное пособие. - Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. С.41-42. А также *The Politics of Risk Society*. J. Franklin (ed.), Polity Press, 1998. С. 20;
- ⁵⁵ Giddens, A. *The Consequences of Modernity*, p. 34-- 35.
- ⁵⁶ *Ibid.*, p. 35.
- ⁵⁷ *Ibid.*
- ⁵⁸ Beck, U. *Risk Society: Towards a New Modernity*, p. 9-10.
- ⁵⁹ *Ibid.*, p. 4.

- ⁶⁰ Giddens, A. *The Consequences of Modernity*, p. 35.
- ⁶¹ Ibid., p. 59.
- ⁶² Ibid., p. 71, figure 2.
- ⁶³ Ibid., p. 92.
- ⁶⁴ Ibid., p. 21.
- ⁶⁵ Giddens, A. *The Consequences of Modernity*, p. 92.
- ⁶⁶ Ibid., p.102 figure 1; p. 108.
- ⁶⁷ Ibid., p. 128.
- ⁶⁸ Ibid., p. 147-148.
- ⁶⁹ Ibid., p. 154.
- ⁷⁰ Beck, U. *Risk Society: Towards a New Modernity*, p. 37 - 39.
- ⁷¹ Douglas, M. *Risk as forensic resource*, p. 15-16.
- ⁷² Turner, B. S. *Orientalism, postmodernism and globalism*. London and New York, Routledge, 1994.
- ⁷³ Ibid., p. 179.
- ⁷⁴ Beck, U. *Risk Society: Towards a New Modernity*, p. 101.
- ⁷⁵ Ibid., p. 133.
- ⁷⁶ Ibid, p. 144.
- ⁷⁷ Beck, U. *The Reinvention of Politics: Rethinking modernity in the Global social order*, Polity Press, Cambridge, 1997, p.104.
- ⁷⁸ Ibid., p.75.
- ⁷⁹ Альгин, А. *Риск и его роль в общественной жизни*. С. 19 – 20.
- ⁸⁰ Спиркин, А. *Основы философии*. - М.: Политиздат, 1988. С. 218.

Глава 2. РОССИЯ КАК ОБЩЕСТВО РИСКА

2.1. Риск в переходном обществе

Реформирование российского общества, переход его к современному, предполагает обновление всей системы общественных отношений, включая модернизацию производительных сил и производственных отношений. Как было показано в предыдущей главе, этот процесс, связанный с инновациями во всех сферах общественной жизни, не может быть полностью прогнозируемым, а значит, предусматривает известную долю риска. Всякое новшество несет в себе инновационный риск. В обычных условиях общество - это динамично развивающаяся система, постоянно преодолевающая один за другим этапы модернизации, поэтому риск в нем является необходимой составляющей общественного развития.

Каждый этап развития характеризуется определенным типом риска. Если традиционное общество характеризуется риском, связанным преимущественно с факторами природного характера, с неумением человека противостоять природной стихии, то переход к индустриальному обществу приносит новые проявления риска, возникающие вследствие активизации человеческого фактора, как результат ошибок, допущенных самим человеком в процессе его деятельности.

Бурное развитие информационных технологий, сопровождающее переход к постиндустриальной стадии развития усиливает риск дезориентации человека в информационном пространстве, его подавление виртуальной реальностью. Так, в процессе развития и усложнения структур современных обществ на первый план выдвигаются риски преимущественно внутреннего характера, то есть продуцируемые человеческой деятельностью. Следовательно,

инновационный риск может быть охарактеризован как систематическая незащищенность человека перед угрозами, вызванными самой модернизацией, и является последствием нерационального использования достижений научно-технического прогресса и процесса индустриализации.

В переходных обществах, находящихся в состоянии трансформации, риск имеет свои особенности. Они определяются самим процессом общественного воспроизводства, характеризующимся как отрицанием уходящего этапа развития общества, когда старые механизмы утрачивают свою эффективность, так и утверждением наступающего этапа, когда социально-экономические механизмы еще не оформились. Поэтому инновационная составляющая воспроизводства является объективной предпосылкой возникновения нового типа риска. Риск в переходном обществе возникает одновременно с нарастанием социальных, экономических, политических и других противоречий и отражает определенный период движения этого общества от одного состояния к другому. Степень риска зависит от остроты и масштаба этих противоречий.

Как правило, в обществах, переживающих эволюцию без социальных потрясений и сохраняющих, благодаря действующим интеграционным механизмам, относительно устойчивый уровень социальной солидарности риск принимает латентные формы. Напротив, затяжной характер нестабильности, углубление противоречий и неопределенность конечной цели вызывают эскалацию риска. Все общество превращается в общество риска, а выход из одной ситуации риска приводит не к ее устранению, а наслоению новых рискованных ситуаций. Эскалация риска, обретение им перманентного состояния, являющиеся атрибутом (признаком) общества риска, сопровождают и процесс модернизации в переходном обществе.

Обобщая приведенные в предыдущей главе концептуальные подходы У.Бека, О.Яницкий выделяет следующие признаки перехода к обществу риска:

1. Производство и распространение рисков становятся всепроникающими, в равной мере охватывающими природу, социум и искусственные системы;
2. Современные риски трудно предсказуемы, плохо поддаются калькуляции и, как правило, безадресны, т.е. не имеют четко обозначенного источника возникновения (и субъекта ответственности);
3. Общество все менее способно поддерживать системы жизнеобеспечения, поскольку его рефлексивная способность ослаблена, а жизненная среда из нейтрализатора риска превращается в его генератор и распространитель;
4. Вследствие накопления рисков в среде обитания человека настоящее все более детерминирует будущее;
5. Производство рисков все более вытесняет производство благ (знаний, товаров, услуг)¹.

Определенные типы риска соответствуют и переходному российскому обществу. Осмысление природы риска и возникновения общества риска до настоящего момента осуществлялось применительно к экономически развитым, прошедшим период модернизации западным обществам. В настоящей главе будет предпринята попытка анализа современного переходного российского общества в терминах риска и его особенностей.

2.2. Особенности российской модернизации

Период крупномасштабных социальных потрясений и длительная нестабильность в российском обществе предопределили ускорение назревшей потребности в его модернизации. В отказе от тоталитаризма проявилось стремление россиян, в первую очередь молодых, к современному образу жизни, к демократизации общественных отношений. В результате длительного командно-административного управления в стране накопилось множество противоречий, разрешение которых было возможно лишь на пути модернизации и в исторической ретроспективе нынешние тенденции социальных изменений отражают очередной этап перехода российского общества от тоталитарного к современному.

Однако этот процесс в России имеет свою специфику, без учета которой невозможно адекватно интерпретировать как характер модернизации, так и роль современной молодежи в нем. Во-первых, нынешний ее этап не может не нести на себе влияния всей тысячелетней истории страны, отмеченной многими модернизациями. Разумеется, эти модернизации не похожи друг на друга, но в них есть то общее, что всякий раз способствовало воспроизводству самобытности, независимости и целостности России.

Опыт прошедшего десятилетия реформ свидетельствует не в пользу “трансплантации” любых готовых моделей реформации, будь то вестернизация, европеизация или американизация. Поэтому приоритет в нынешних условиях должен отдаваться воспроизводству молодежи тех структур и отношений, которые в максимальной степени способствовали бы сохранению исторической традиции предшествующих российских модернизаций.

Во-вторых, нельзя не учитывать в модернизационном процессе особенности исторического сознания россиян, включая и сознание молодого поколения. В российском менталитете всегда отмечалась известная «ревность» к Западу, уходящая своими корнями в далекое прошлое, в противостояние «почвенников» и «западников». Она часто принимала крайние формы от сближения до конфронтации. Поэтому попытки простого подражания Западу рано или поздно наталкиваются на сопротивление, оказываемое традиционными ценностями, зафиксированными в глубинных пластах исторического сознания людей.

Нельзя не считаться с тем, что значительная часть современного молодого поколения продолжает оставаться под влиянием родителей и дедов, которые родились и выросли в условиях социалистических представлений о справедливости, когда многие права не на словах, а на деле гарантировались государством. Поколения, для которых право на труд, бесплатное образование, всеобщее бесплатное медицинское обслуживание, другие формы социальной защищенности были реальностью, вряд ли безоговорочно примут любую модель общества, лишаящую их этих гарантий. Более того, они несут в себе своеобразный “генетический код”, закрепленный в социальной структуре, обеспечивающий воспроизводство подобной мотивации в будущих поколениях.

Сегодня мало у кого вызывает сомнение в отношении позитивного влияния социалистических ценностей как на существующие представления о современности, так и на известные теории модернизации. Но не меньшую общецивилизационную ценность имеет и негативная практика строительства

социализма, отмеченная субъективизмом и волюнтаризмом его лидеров. В любом случае опыт социалистических преобразований придает процессу модернизации российского общества особый характер и не может не учитываться в воспроизводстве социальной структуры.

В-третьих, следует учитывать и тоталитарное прошлое в истории России. В ней доминируют периоды, когда нарушались права и свободы, пресекались любые формы инакомыслия, подвергались тотальному контролю поведение и сознание людей, применялись массовые репрессии. Само понимание свободы, как осознанной необходимости, формировало «инерцию несвободного мышления». Она и сейчас проявляется как в боязни самостоятельно принимать решения, брать на себя ответственность, в надежде на «барина, который рассудит и облагодетельствует», так и в отсутствии толерантности, в маниакальном стремлении навязывать свою волю другим.

Последствием «посттоталитарного синдрома» можно объяснить и явления так называемой «контрастной установки», возникшие уже в новейшее время. Это можно наблюдать в повседневном поведении людей, когда коллективизм демонстративно вытесняется воинствующим индивидуализмом, на смену идейному единству, часто граничащему с фанатизмом, приходит идеологическое безверие, нравственность в мотивационной сфере уступает моральному разложению. Подобные противоположные процессы отражают не столько изменение фундаментальных ценностей россиян, хотя определенные подвижки в структуре ценностных ориентаций не могут не происходить, сколько воспроизводство посттоталитарного сознания в демонстративных формах.

Все это никак не согласуется с изначальным пониманием модернизации, сущность которой составляет концепция «современности», с ее центральной идеей индивидуальной автономии, свободы. Поэтому процесс воспроизводства основополагающих принципов модернизации в России сопряжен с необходимостью преодоления данного противоречия.

В-четвертых, как часть мирового процесса модернизация в России строится на преодолении своего отставания от Запада, получив название запаздывающей модернизации. «Догоняющий» способ развития заведомо ставит российское общество в невыгодные условия. Это и опасность попадания во внешнюю зависимость, и риск оказаться сырьевым придатком более развитых стран, и угроза геополитическим интересам, и возможный рецидив возврата к прошлому.

В своей истории Россия не единожды переживала подобные состояния, будь то «онемечивание» или «офранцузивание» россиян, но выходила из них, находя собственный путь развития, ориентированный на удовлетворение национальных интересов. И сегодня реформы достигнут успеха, если не будет стремления кого-то догонять или копировать, а осуществится поэтапное, причем, не обязательно одновременное изменение каждого элемента общественной системы в строгом соответствии с национальными приоритетами.

Об общественной эффективности этого процесса можно будет судить по направленности его воспроизводства от одного этапа к другому и по той социальной цене, которая будет заплачена в ходе этих реформ. То есть, необходимы поэтапные приоритеты общественного воспроизводства.

В-пятых, нельзя не видеть, что главным побудительным мотивом выбора модернизационных стратегий на современном этапе реформирования в России был и остается передел собственности. Начатый сверху, этот процесс, хотя и в

разной мере, затронул все слои общества, способствуя созданию уникальной ситуации, когда присвоить, прихватить, украсть проще, чем заработать. Причем возможности присвоения возрастают, в соответствии с положением в структурах власти. В таком обществе разрушение всего, что может помешать этому извращенному процессу, в том числе и самого производства, оказывается делом выгодным.

Выход из подобной парадоксальной ситуации многим видится в новом перераспределении собственности, однако это чревато социальными взрывами. Видимо возможен другой подход, направленный не на тотальный пересмотр результатов приватизации, а лишь на те из них, которые были напрямую связаны с криминалом, а также на приватизацию в тех сферах, где государственная монополия была вытеснена частной. Частная монополия ничем не лучше государственной. К тому же в ней кроется постоянный источник социальной напряженности.

Однако такой подход упирается в разрушенную экономику, в отсутствие надежных правовых, экономических и социальных барьеров, препятствующих дальнейшему разграблению страны, а также в неэффективность антимонопольных механизмов.

Перечисленные особенности модернизации определяют специфические черты производства риска в российском обществе. Более конкретно эти черты проявляются при анализе основных результатов социально-экономических реформ, проводимых в России.

2.3. Производство риска в реформируемом российском обществе

Россия – богатейшая страна. По объему и многообразию природных ресурсов она не имеет себе равных. На ее территории сосредоточены залежи практически всех добываемых в мире полезных ископаемых, в том числе 45% мировых запасов природного газа, 23% угля, 13% нефти. Запасы природных ресурсов и разведанных полезных ископаемых оцениваются международными экспертами в 32 – 35 трлн. долларов. По количеству пахотных земель на душу населения она значительно превосходит все развитые страны².

Известен в мире и огромный интеллектуальный потенциал россиян. Больше трети всех открытий, сделанных в XX веке, приходится на долю российских ученых. Только США имеют равное с Россией количество ученых и инженеров на десять тысяч населения³. Все это делает Россию самодостаточной страной.

Однако ее отставание по уровню производства и доходам на душу населения от наиболее развитых стран год от года увеличивается. Главная причина кроется в несовершенстве экономических механизмов. На волне перехода от якобы неэффективной социалистической системы к рыночной начался процесс модернизации в России. Сегодня, уже ни у кого не вызывает сомнений, что избранный путь модернизации, включая горбачевскую перестройку и ельцинские реформы, оказался не лучшим.

Были проигнорированы вышеперечисленные особенности предшествующих модернизаций и допущен ряд ошибок, обусловивших преимущественно субъективную природу нестабильности. Созданный усилиями

предшествующих поколений социально-экономический базис общества, обеспечивший ему в свое время переход от отсталого к промышленно развитому был разрушен. А между тем, несмотря на некоторое отставание от развитых капиталистических стран в темпах социально-экономического прогресса, по основным характеристикам, таким как разделение труда, степень его механизации, уровень образования и квалификации трудовых ресурсов, российское общество уверенно можно было отнести к индустриальным. Это означало, что современный этап реформирования в России должен был осуществляться по пути модернизации индустриального общества, а не разрушения его экономического базиса.

Как уже неоднократно бывало, на определенном отрезке реформирования борьба старого с новым ставит систему в положение неустойчивого равновесия, при котором возможны не только откат частично измененной системы в некое прошлое, но и ее разрушение. Вместе с тем, опыт показывает, что преодоление этого кризиса и выход из неустойчивого состояния возможны лишь при условии преобладания конструктивных процессов, отличительной чертой которых является придание нового качества сохранившимся от прошлого подсистемам и утверждение инноваций.

Реформы 1991 года не удержали этот баланс и явились радикальным способом упразднения одной модели и введения другой. Российское общество, уходящее от тоталитаризма испытало влияние ложных альтернатив. Оно было поставлено реформаторами перед необходимостью выбора между утверждением нового и полным отрицанием всего, по их мнению, устаревшего. Такой ложной альтернативой оказался выбор между экономической свободой человека в либеральной экономике и социальной защищенностью его в социалистической. При этом было забыто, что важнейшим принципом демократии испокон века считалась справедливость. В модернизации же российского общества справедливость превратилась фактически в плату за демократию.

Становление квазирыночных отношений в экономике было достигнуто ценой практически полного ее разрушения, невиданного по своим масштабам обнищания населения. Неизбежная смена общественно-политического строя, господствующих идеологических установок сопровождалась беспрецедентной ломкой нормативных, социально-нравственных и социально-ролевых структур, что не могло не отразиться на всей системе социальных отношений. «В стране, - пишет Г. Осипов, сложилась такая политическая и социально-экономическая система, к которой никто не стремился и которую никто не хотел»⁴.

Предприняв, таким образом, последнюю в минувшем столетии попытку модернизации, Россия оказалась в состоянии глубокого системного кризиса. В нем можно выделить, по крайней мере, три составляющих, предопределивших переход России к обществу риска.

Первая составляющая связана с социально-экономическими последствиями реформ.

Распад Советского Союза и, вызванный этим, развал единого народно-хозяйственного комплекса, разрыв сложившихся экономических связей, остановка тысяч предприятий привели к резкому падению производства. За годы реформ объем ВВП России снизился на 38%. Согласно данным Института международной экономики и международных отношений РАН, его доля от суммарного мирового уровня в 1998 году составляла лишь 1,7% и по этому показателю Россия откатилась на 16-е место в мире, уступив Индии, Бразилии,

Индонезии, Мексике, Южной Корее⁵. «Падение ВВП, подчеркивают И.Богданов, Ю.Родионов и С.Липина, означает лишь одно: что выбрана неправильная модель развития, что хозяйственный субъект не работает, власть теряет как рычаги управления, так и ресурсы»⁶. Подобная ситуация неизбежно оборачивается воспроизводством риска в обществе.

Сокращение объема промышленного производства превысило 50%, а в некоторых отраслях более, чем в полтора раза. Так, например, в пищевой и в химической промышленности – на 56%, в машиностроении – на 62%, в производстве строительных материалов – на 65%, в легкой промышленности – на 86%⁷.

Глубочайший, граничащий с полным распадом, кризис охватил сельское хозяйство. По данным В.Старовойтовой подобного падения «оно не испытывало в XX-м столетии, даже в период разрухи первой мировой войны, двух революций и гражданской войны вместе взятых. Не говоря уже о годах форсированной коллективизации и Великой отечественной войны, когда спад аграрного производства составил, соответственно, 29% и 41%, против нынешнего двукратного»⁸. Валовые сборы зерна уменьшились более чем вдвое, сахарной свеклы без малого втрое, льноволокна почти вчетверо, а в сравнении с предперестроечной пятилеткой более чем в пять раз. По производству мяса страна отброшена к 1971 г., молока – к 1957 г., яиц – к середине 60-х годов⁹.

Все это свидетельствует об эскалации угрозы экономической безопасности России и уже проявляется в небывалом по скорости и глубине падении реальных доходов основной массы населения, его жизненного уровня. Так, уровень потребления снизился на 40% по сравнению с периодом начала реформ. По данному показателю население оказалось отброшенным на двадцать лет назад. Реальные денежные доходы людей в 1999 г. по сравнению с 1998 г. составили 84,9%, что ниже предусмотренного в расчетах к бюджету (92,5%). Только за последние два года среднемесячная зарплата работающих снизилась в полтора раза.

Важным фактором снижения уровня и качества жизни россиян является рост цен. Индекс потребительских цен возрос с 1991 по 1998 гг. почти в 6,5 тыс. раз, и тенденции его роста по сегодняшний день не ослабевает. Только за девять месяцев 1999 г. они выросли на 31,4%. За чертой бедности находится более трети населения¹⁰.

По 33-м показателям уровня жизни, используемым экспертами ООН, Россия входит лишь в 8-ю десятку стран. Если в 1987г. средний душевой доход российского населения составлял 32% от американского, в 1999г. – 17%, то в январе 1999г. он не превышал 10%¹¹. Столь стремительное падение уровня и качества жизни российских граждан ставит их перед необходимостью поиска средств существования любыми доступными способами, усиливая риск физической и моральной деградации.

Результатом усиливающейся дифференциации и резкой поляризации доходов, стало невиданное по своим масштабам социальное расслоение общества. В итоге проводимой в стране экономической политики «шоковой терапии», коррумпированной приватизации государственной собственности, спровоцированной гиперинфляцией произошел беспрецедентный разрыв между богатством и бедностью.

По разным оценкам децильный коэффициент дифференциации доходов сегодня вырос с 13,1 до 14,5 раза¹². Между тем известно, что при росте децильного коэффициента до восьмикратного уровня возникает риск

деградации общества, блокирования вертикальной мобильности и социальной активности населения. Фактически это и происходит в современной России.

Процесс производства риска получил закрепление в социальной структуре. Поляризация доходов, различия в социальных перспективах привели к тому, что возникли как бы две России, с населением, расколотым по своему жизненному уровню, образу жизни, ориентациям, моделям поведения. Соответственно возникли два потребительских рынка, существенно отличающихся ценами и набором потребительских благ, две неравные по своему удельному весу, противостоящие группы: «новых богатых», составляющих около 6%, и «новых бедных», представляющих по разным данным от 60 до 75% населения.

Новая бедность объединила в первую очередь работников бюджетной сферы, страдающих от закрытия предприятий и хронической невыплаты и без того низкой зарплаты. Среди беднейших слоев оказалось подавляющее большинство научной и творческой интеллигенции, учителей, инженеров и служащих, значительная часть военных. Бедностью охвачено большинство молодежи.

Крайне низкий уровень оплаты труда этой части населения входит в противоречие с прогрессирующим ростом цен на продукты питания, транспорт, жилье, медицинское обслуживание, а усиливающаяся безработица сокращает и без того ограниченный рынок квалифицированного труда. Неопределенность перспектив разрешения этого противоречия для подавляющего большинства россиян, особенно молодежи, ставит их существование на грань риска.

Принципиально иной представляется роль «новых богатых». Большинство из них ориентировано не на производство, а на потребление, «проедание» приобретенных зачастую криминальным путем материальных благ. Вместе с тем, именно здесь концентрируется основной финансовый капитал, позволяющий в условиях неразвитости демократических институтов узурпировать как экономическую, так и политическую власть в обществе, усиливая риск превратить его в общество потребления.

Существенно изменилось положение и социальная функция среднего класса. Как пишет З. Голенкова, «мы потеряли средний класс интеллектуалов и интеллигенции (так называемый новый средний класс) и получили средний класс предпринимателей (старый средний класс)¹³. Незначительная, по своему удельному весу, прослойка среднего класса оказывается неспособной выполнять в обществе социально-стабилизирующую функцию. Скорее, наоборот, в связи с невысоким и неустойчивым материальным статусом, ей самой постоянно угрожает риск маргинализации.

Одним из последствий реформ явилось возникновение риска безработицы. По методике Международной организации труда (МОТ) численность фактически безработных в России достигла 9,2 млн. человек, что составляет более 13% трудоспособного населения. Однако при этом не учитывается колоссальная по масштабам скрытая безработица. К тому же мало где она носит столь явно выраженный региональный характер. Имеются регионы, где работы не имеют более половины населения. Существует и так называемая группа «полубезработных» - персонал предприятий, вынужденный работать один-три дня в неделю, либо принудительно отправленный в отпуска. Особенно пострадали от безработицы профессии умственного труда. Например, численность персонала в науке сократилась вдвое¹⁴. Свертывание системы государственного патернализма и появление новых предпринимательских и

хозяйственных структур обусловило кардинальную перемену требований к моделям экономической активности населения. Это произошло на фоне систематически ухудшающихся условий занятости, структурной и технологической деградации экономики. В результате, накопленный за прошлые десятилетия профессиональный и квалификационный потенциал, в значительной своей части оказался невостребованным.

Сложилась так называемая «модель выживания» как метод адаптации российского населения к тяготам реформ. Основными экономическими источниками выживания для большинства семей являются приусадебные участки, используемые для обеспечения продуктами питания. Этой формой вторичной занятости, в той или иной мере охвачено около 1/3 экономически активного населения, как старших возрастных групп, так и молодых. В результате большинство квалифицированных кадров вынуждено заниматься не свойственным им трудом, рискуя дисквалифицироваться.

Тотальное ухудшение условий жизни и переход к платному медицинскому обслуживанию не могли не отразиться на состоянии здоровья населения. Рост заболеваемости, распространение новых болезней и возрождение старых, с которыми было покончено еще в начале века, сокращение продолжительности жизни, увеличение детской смертности – такова социальная цена реформ.

Практически полная ликвидация системы профилактических обследований населения, нарушение преемственности в проведении диспансерных осмотров между различными звеньями здравоохранения, неопределенность роли и места в этом коммерческих и частных медицинских структур являются главными препятствиями для ранней диагностики заболеваний.

Несмотря на то, что потребность в услугах здравоохранения постоянно растет, уровень удовлетворения этой потребности неуклонно снижается. Постоянно ухудшается материальное обеспечение учреждений здравоохранения, уменьшились их возможности в приобретении необходимого оборудования, лекарств, в оплате питания в стационарах. Во многих районах, особенно в сельской местности, не только отсутствуют многопрофильные больницы, диагностические центры, но и закрываются единственные имеющиеся лечебные учреждения.

Проблема здоровья непосредственно связана со структурой питания. Недоступность по материальным соображениям элементарных продуктов питания, их низкое качество и коммерциализация общественного питания стали для большинства россиян причиной серьезной угрозы их здоровью.

Отсутствие финансирования системы здравоохранения из фондов обязательного медицинского страхования определяет новые взаимоотношения врача и пациента, принимающие сегодня сугубо коммерческий характер. Поэтому развитие платных медицинских услуг на фоне обнищания населения заставляет большинство нуждающихся в помощи отказываться от лечения.

Снижение общего потенциала здоровья и невиданный по своим масштабам травматизм, явились главными причинами сокращения средней продолжительности жизни. На большинстве предприятий ликвидированы службы охраны труда и техники безопасности, а также всякий государственный и профсоюзный контроль за этой сферой. Поэтому риск погибнуть от несчастного случая, отравления, травмы, полученной в результате промышленных и транспортных катастроф, неуклонно возрастает.

Следствием ухудшения физического, психического и социального здоровья людей явился процесс прогрессирующей депопуляции общества. Преимущественное влияние на естественную убыль населения оказывает рост смертности, включающий сверхсмертность мужчин, высокие темпы смертности в трудоспособных возрастах и младенческую смертность.

По оценкам специалистов Всемирной организации здравоохранения, 30% заболеваний населения связаны с загрязнением окружающей среды. По статистике около 17% территории РФ относится к зонам экологического неблагополучия. Превышение токсичных веществ в воздухе большинства крупных городов превышает предельно допустимые показатели более чем в пять раз. 3/4 водоемов загрязнены, часть из них не поддается очистке. В России наблюдается весь комплекс экологических проблем, типичных как для развитых, так и развивающихся стран.

Таким образом, одним из последствий реформ стал переход от производства благ и услуг к производству риска экономической и социальной деградации общества.

Вторая составляющая кризиса явилась результатом игнорирования элементарных прав человека, отсутствие надежных механизмов, обеспечивающих социальную защищенность граждан.

Отставание существующего законодательства от требований модернизации общества, несовершенство механизмов его исполнения, низкий уровень правовой культуры населения становятся значимыми факторами риска в российском обществе. Наиболее рельефно это проявляется в сфере труда, где нарушения гарантий прав работника, его личной безопасности, охраны его здоровья, социального обеспечения, рекреации и отдыха приобретают масштабный характер.

Почти половина (43%) трудящихся работают в условиях, не соответствующих санитарным нормам. По данным Министерства труда и социального развития РФ, Россия занимает одно из первых мест в мире по уровню производственного травматизма со смертельным исходом. Отмечается его рост. Так, если в 1998г. было зарегистрировано 5423 случая травматизма со смертельным исходом, то за первое полугодие 1999 г. только органами Рострудинспекции было рассмотрено 2492 таких случая. При этом не следует забывать, что абсолютный рост травматизма происходит на фоне сокращения производства¹⁵. Не позволяя наращивать темпы производства, изношенное оборудование в тоже время представляет собой серьезную угрозу для здоровья и жизни тех, кто на нем работает. Износ же по разным оценкам составляет от 60 до 80% всего станочного парка.

Идет процесс неуклонного сокращения реальной заработной платы, что является грубейшим нарушением прав трудящихся. Если в 1998г. она составила 48% уровня 1990 г., то в 1999 г. сократилась до 30%. Соотношение в оплате труда рабочих и администрации равняется 1 к 20. Хронический характер приняла невыплата заработной платы. Это касается 140 тыс. российских предприятий. В середине 1999 г. суммарная задолженность по заработной плате из-за недофинансирования из бюджетов разных уровней составляла 58,9 млрд. руб., что означает для каждого третьего работающего постоянный риск остаться без средств существования¹⁶.

Массовый характер носят нарушения прав человека на собственность. Практически отсутствуют правовые гарантии защиты прав мелких вкладчиков, представляющих основную долю вкладов в частные банки. Невыполнение

закона «О восстановлении и защите сбережений граждан Российской Федерации», принятого еще в 1995 году свидетельствует о том, что государство фактически самоустранилось от какой-либо ответственности в данной сфере. Риск в любой момент потерять свои вклады постоянно преследует всех, кто вкладывает деньги, как в коммерческие, так и в государственные банки.

Несовершенство правовых механизмов, беспомощные и зависимые суды, коррумпированность правоохранительных органов, политически ангажированные СМИ фактически лишают граждан реальных возможностей защитить свои права. Особенно страдают от этого молодые люди, которые в силу недостаточного жизненного опыта не могут должным образом противостоять актам беззакония по отношению к себе.

Об отсутствии необходимых гарантий и эффективных правовых механизмов по защите прав граждан свидетельствуют результаты опроса участников заседания экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, проведенного Центром социологии прав человека ИСПИ РАН в 1999 году. На вопрос, «Имеют ли граждане России реальные возможности для защиты своих прав и свобод в случае их нарушений?», ответы распределились следующим образом: да, полностью – 0%, да, частично – 44%, практически нет – 54% , затруднились ответить – 2% опрошенных¹⁷. Ощущение бесправия и незащищенности порождает у людей состояние неуверенности и тревожности. Любой поступок в таком состоянии сопряжен с риском, быть ущемленным, обманутым, обиженным.

Поистине катастрофической представляется судьба сотен тысяч жителей Чечни, беженцев и вынужденных переселенцев из других регионов, лишенных какой бы то ни было правовой, социальной и экономической защиты. Их жизнь во многом определяется волей случая, непредсказуема и полна риска.

Таким образом, правовая и экономическая незащищенность граждан повышает уровень социальной неопределенности в обществе, усиливая риск оказаться в зависимости, либо от случайных факторов, либо от произвола властей.

Третья составляющая системного кризиса связана с политической нестабильностью в обществе. Ее особенность в последние годы уходящего века состояла в том, что источником общественных потрясений были не широкие массы трудящихся и не политические партии, а преимущественно деятельность самой власти. Основа нестабильности и напряженности заложена в положениях Конституции, легитимизирующих практически неограниченную президентскую власть. Противостояние ветвей власти, частая и малообоснованная смена правительств, непредсказуемость политических решений, откровенное игнорирование интересов народа явились главными факторами социальной неопределенности и риска. Досрочный уход Б.Ельцина окончательно подтвердил не только крах, олицетворявшего с его именем курса радикальных монетаристских реформ, но и кризис власти в целом.

Год от года ухудшается ситуация с соблюдением политических прав граждан. Все чаще нарушается их право свободно и демократически избирать своих представителей в органы власти. Манипулирование сознанием избирателей с помощью государственного телевидения и контролируемых правительством средств массовой информации, использование «грязных» технологий, исключение из голосования отдельных категорий граждан, недопущение к выборам официально зарегистрированных кандидатов и, напротив, регистрация в качестве кандидатов представителей мафиозных

структур, использование в предвыборной кампании неконтролируемых денег, в том числе, получаемых из-за рубежа, частые подтасовки результатов голосования на отдельных избирательных участках, все это дает основание утверждать о дискредитации демократического института выборов в стране.

Все большее число граждан разочаровывается в честности и справедливости выборов, отказывается участвовать в голосовании. Так, количество участвующих в выборах в Государственную Думу в декабре 1999 г. ниже, чем в 1995 г., а голосовавших против всех выше. В восьми избирательных округах выборы признаны несостоявшимися, поскольку большинство избирателей проголосовали против всех кандидатов¹⁸.

Напрашивается вывод о том, что в обществе накапливается риск отчуждения граждан от своих конституционных прав. Подобное положение неизбежно ведет к сужению социальной базы реформ и к усилению авторитарных тенденций в сфере политического управления. Налицо все признаки формальной демократии, то есть политического режима, демократические атрибуты которого носят лишь декоративный характер.

Не случайно, одним из первых шагов вновь избранного Президента В.Путина стала реформа политической системы в стране. Одним из ее направлений явились меры по преодолению авторитаризма региональной власти, представляющего все нарастающую угрозу целостности России. Впервые за многие годы опасность авторитаризма исходит не только от Центра, но и от Субъектов Федерации.

Получив, с благословения Бориса Николаевича, «столько свободы и собственности, сколько захотели», региональные элиты стремятся обеспечить незыблемость своих экономических позиций. Эта цель реализуется через институт выборности глав администраций регионов. Хорошо известно, что ни одна финансовая или коммерческая структура не может успешно реализовывать свою деятельность, не опираясь на региональные администрации. В свою очередь глава администрации никогда не добьется успеха без поддержки местных элит. Таким образом, как отмечают Н.Мерзликин и С.Бабакаев, «происходит процесс сращивания власти региона с финансовой, хозяйственной элитой»¹⁹.

Чем политически пассивнее население региона, чем больше оно позволяет манипулировать своим сознанием, тем надежнее работает этот механизм, продуцируя, по крайней мере, три ситуации риска. Во-первых, риск бесконтрольности действий глав администраций, легитимность власти которых как бы гарантируется их выборностью. Во-вторых, риск усиления их зависимости от финансового капитала. В-третьих, риск перераспределения власти в стране от законно избранной к олигархической, учитывая, что главы администраций образуют одну из ветвей центральной власти – Совет Федерации. Преодолеть эти риски не в состоянии ни беспомощные Парламенты в регионах, ни зависимые суды и правоохранительные органы, тем более в отсутствии оппозиционной прессы.

Опасность разрушения территориальной целостности России возрастает и в связи с тем, что под влиянием средств массовой информации, идея «права выхода республик из состава РФ» овладевает сознанием достаточно широких масс населения. По данным В.Иванова и М. Назарова, «около трети опрошенных поддерживают идею предоставления государственной самостоятельности тому «национальному» региону, который бы выразил такое желание»²⁰. Наиболее широко подобные взгляды разделяются молодежью, в

связи с чем, усиливается вероятность дальнейшей эскалации риска сепаратизма в стране.

Важным фактором нестабильности в российском обществе являются межэтническая напряженность и межнациональные конфликты, особенно их политическая составляющая. В ряде регионов, особенно на Северном Кавказе, усилились попытки манипулирования этническим сознанием со стороны экстремистских групп, рвущихся к власти, «подогреваются» установки на политическое и социально-культурное доминирование титульных наций, «разжигаются» сепаратистские настроения, активизируются претензии на особые территориальные права, все чаще отмечаются факты дискредитации по национальному признаку. Постоянный рост числа этих проявлений и уровня их напряженности грозит парализовать общественную жизнь не только в этих регионах, но и далеко за их пределами.

Наглядным примером перерастания региональных межэтнических, межклановых, межтэйповых противоречий, возникших на экономической и политической основе, в общероссийскую проблему является Чечня. Развязанная недалекими политиками, алчными предпринимателями и бездарными генералами чеченская война принесла невосполнимые жертвы, нечеловеческие страдания, неисчислимые разрушения, надолго став для российского общества источником риска с непредсказуемыми последствиями.

Все более серьезной угрозой национальной безопасности становится терроризм. В его масштабах, формах и последствиях все чаще угадывается не только криминальная, но и социально-политическая сущность, придающая этому явлению черты национального бедствия. Крупномасштабные террористические акции в Дагестане, взрывы жилых домов в Буйнакске, Москве, Волгодонске, ставшие постоянными политическими заказными убийства и криминальные разборки, похищения людей, с целью получения выкупа вносят дестабилизирующее влияние на социально-политическую ситуацию в стране, создают в обществе атмосферу неуверенности и страха.

Необыкновенный размах терроризма в Российской Федерации подтверждается статистикой. Так, если за 1994 – 1995 гг. всего по стране было зарегистрировано 64 криминальных взрыва, то в 1996 г. их зафиксировано 886, в 1997 г. – 642, в 1998 г. – 668, в 1999 г. – 700. Только в 1999 г. зафиксировано: 75237 угроз убийством, 47664 факта умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, 31140 убийств и покушений на убийства, 523 акта вооруженного бандитизма, 1554 похищений людей²¹.

Главными факторами превращения терроризма в один из признаков Российского общества риска стали низкая раскрываемость этих преступлений, создающая у людей ощущение полной незащищенности, а также масштаб их распространения по всей территории страны, что вызывает чувство безысходности, постоянного ожидания трагедии не где-то, а на пороге своего дома. Постоянная боязнь за свою жизнь, за жизнь своих детей, родных и близких, за свое имущество, за свой бизнес становится обыденным состоянием риска способным в корне изменить весь образ жизни людей и отношения между ними в обществе.

Таким образом, политическая нестабильность проникает во все сферы жизни общества, накапливаясь в них в форме устойчивого состояния риска.

2.4. Факторы риска

Рассмотренные последствия модернизации в России указывают на характерные черты, присущие ей как обществу риска. По многим признакам оно подходит под определения, приведенные в первой главе. Вместе с тем, явно просматриваются и весьма существенные отличия российского общества риска от многих прошедших модернизацию, скажем, европейских обществ риска. Видимо, в существующих определениях недостаточно четко учитывается эта специфика. Принимая за основу сложившиеся теоретические подходы, попробуем уточнить исходное понятие.

Как известно, в самом общем виде, под обществом понимается универсальный способ организации социальных связей, взаимодействия и отношений людей²². При этом целью такой организации является производство, как материальных благ, так и самого человека. Представляя собой сложную самоорганизующуюся систему, общество функционирует и развивается в соответствии с универсальными социальными законами и присущими каждой конкретной системе закономерностями. Они и обеспечивают социальную обусловленность самоорганизации, отражающуюся в механизме общественного воспроизводства.

Как следовало из предыдущего анализа, именно из-за отсутствия определенности в осуществлении реформ в России произошло разрушение этого механизма, что и повлекло за собой всю цепь событий, поставивших российское общество на грань риска. Значит ключевым в данном определении должно быть состояние неопределенности, при котором деформируется или разрушается механизм воспроизводства. Уровень неопределенности и степень деформации воспроизводственных механизмов в каждом модернизируемом обществе свои, что и определяет специфику различных обществ риска.

Итак, общество риска – это специфический способ организации социальных связей, взаимодействия и отношений людей в условиях неопределенности, когда воспроизводство жизненных средств (условий жизни), физических и духовных сил человека приобретает не социально обусловленный, а преимущественно случайный, вероятностный характер, вытесняясь производством самого риска. В числе факторов риска в нестабильном российском обществе можно выделить следующие.

1. Социально-экономический фактор. Он обусловлен разрушением промышленного и научно-технического потенциала страны и, связанной с этим, стратегической зависимостью ее жизнедеятельности от импорта, техническим отставанием от передовых держав, ориентацией правительственных программ на заимствование кредитов у Запада. Не последняя роль в этом ряду принадлежит спекулятивной деятельности коммерческих банков в направлении на не инвестирование производства, а перераспределение государственной собственности с целью присвоения прибыли, создание разного рода финансовых пирамид, не обеспеченных развитием производства. Закономерным результатом подобной политики стали резкое падение жизненного уровня подавляющего большинства населения, включая молодежь, усиление его экономического, социального и политического расслоения, рост социальной напряженности.

2. Социально-правовой фактор риска связан одновременно с несовершенством и неисполнением действующего законодательства, а также с отсутствием развитой системы правовой и социальной защиты населения. В

результате возникает острое противоречие между формальными и реальными правами населения в целом и молодежи особенно.

3. Социально-политический фактор риска определяется несогласованностью деятельности ветвей власти. Наличие неограниченной президентской власти, недееспособных, часто меняющихся правительств и не имеющих достаточных полномочий нижней и верхней палат Парламента, отсутствие четких представлений о возможных моделях развития общества делают политику государства мало предсказуемой. Слабость федеральных Законов, недостаток единого законодательства в условиях усиливающегося сепаратизма регионов создают благоприятные возможности для перераспределения власти в центре и на местах в пользу бюрократии, олигархических и криминальных кругов.

Появляется феномен «деклассирования риска» (У.Бек). И в России риск как бы перешагивает социальные границы, превращаясь в фатальную угрозу жизнедеятельности всех категорий населения.

Таким образом, особенности реформ современного российского общества заключаются в усилении перечисленных факторов риска, в превращении его в перманентное состояние. Они обусловлены демодернизационным характером системных преобразований, в которых риск утрачивает свою инновационную сущность и становится иррациональным.

Примечания:

¹ Яницкий О.Н. *Россия как общество всеобщего риска*. //Социология и общество. Тезисы докладов Первого Всероссийского Социологического конгресса. -С.-Петербург, 2000. С. 4; его же *Социология и рискология* // Россия: риски и опасности «переходного общества». М.: Изд-во Ин-та социологии, 1998.

² *Россия в поисках стратегии: общество и власть*. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 1999 году / Под ред. Г.В. Осипова (рук.), В.К. Левашова, В.В. Локосова, В.В. Суходеева. - М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000. С. 17, 19.

³ Там же

⁴ Там же. С. 4.

⁵ Там же. С.9.

⁶ Там же. С. 9.

⁷ Богданов И.Я., Калинин А.П., Родионов Ю.Н. *Экономическая безопасность России: цифры и факты*. М.1999, С 73.

⁸ Там же. С. 20.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 10, 109.

¹¹ Там же. С. 10, 108.

¹² Там же. С 10.

¹³ Там же. С. 37.

¹⁴ Там же. С 18, 55.

¹⁵ Там же. С. 109.

¹⁶ Там же. С. 109.

¹⁷ Там же. С. 111.

¹⁸ Там же. С. 110.

¹⁹ Там же. С. 120.

²⁰ Там же. С. 116.

²¹ Там же. С. 79.

²² *Социология. Основы общей теории: Учеб пособие* / Г. В. Осипов, Л. М. Москвичев, А.В. Кабыща и др. -М.: Аспект Пресс, 1996. С. 102-129.

Глава 3. РИСКОВАННЫЕ ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗРЕЛОСТИ

3.1. Молодежь в общественном воспроизводстве.

Понимание закономерностей развития молодёжи как социальной группы непосредственно связано с адекватным определением её роли и места в общественном воспроизводстве, субъектом которого она является. По данным Доклада ООН о положении молодежи, подготовленного в 1999 году, 20% населения Земли составляли молодые люди в возрасте от 15 до 24 лет. Численность молодежной когорты в разных странах не одинакова и колеблется от 500 тысяч в Норвегии, 6-7 миллионов во Франции, Италии, Великобритании и Украине, до 37,5 миллионов в США. В совокупности молодежь в возрасте от 15 до 25 лет в странах Евросоюза составляла в 1995 году 50,2 миллиона человек, или 14% от всего населения. А возрастная группа от 15 до 29 лет насчитывала 80 миллионов человек, что равнялось 22% от численности населения пятнадцати стран - членов Европейского Союза¹. В России в 1999 году численность 15-29 летних россиян составила 32,2 млн. человек. В том числе 11,5 млн. – в возрасте 15-19 лет; 10,6 млн. – 20-24 года; 10,1 млн. – 25-29 лет².

В результате смены поколений, осуществляется простое или расширенное воспроизводство социальной структуры, в ходе которого раскрывается социальная сущность самой молодежи, как социальной группы, выявляются ее основные социальные функции. Важнейшей из них является воспроизводственная, благодаря которой, молодежь унаследует и воспроизводит сложившуюся структуру общественных отношений. Реализуя эту функцию, каждое новое поколение обеспечивает сохранение целостности общества и участвует в его совершенствовании и преобразовании, благодаря своему инновационному потенциалу. Тем самым осуществляется как развитие молодёжи, так и воспроизводство общества.

Под воспроизводством понимается постоянное повторение, непрерывное возобновление процесса общественного производства, призванное обеспечивать развитие общества и отдельных его групп как целостной системы³. В зависимости от характера этого процесса оно может быть деструктивным (отставание развития), простым (повторение) и расширенным (возобновление во всё увеличивающихся масштабах).

В процессе общественного производства воспроизводятся не только материальные блага или совокупный общественный продукт, но и все многообразие общественных отношений. Поэтому уместно говорить об эволюционном развитии системы социальных отношений и групп в форме их циклического воспроизведения.

Соответственно социальное развитие молодёжи также может иметь деструктивные формы (дезинтеграция, социальное исключение), носить характер преемственности социального опыта, накопленного предшествующими поколениями (простое воспроизводство) и приобретать черты расширенного воспроизводства, путём обновления условий жизнедеятельности и всей системы общественных отношений.

Включаясь в общественные отношения и идентифицируясь с ними, молодое поколение интегрируется в общество. Отражая характер циклического воспроизведения системы социальных отношений, этот процесс в социальном плане предстает как изменение молодежью своего места в социальной структуре, т.е. как определенная направленность ее социальной мобильности. Позитивная направленность изменения количественных и качественных характеристик молодежи, в ходе ее становления в качестве субъекта общественного воспроизводства, свидетельствует о социальном развитии этой социально-демографической группы. Показателем социального развития является степень достижения социальной зрелости.

Становление социальной зрелости молодого поколения, его социальное взросление находит отражение в приобретении и изменениях собственного социального статуса в ходе интеграции в структуру общества, а также в характере идентификаций с различными социальными группами. Этот процесс, именуемый в социологии транзицией, т.е. переходом во взрослое состояние, в разные периоды наполнялся не одинаковым содержанием.

Выделяется несколько подходов к определению транзиции, характеризующих особенности взаимодействия молодежи с социальным окружением и понимание типичных последствий происходящих на этапе перехода во взрослую жизнь событий⁴. В них преимущественно доминировал переход молодежи в сферу труда.

В 60-е годы это понятие интерпретировалось как «заполнение социальных ниш», отражая популярный функционалистский подход с упором на овладение нормами, гарантирующими успешную интеграцию в статусно-ролевую структуру взрослого мира. Существовали, по меньшей мере, три типичные модели перехода к трудовой деятельности, среди которых было получение высшего образования, различные виды профессионального тренинга, включая ученичество, а также занятие той или иной позиции от, так называемого, «белого воротничка» до неквалифицированного труда, при слабой специальной подготовке и отсутствии перспектив социально-профессионального продвижения⁵.

С усилением безработицы усложнялась и транзиция. Все более общим становилось продленное (пост-обязательное) образование и многие молодые люди, чтобы не превратиться в безработных, проходили специальную профессиональную подготовку, или предпринимали всякие ухищрения, дабы найти работу. В результате усложняется и сам процесс социального воспроизводства. Продление периода транзиции в сфере труда отражается в новых научных концепциях, расширяющих функционалистское понимание. Возникают такие понятия, как «мосты», «пути», «тропы», двигаясь по которым молодое поколение вступает во взрослую жизнь.

В 80-х годах им на смену приходит понятие «траектория», также несущее на себе влияние структурализма. С позиции этих исследовательских перспектив все достижения в трудовой сфере рассматривались как результат деятельности социальных сил, находящихся вне контроля молодых людей. Структурными факторами выступали прежде всего социальный класс, гендер, этничность, образование и условия рынка труда, а не индивидуальные характеристики и стремления.

Развитие пост-структурализма в 90-е годы привнесло изменения и в анализ профессионального самоопределения молодежи, рассматриваемого отныне в терминах «навигации». Согласно данной модели транзиция зависит

большей частью от сочетания индивидуальных способностей молодых людей и возможностей преодоления внешних рисков и угроз. А молодежь должна, по заключению Гидденса, научиться просчитывать открывшиеся возможности⁶. Иными словами, в современном обществе молодые индивиды подобно морякам прокладывают путь по бушующим волнам неопределенности.

В обыденном сознании молодого человека транзичия выражается в стремлении достигнуть статус своих родителей или старших братьев, друзей. Достижение приносит удовлетворение и является стимулом для дальнейшего повышения своего статуса, а нереализованность жизненных планов приводит к разочарованию и поиску других путей жизненного самоопределения.

И достижение, и поиск других путей сопряжены с риском. В первом случае - это определяется ограниченными возможностями, предоставляемыми обществом для вертикальной мобильности молодых людей. Молодой человек постоянно рискует не получить желаемого образования, не приобрести хорошей профессии, не найти интересующей его работы, остаться не у дел в продвижении по службе, не найти средств для создания собственной семьи, приобретения жилья. Не сумев реализовать себя в таком обществе, молодежь становится перед альтернативой другого типа риска: оказаться на обочине жизни, либо пойти по пути нарушения закона. То есть риск характеризуется состоянием *перехода от состояния определенности к неопределенности* исхода социальной деятельности молодежи и возможными неблагоприятными последствиями в случае ее неуспеха.

В ходе воспроизводственного процесса общество предъявляет определенные требования к молодому поколению, выходящему на арену социальных отношений. Источниками этих требований выступают, с одной стороны, исторические, социальные и иные традиции данного общества, с другой - господствующие представления о целях его развития. Общество, таким образом, контролирует направленность социальной интеграции молодежи, исходя из целесообразности воспроизведения тех или иных структур и отношений в интересах целостности, устойчивости и развития.

Однако в обществе риска, как правило, не бывает четких представлений о целях развития. Функционирование такого общества приобретает спонтанный характер, часто неконтролируемый социальными институтами. Наступает процесс стихийной интеграции в молодежной среде, направленный на воспроизводство структур, препятствующих естественно историческому общественному развитию. Сознательно или не осознанно многие молодые люди оказываются втянутыми в этот процесс, рискуя карьерой, семьей, стабильной жизнью.

Содержание процесса общественного воспроизводства является, как известно, прямым отражением господствующих социальных отношений. В советском обществе в основе социальных ожиданий, предъявляемых к индивиду лежали преимущественно идеологические принципы, такие как верность политике партии, преданность идеалам коммунизма, политическая активность, направленная на построение социализма, патриотизм, понимаемый как любовь к советской Родине, интернационализм, коллективизм, трудовая активность, социальный оптимизм и т. д., ставшие слагаемыми особой модели гражданственности. Само понятие «хороший гражданин» подразумевало активное участие в социально-политической жизни общества. Такие лозунги, как «Каждый ответственен за все» или «Если не я, то кто же?» являлись характерными символами прежней исторической эпохи.

Вместе с тем, всякая активность в высшей степени регламентировалась строго очерченными идеологическими границами, выход за которые карался как отклонение. Этот коридор определялся соотношением между интересами государства и индивидуальными интересами при характерном доминировании государственных над личностными. Человек для государства, а не наоборот.

Такая модель гражданственности могла иметь успех в тоталитарных условиях. Современное российское общество, отойдя от большинства перечисленных выше идеалов изменило и характер своих требований по отношению к новой генерации. Дать им более или менее адекватную оценку можно лишь определив степень соответствия конкретных социальных требований нормам современного общества.

Нео-либеральные реформы начались с попытки разрушения этой модели. Однако не обошлось без ошибок. По крайней мере, два важнейших момента не были приняты во внимание. Во-первых, ее разрушение и полный отказ от социального контроля не сопровождались формированием новых механизмов саморегуляции и самоконтроля, свойственных современным обществам. Не случайно возник риск разрушения всего общества.

Во-вторых, такой феномен как инерция старых образцов гражданственности в молодежном сознании так же был проигнорирован. Продолжая существовать, они стали приобретать извращенные формы. Мечта советского общества - активный гражданин - по-прежнему активен. Вопрос в том в какое русло направлена его активность. Ельцинский призыв «берите столько свободы, сколько хотите» воплотился в разворовывании государства. Таким образом, в отсутствие новых механизмов становления гражданственности предпринятые изменения дали жизнь ее противоположному типу, сводящемуся к существованию за счет государства.

Механизм социального воспроизводства - воспроизводство жизненных средств и жизненных сил человека - во всех современных обществах выглядит одинаково, но это вовсе не значит, что похожи и воспроизводственные процессы в целом. Напротив, они резко отличаются в обществах стабильных, трансформирующихся и кризисных.

Период социальных изменений, тем более таких радикальных, какие мы наблюдаем в России ставит молодежь в иные социальные условия. Образцы ее социализации кардинально отличаются от тех, которые были характерны не только для их родителей, но даже для молодежи в старших возрастных когортах. Таким образом, являясь представителями одной и той же генерации, они зачастую существенно отличаются друг от друга и своим обликом, и социальным опытом.

Резкое усиление социальной дифференциации, изменение структуры общественных отношений и последовавшие за этим интенсивные контакты современного молодого поколения российской молодежи с новыми социальными посредниками (рынок, отношения между работодателем и наемным работником, коммерческие услуги в сфере образования и др.), не характерными для социализации прошлых поколений, делают межпоколенные, а в ряде случаев и внутривоколенные различия, еще более значительными. В условиях социальной трансформации молодежь чаще отрицает опыт старших, чем его усваивает. Это изменяет форму воспроизводственного процесса уже в первом его звене - на этапе преемственности, обостряя риск, связанный с неравенством жизненного старта. Молодые люди из разных социальных слоев

изначально имеют разные шансы при поступлении в учебные заведения, в трудоустройстве, в создании семьи.

Социально-экономический кризис ухудшил положение наиболее уязвимых групп населения, к которым относится молодежь и поставил ее в конфликтные противоречия с обществом. Это создало для молодежи ситуацию другого типа риска, связанного с неопределенностью жизненного пути, что так же не могло не повлиять на характер социального воспроизводства.

Решающая роль в определении стратегий социального воспроизводства принадлежит обществу, которое, руководствуясь конкретными целями и опираясь на выработанные институциональные критерии выстраивает наиболее приемлемые модели социализации. Поэтому вряд ли можно предположить, что молодой человек осознает себя в качестве некоего субъекта воспроизводства. Это область общественного, а не обыденного сознания. Он проходит весь тернистый путь становления, социализации, осуществляет транзигцию, желая прежде всего побыстрее встать на ноги, обрести независимость от родителей, по-своему планировать собственную жизнь и мало задумывается о своей социальной роли в этом процессе.

Вместе с тем, руководствуясь собственными интересами в образовании, профессиональной деятельности, материальном положении и т.д. индивид критически оценивает окружающую его социальную реальность с точки зрения возможностей самореализации при достижении желаемого статуса, выражает согласие с одними нормами, протестует против других. Все, что противоречит его представлениям о должном вызывает не только протест, но и стремление к преобразованию.

Благодаря инновационной деятельности происходит возвышение индивидуального сознания молодых людей в воспроизводственном процессе, качественный переход от преемственности социальной структуры к обновлению социальных отношений. Социальное воспроизводство из простого превращается в расширенное. Однако новизна, новаторство всегда сопряжены с риском. Это особый тип риска, именуемый инновационным. Он является феноменом преимущественно молодежным, поскольку пора взросления, самоутверждения личности молодого человека сопровождается отрицанием прошлого опыта.

Самоутверждение молодого поколения через отрицание может иметь как позитивные, так и негативные последствия. В российском обществе позитивным моментом явилось отрицание большинством молодого поколения устаревших, отживших ценностей и отношений, характерных для эпохи административного социализма, хотя, как показывает опыт, не преодолен до конца риск воспроизводства этих отношений в новых условиях. С другой стороны, бездумное отрицание прошлого приводит к разрушению исторического сознания молодого поколения, к ценностно-нормативной неопределенности, к риску деформации идентичности и превращения его в «иванов, не помнящих родства».

Что касается выработки новой модели воспроизводства, насущная потребность в которой крайне актуальна, то она напрямую зависит от решения двух принципиальных вопросов. Первый из них заключается в том все ли структуры и отношения могут и должны быть воспроизведены молодым поколением. В какие структуры интегрируется молодежь, что она выберет своим ориентиром и с чем она себя идентифицирует окажет судьбоносное влияние на развитие и самой молодежи, и общества в целом.

Ситуация, сложившаяся в российском обществе, осложняется тем, что оно до сих пор не определилось в отношении конечной цели начатых преобразований. Отсутствием их концептуального видения страдают как сторонники реформ, так и их оппоненты, а это значит, что существующие воспроизводственные механизмы, утратив прежнюю идеологизированную сущность, не обрели нового содержания. Отсюда многочисленные противоречия между провозглашаемыми, вполне отвечающими характеристикам современного общества идеалами, и реальным курсом российского общества.

Ни у общества в целом, ни у отдельных его институтов, ни даже у родителей, нет однозначного нормативно-нравственного представления о должном поведении нынешних молодых людей. Стало быть, российское общество, находящееся в состоянии ценностно-нормативной неопределенности, аномии не способно в полной мере противостоять риску воспроизводства безнормности, распространению криминализации социальных отношений и интеграции в них все большего числа молодых россиян.

Как известно, интенсивность воспроизводства во многом зависит от практической способности индивидов обеспечивать обновление общества. Отсюда вытекает второй важнейший вопрос. Он касается способности современного молодого поколения к социальному новаторству, т.е. его готовности быть не только объектом более или менее успешных интеграционных стратегий, но и субъектом, ускоряющим или замедляющим интеграцию общества, либо изменяющим направленность этого процесса. В характере интеграционного поведения как раз и отражается субъектность молодежи.

Вместе с тем, современное состояние российского общества, характеризуется нарушением каждого из элементов самого воспроизводственного механизма. Деформируется роль и место молодежи в этом процессе. Она отчуждается от своей основной социальной функции, а вслед за этим и от общества. Молодежь теряет, таким образом, отличительный, группообразующий признак, превращаясь из особой социальной в обычную демографическую группу.

3.2. Воспроизводство риска

Результаты проведенного Советом Европы в апреле-мае 1997 года исследования среди 9 400 молодых людей в пятнадцати странах Евросоюза позволили говорить о двух сторонах влияния на молодежь процесса европейской модернизации. По оценкам самих респондентов, к ее достижениям отнесены чувство уверенности в завтрашнем дне Европы и позитивное видение перспектив социальной мобильности. С противоположной стороны, остается проблема безработицы, по-прежнему вызывающая явное беспокойство молодых европейцев. В более обобщенном виде озабоченность европейской молодежи выражена в упомянутом ранее докладе ООН, опубликованном в 1999 году, в котором выделяется три группы проблем.

Во-первых, проблемы адаптации к стремительным технологическим изменениям, начавшимся в 70-е и 80-е годы. Сегодня, подчеркивается в докладе, от молодежи требуется гибкость в выборе образцов трудовой деятельности, а значит, появляется потребность в повышении образования и

профессиональной подготовки. И как следствие, проблема неопределенности перспектив трудовой деятельности, возникающая перед ними со всей остротой.

Во-вторых, согласно Гидденсу, поздний модернизм сопровождается искоренением традиционных типов социального порядка. Применительно к молодежи это означает ни что иное, как исчезновение традиционных моделей достижения социальной зрелости, т. е. ее самоопределения и интеграции в общество. Сам «ритуал» включения всех молодых европейцев во взрослую жизнь, усвоение ими ролей, прав и обязанностей, свойственных взрослым индивидам заметно усложняется.

В-третьих, молодежь взрослеет, социализируется в условиях повышенного риска. Так, например, упадок мануфактурного сектора экономики США и ряда европейских государств подорвали институт ученичества, что сделало перспективу безработицы угрожающе реальной и оказало влияние на трудовую и семейную жизнь молодежи.

Наконец, трудности, испытываемые молодыми людьми при взаимодействии с институтом образования, часто приводят к невозможности получения знаний и навыков, необходимых для успешной интеграции в сферу труда. Последствием этого становится исключение некоторых категорий молодежи из определенных профессиональных сфер, и как следствие неполноценность их гражданских прав, отчуждение от институтов социализации и от всего мира взрослых⁷. Предполагалось, что в этих и других сферах жизни молодежь быстрее достигнет независимого статуса. Однако в силу многих причин подобные попытки заканчивались неудачей. По мнению экспертов, это связано со становлением обществ риска. «Современная молодежь, говорится в докладе, живет в период, когда осуществление глубоких социально-экономических, политических и социокультурных изменений приносит не только новые возможности, но и ограничения». Разрешение этого противоречия видится экспертам ООН в интеграции молодежи в социально-политический процесс и в расширении ее влияния на социально-экономическую политику государств⁸.

В числе причин называются и возросшие надежды молодых людей на родительскую семью как источник доходов. Однако, именно в обществе риска эти надежды трудно реализуется из-за кризиса, переживаемого европейскими семьями.

Социологи отмечают различия между рисками, испытываемыми молодежью прежних эпох и в условиях современности. Так, поздний европейский модернизм вызвал усиление социальной дифференциации, социального исключения и маргинализации в молодежной среде. Одним из главных итогов современности является неравенство прав молодежи по сравнению со взрослыми, что иногда приводит к конфликту с родительским поколением в целом из-за новых стилей жизни и новых ценностей⁹.

Как отмечают многие исследователи, современная молодежь стран Западной Европы испытывает затянувшуюся зависимость от родительского поколения. Молодой человек вынужден довольствоваться статусом квази-гражданина, чьи права и обязанности, в лучшем случае, реализуются при посредничестве родителей.

Другой сопутствующей характеристикой процесса становления молодежи, вытекающей из самой природы общества риска, стала непредсказуемость и неопределенность. Степень неопределенности в современных условиях выше, чем та, которую испытывали предшествующие

поколения. Более того, главными последствиями усилившейся дифференциации и социального исключения стало усиление социальной незащищенности молодежи в Европейских обществах. Это напрямую затрагивает молодежь из низкостатусных и непривилегированных семей, представителей этнических меньшинств, а также выходцев из малых городов и сельской местности.

Соединение указанных факторов расширяет социальную базу андеркласса, способствуя его дальнейшему росту. Современный британский ювенолог Патрисия Аллат определяет эту категорию как «группу молодежи, самым обществом выбрасываемую за его границы»¹¹. Вследствие этого некоторая часть молодежи исключается из системы образования и трудовых отношений имеет неудовлетворительные жилищные условия, прибегает к криминальной деятельности с целью выживания.

Хотя развитие новых культур и субкультур на основе стратегий выживания является доказанным фактом, не изжита тенденция рассматривать их преимущественно как форму существования имманентно рискованной группы, каковой молодежь часто воспринимается. Но такая точка зрения лишена ясной грани между преходящей и перманентной рискованной деятельностью молодежи, включая преступность, употребление наркотиков, алкоголизм, психические расстройства, суицид. Тем не менее, правительства и общественность пренебрегают казалась бы очевидной взаимосвязью между стилями жизни молодежи, идентичностью и гражданством, что нередко ставит молодежь в оппозицию к обществу.

Переход этой грани от ситуационного риска к перманентному проявляется и в политике. Даже если некоторые молодые люди склонны к девиантному поведению, это не всегда означает отсутствие у них интереса к политике. Вопрос скорее в отсутствии у них иллюзий в отношении окружающей их действительности. Понимая, что участие в голосовании не имеет никакого реального значения, большинство молодежи следует политическому выбору своего ближайшего окружения, например, семьи.

Некоторые группы в составе молодежи предпочитают доверять системе, другие полагаются на близкое окружение хорошо знакомых людей. Третьи, вследствие разочарования, поворачиваются в сторону экстремизма. Существует, хотя и малочисленная, группа молодежи, которая испытывает чувство так называемой онтологической опасности или незащищенности. Частично это происходит из-за конфликта между локальными, региональными (в данном случае европейскими) и глобальными факторами, поставившими под удар традиционные родственные, религиозные и другие связи, основанные, как правило, на персональном доверии.

В зависимости от успешности или безуспешности приспособиться к риску в современном обществе возникают категории молодых европейцев, склонных или к циничному пессимизму или к радикализму. Примыкая к различным общественным движениям, эти категории молодежи преследует цели: либо снижение случайного риска, либо максимизация возможностей, предлагаемых современным обществом. Однако способность молодежи повлиять на эти возможности чаще находится за пределами их контроля по причине несовершенства самой социальной конструкции или ее управления, притом, что молодежь, как правило, не является частью ни того, ни другого.

Вместе с тем, часть молодежи остается оптимистичной в отношении своего будущего, принимая происходящее как данность. Последнее квалифицировано Гидденсом как устойчивый оптимизм и прагматическое

принятие действительности.

Нельзя не согласиться с весьма убедительным выводом У. Бека о том, что появление общества риска совсем не означает расширение выбора для индивидов. Скорее наоборот, молодежь наряду со взрослыми больше страдает от бедности, голода и перенаселения. Причем, эти риски в той или иной мере охватывают все категории молодежи, а проблема их преодоления становится личным делом каждого молодого человека. Неудачи на этом пути, связанные с безработицей, низким жизненным уровнем и т.д. интерпретируются как персональные неудачи молодых людей. В этом и заключается индивидуализация риска, когда риск и его преодоление становятся предметом индивидуального проекта.

Отдельным группам в составе европейской молодежи удается успешно реализовать собственные проекты, осуществляя контроль над своими доходами, временем и жизненным пространством, образованием, карьерой и местом в системе трудовых отношений даже в условиях сохранения жесточайшей конкуренции. Однако и их часто постигает разочарование. Одни добиваются больших успехов, чем другие. Причина в сохраняющихся традиционных ограничениях, вытекающих из социально-классового положения, семейного статуса, социального происхождения и т. д., которые в обществе риска обостряются.

Следующий ряд проблем связан с дезинтеграцией семейных связей, характерной для многих современных западноевропейских обществ. Впрочем, одинаковой данную тенденцию назвать нельзя, поскольку способности общества оказать поддержку и семье, и молодежи сильно различаются. Так, например, в Великобритании уровень интеграции семьи остается более устойчивым, чем в Испании, Португалии и даже в Германии. Это не удивительно. В то время, как Великобритания обладает относительно эффективной системой государственной помощи семье, в Испании и Португалии процесс ее становления еще не завершен. Этот фактор частично обуславливает скопление молодежи в пограничных слоях общества, на которое обращает внимание Бек. Не случайно в докладе ООН делается вывод, что в большинстве стран Запада все жизненно важные перспективы молодежи, включая труд, карьеру, зарплату, создание семьи и многое другое находится под угрозой, однако степень риска сильно различается.

Безусловно, молодежь Америки и Западной Европы по показателям жизненного уровня превосходит своих российских и восточно-европейских ровесников. Разнятся и причины, вызывающие риски в обществах. Скажем, бедность может существовать в США и в Европе, однако детерминанты ее уровня и продолжительности для молодежи не одинаковы. Стандарты, принятые за норму в США, в Европейском сообществе и в странах постсоветского пространства формируют соответствующие ожидания и реакции молодежи. Без учета различий этих стандартов в отдельных обществах невозможна адекватная оценка характера молодежных проблем. Нельзя не видеть, что в тенденциях изменения положения западной и российской молодежи прослеживаются как общемировые последствия факторов риска, так и специфически российские.

Реформирование в российском обществе в отсутствии стратегических целей, кроме узко корпоративных интересов структур власти всех уровней, делает социально-экономическую политику неопределенной, а следовательно,

непредсказуемой для всего населения. Возникающая при этом стихийность и импульсивность проявляется во всех сферах общественной жизнедеятельности.

Как было показано в предыдущей главе, риск в российском обществе определяется тремя группами факторов: социально-экономическими, социально-правовыми и социально-политическими. Воздействуя на все группы населения, они по-своему влияют на молодежь в процессе воспроизводства.

За последние годы особенно заметно произошло снижение экономического статуса российской молодежи. Ухудшение ее материального положения, происходящее в русле общей тенденции обнищания населения России, привело к углублению расслоения внутри этой социально-демографической группы.

Неопределенность социально-экономической политики не придает уверенности молодым людям в том, что они сумеют занять устойчивые позиции в системе экономических отношений и не способствует сколь-нибудь ясным представлениям о характере будущего. Когда возможное экономическое, социально-политическое устройство едва ли поддается прогнозированию, единственным желанием молодого человека становится - успеть сделать то, что завтра быть может осуществить не удастся. Еще в самом начале перестройки и легализации кооперативной деятельности, в конце 80-х годов, популярной была перефразированная русская поговорка «Куй железо, пока горячо». В ту пору она звучала так: «Куй железо, пока Горбачев». Так, в силу непредсказуемости социальной политики риск постепенно становился частью транзисии молодежи.

И сегодня ни один человек, от политического деятеля до рядового гражданина не знает как долго продлится его власть, материальное благополучие, доступ к различным ресурсам, здоровье и т. д. Всякого рода нестабильность неизбежно культивирует психологию «временщика», превратившуюся в норму жизни всего общества, вынуждает молодежь жить сегодняшним днем. Риск в этих условиях становится способом адаптации молодежи к нестабильности.

Представляя особую группу риска, в условиях неопределенности российского общества молодежь склонна к неординарным поступкам чаще, чем обычно. Эти условия сулят одновременно крупный выигрыш и жестокий провал. Не обладая опытом, навыками, не имея надежной опоры в виде материальной базы, властных полномочий и т. д., молодежь оказывается неконкурентоспособной в неравностатусной ситуации и поэтому в основной массе обречена на неудачу.

Между тем, именно неравностатусная ситуация и желание ее преодолеть подталкивают молодежь к рискованным действиям. Молодые люди чаще, чем старшие выражают готовность идти на риск. Это естественно, поскольку связь с собственностью в молодежном возрасте ощущается еще мало, сбережениями молодежь, как правило, не обладает, в социальные структуры и институты дореформенного времени интегрироваться еще не успела, а потому рвать старые социальные связи и переживать серьезные финансовые потери ей не приходится. Все это является дополнительным стимулом к риску в молодежной среде.

В то же время само государство не только не оказывает сопротивления тотальному риску, но и даже способствует его эскалации. Не будучи в состоянии обеспечить полноценное включение молодого поколения в экономические отношения, оно продолжает содействовать разнообразным авантюрам вроде финансовых пирамид и прочего. Десятки тысяч россиян, среди

которых была и молодежь, обманом оказались втянутыми в финансовые аферы в надежде на спасение своего положения и проиграли.

Надежда молодых исключительно на удачу как основу рискованного предприятия лишь обостряет непредсказуемость конечного результата. Рассчитывая на везение и ставя на карту все, что есть и даже собственную жизнь, молодые люди, часто проигрывают. Мало кому из них удается достигнуть желаемого благополучия. Однако, так называемые, продвинутые группы становятся референтными для молодых людей, бросая своим примером вызов остальным. Стремление молодежи интегрироваться в эти группы становится катализатором воспроизводства риска.

Нельзя не видеть, что с одной стороны, пропагандируемый СМИ образ постоянно рискующего и преуспевшего игрока поддерживает в сознании молодых людей соответствующие устремления. Но, с другой, разочарования, ожидающие молодых людей от того, что движущие силы авантюрной социально-экономической политики находятся вне поля их собственного влияния формируют чувство безысходности и неуправляемости жизни. Как раньше, так и теперь они не только не оказывают существенного влияния на политический процесс, но и вообще перестают участвовать в политической жизни.

Используя на рубеже 90-х годов и на повторных президентских выборах в 1996 году поверившую в демократические преобразования молодежь, новая политическая элита дважды предавала ее интересы. Отыграв роль одного из самых мощных разрушителей старой системы, молодежь востребует исключительно в период предвыборных кампаний и лишь как объект манипуляций со стороны организаторов акций типа «Голосуй или проиграешь», не имеющих ничего общего с молодежным движением.

Исключительно утилитарное отношение к молодежи как к потенциальному электорату и недопущение ее к реальной власти является проявлением ювенофобии, характерной для всех политических режимов и бывшего СССР, и современной России. Олицетворяющая собой возможный источник нарушения стабильности властвующей элиты, молодежь всегда находилась под ее неусыпным контролем. Жесткое идеологическое давление на молодое поколение и политическое заигрывание как методы удержания его «в узде», наряду с «прикармливанием» молодежных лидеров, в настоящее время дополнилось пугающими рассказами о возможном реванше коммунистического прошлого, сведенного пропагандой только лишь к дефициту и ГУЛАГам.

В конечном счете, эти методы превратили современное молодое поколение в аполитичную, слабо интегрированную и плохо приспособленную к самостоятельному отстаиванию своих интересов группу. Это во многом обусловило сегодняшний упадок молодежного движения. Множество зарегистрированных молодежных организаций не выражают ни чьи интересы, кроме собственных интересов их лидеров. Предоставленные в самом начале рыночных реформ льготы в сфере молодежного бизнеса ускорили их превращение в небольшие коммерческие структуры. А фактическое совпадение интересов обусловило их сращивание с нынешним политическим режимом и приверженность реформаторскому курсу.

Результатом распада системы социальной и правовой защиты молодежи и утраты ею организованной общественной защиты в лице молодежных объединений стало ущемление, а зачастую прямое нарушение ее конституционных прав. В конечном счете, молодежь оказалась в числе наиболее

уязвимых групп населения, пострадавших от всевозможных проявлений беззакония и произвола, превратившись в мощный фактор воспроизводства риска в стране.

3.3. Изменение положения российской молодежи в общественном воспроизводстве

Опираясь на данные всероссийского социологического мониторинга «Социальное развитие молодёжи», рассмотрим основные тенденции воспроизводства молодежью социальной структуры – в материальном и духовном производстве, а также в сферах распределения обмена и потребления.

Материальное производство. С самого начала реформ появились первые признаки, указывающие на их разрушительную, а не модернизационную направленность. Анализируя роль молодежи в общественном воспроизводстве, становилось ясно, что эта тенденция доминирует во всех его сферах, и особенно в материальном производстве.

Занятость молодых людей в этой сфере постоянно сокращается. Если в 1990 году в отраслях материального производства было занято 80% работающей молодежи, в 1994 году – чуть больше 60%, то в 1999 году 44,2%. Резко усложнились проблемы ее профессионального самоопределения. К началу 90-х годов подавляющее большинство (более 80%) достигало профессиональной зрелости и экономической самостоятельности лишь к 30 годам, то есть за пределами молодежного возраста. Высокий уровень профессионального статуса по таким показателям как квалификация, заработная плата, удовлетворенность работой в материальном производстве отмечался лишь у десятой части молодых людей. А удельный вес этой группы к концу 1994 года сократился относительно 1990 года в 1,5 раза.

По сравнению с дореформенным периодом (1985г.) заметно сократилась подготовка кадров из числа молодежи. Так, в 1990 году подготовка квалифицированных рабочих сократилась на 1 млн. 355 тыс. человек, а специалистов среднего звена на 22 тыс. человек¹². В результате, по данным исследований, уже к 1994 году доля высококвалифицированных специалистов в возрасте до 30 лет в материальном производстве составила менее 15%. Каждый второй молодой человек (51,5%) работал не по специальности (в 1990 г. таких было 38%) и две трети опрошенных отмечали полное отсутствие возможностей профессионального роста.

Однако самый большой урон был нанесен мотивации труда молодежи. Ее разрушение началось еще в период, так называемого, «застоя», с его «аскриптивными», т.е. лишенными меритократических критериев отбора и продвижения, статусными основаниями в труде. Оно продолжилось в эпоху горбачевской перестройки с ее половинчатыми реформами, лишавшими молодежь всяких ориентиров в результатах труда. И окончательной девальвации нормы трудовой этики подверглись, благодаря стараниям современных реформаторов. По данным исследования 1990 года, лишь 21,5% молодых людей стали бы работать, если бы имели достаточно средств для комфортного существования. Для сравнения отметим, что на аналогичный вопрос в исследовании, проведенном в США в 1988 году, положительный ответ дали 85% молодых американцев.

Большинство из отмеченных тенденций сохранялись до второй половины 90-х годов, а некоторые из них продолжают и по сей день. Никогда еще не

наблюдалось такого резкого и продолжительного падения воспроизводственного потенциала молодежи.

Лишь к 1999 году в материальном производстве наметились первые признаки активизации воспроизводственной функции молодежи. Эту динамику можно проследить на примере распределения оценок возможностей решения молодыми людьми таких жизненно важных проблем, как повышение квалификации и заработной платы (Таблица 3.1).

Таблица 3.1

**Распределение по годам оценок возможностей повышения
квалификации и заработной платы**
(средневзвешенный коэффициент по 7-балльной шкале)

Возможности	1990	1994	1997	1999
повышения квалификации	4,46	3,43	2,35	4,54
повышения зарплатной платы	3,29	2,70	1,81	3,66

Как видно из таблицы 3.1, пик падения этих показателей профессионального самоопределения молодежи в материальном производстве пришелся на 1997 год. И только в 1999 году обозначилась положительная тенденция их роста.

По сравнению с предыдущим периодом в 1999 году повысилась ценность труда как способа самоутверждения молодых людей (42% в 1997 году и 46,9% в 1999 году) и несколько ослабло (на 5 пунктов) инструментальное отношение к нему. Мастерство и профессионализм как факторы личностного самоопределения в материальном производстве передвинулись с 6-го места на первое, трудолюбие с 9-го на 5-е место. Зато честность и принципиальность с 5-го перекочевало на 8-е место, а деньги с 9-го на 3-е место. То есть явно обозначилась тенденция сближения трудовых ориентаций российской молодёжи с современными, характерными для рыночных отношений, хотя и с отечественной спецификой, что вселяет надежду для прогнозирования возможных позитивных изменений ее роли в общественном воспроизводстве.

Однако, беда в том, что отмеченные позитивные процессы происходят на фоне продолжающегося разрушения морально-этических норм в труде и правового сознания молодых людей. Тем самым расширяется пространство воспроизводства иррационального сознания. У одних – это не желание работать, даже если заставляет нужда. Лучше ничего не делать, чем работать за копейки. У других – не желание приобретать знания и квалификацию, даже поступив в учебное заведение. Лучше купить диплом, чем «сушить мозги». У третьих – не желание отказывать себе в сиюминутных удовольствиях, занимаясь бизнесом. Лучше промотать деньги, чем вложить в дело. Не получая моральных и правовых противовесов, подобное сознание находит отражение и в целях труда, и в выборе средств их достижения, часто не имеющих ничего общего с цивилизованным рынком.

Вместе с тем, каждый четвёртый имеет иную, несвязанную с трудом, ориентацию. Среди них 14,3% однозначно не стали бы работать, если бы были материально обеспечены, и 9,4% не определились твёрдо в своём выборе. Подобный тип ориентации достаточно равномерно представлен в

распределении молодёжи по возрасту, полу, материальному положению и типу поселения. Это свидетельствует о наличии довольно представительной социокультурной группы молодых людей, для которых труд не является способом жизненного самоопределения. Хотя ее доля и снизилась в 1997 году на 6 пунктов, по сравнению с 1990 годом, сегодня вновь отмечается тенденция роста этой группы. База её роста – те 9,4% молодых людей, которые не определились в своём выборе.

Предав забвению трудовое воспитание подрастающего поколения и одновременно усиливая пропаганду нетрудовых способов обогащения, общество не может рассчитывать даже на простое воспроизводство современной этики труда. Поэтому модернизация трудовых отношений в условиях рынка - проблема не только экономическая, но и этическая.

Особенно пострадал из-за оттока молодёжи из сферы материального производства государственный сектор экономики, занятость молодёжи в котором сократилась по сравнению с 1990 годом почти вдвое. Причём для половины из оставшихся это вынужденная занятость из-за отсутствия выбора. К нулевой отметке приближается воспроизводственный потенциал молодёжи в промышленности. Сегодня уже больше половины молодёжи занято в негосударственном секторе, который становится главным фактором её интеграции в сферу материального производства.

Причем, кредит доверия со стороны молодежи к государственному сектору сокращался до середины 90-х годов заметно быстрее, чем реальная занятость в нем. Нищенская зарплата, которая постоянно задерживается, вынужденные простои, постоянная угроза банкротства предприятий подрывали у молодых людей веру в госсектор, как гарантию стабильности. К концу 1994 года лишь 24% опрошенных предпочитали работу на государственном предприятии, при наличии выбора. В 1990 году такой ориентации придерживались 52% опрошенных.

По характеру труда в материальном производстве молодёжь распределилась следующим образом: 85,4% работают по найму, 2,3% владеют бизнесом с наёмным трудом, 4,1% работают по найму и имеют собственный бизнес, 3,9% заняты индивидуально-трудовой деятельностью, 4,3% другими видами деятельности (мелкая коммерция, работа в личном подсобном и домашнем хозяйстве). То есть подавляющее большинство молодёжи в материальном производстве составляет наёмную рабочую силу. Лишь немногим более двух процентов молодых людей владеют собственными предприятиями, производящими продукцию, являются работодателями. И около десяти процентов занимаются малым бизнесом.

Уровень зарплаты молодёжи в материальном производстве находится на низкой отметке и граничит с прожиточным минимумом. Сравнение этих данных с 1997 годом показывает, что распределение профессиональных групп по уровню зарплаты не изменилось. Самые низкие зарплаты у молодых рабочих в сельском хозяйстве и в лёгкой промышленности, несколько выше среди транспортных рабочих и строителей.

Однако, степень расслоения молодёжи по оплате труда в материальном производстве изменилась и весьма существенно. В 1,3 раза возрос процент низкооплачиваемых групп. Сегодня менее 1000 рублей в месяц получают 44,4% молодых людей, занятых в этой сфере. Одновременно в 1,7 раза вырос удельный вес высокооплачиваемой группы со среднемесячной зарплатой свыше 3000 рублей (7,2%). Если же учесть, что в период с августа 1998 года

цены в стране выросли в среднем в 2,5 – 3 раза, а средняя зарплата увеличилась всего на 25%, то подобное расслоение свидетельствует о резком сокращении жизненного уровня молодёжи, занятой в материальном производстве.

В целом, по совокупности показателей, относительно стабильное положение молодёжи в профессиональной структуре в материальном производстве отмечается в группе ИТР и транспортных рабочих. Наименее устойчивое положение в группе промышленных рабочих. Учитывая значение процесса индустриализации материального производства для модернизации общества, эта тенденция вызывает наибольшую тревогу.

Одним из главных факторов, препятствующих интеграции молодёжи в материальное производство, остаётся молодёжная безработица. Доля молодежи среди зарегистрированных безработных за годы реформ, хотя и имела тенденцию к снижению, все же оставалась очень высокой: в 1992 году она составила 38,1%; в 1995 г. – 35,8%; в 1996 г. – 34,5; в 1997г. – 31,8%; в 1998г. – 32%; в 1999г – 34,5%.

По данным исследования 1999 года 2,3% молодых людей можно отнести к категории безработных. Особенно тревожным выглядит тот факт, что безработица увеличивается за счет выпускников ПТУ, техникумов и ВУЗов. Потенциальной базой численного роста этой группы являются 14,6% молодых людей, которые временно, по разным причинам, нигде не работают и не учатся. Ниже среднего уровня оценили свои возможности найти работу 16,7% молодёжи. Поэтому многие «держатся» хоть за какую работу, лишь бы не лишиться её.

Таким образом, несмотря на наметившиеся позитивные тенденции, положение молодёжи в материальном производстве остаётся крайне тяжёлым. Ощущение нестабильности и незащищённости характерно для 60,1% молодых людей. По этой причине она не может в полной мере реализовать свои воспроизводственные и инновационные функции, постоянно испытывая риск оказаться несостоявшейся как субъект модернизационных процессов.

Все это позволяет сделать следующие выводы: во-первых, о преимущественно демодернизационной направленности воспроизводства молодёжью данной сферы. А во-вторых, об усилении риска дальнейшего разрушения материального производства.

Сферы распределения и обмена. Период наиболее бурного притока молодёжи в эти сферы приходится на начало девяностых годов. Под влиянием структурных преобразований производства, а также кризиса его государственного сектора молодёжь стала активно перераспределяться в финансово – банковские структуры, в сферы посреднической деятельности, оказания услуг, сервиса, охраны, торговли, материально-технического снабжения и сбыта. За первую половину девяностых годов её доля в них возросла почти в 10 раз. Сегодня в них занято 17,7% молодёжи и тенденция ее роста, хотя и замедленными темпами, сохраняется.

Как можно оценить эту тенденцию? С одной стороны – положительно, поскольку расширяются формы занятости молодёжи, причём преимущественно в негосударственном секторе. Рыночная экономика не может нормально функционировать без расширенного воспроизводства этих сфер деятельности. Это основной источник расширенного воспроизводства среднего класса в структуре общества. В развитых странах удельный вес молодёжи в них на порядок выше. С другой стороны, нельзя не замечать, что в результате бурного и спонтанного расширения этой сферы в неё включилось большое количество

молодых людей в профессиональном отношении не состоявшихся в других сферах, образовавших в ней маргинальные слои.

Более того, принимая во внимание, что отмеченный рост происходит за счёт оттока молодёжи из сферы материального производства, с позиций интересов воспроизводства общества в целом, этот процесс вряд ли можно назвать позитивным. Невозможно распределять, не производя. В общественном плане подобная тенденция ведёт к обособлению и к гипертрофии распределительных отношений в ущерб производству, а для молодёжи к воспроизводству неэкономических форм распределения (рэкет, вымогательство, мошенничество).

Современная ситуация породила двойственный процесс: с одной стороны, расширяется свобода выбора и усиливается индивидуализация, характерная для современного типа отношений, с другой, ослабляются силы коллективного контроля, твердые моральные границы, без которых немислима модернизация общества. Наибольшего противоречия эта ситуация достигла в сфере распределения и обмена.

Начавшийся в первые годы реформ процесс расширения свободы выбора и способов действия к середине 90-х годов резко замедлился, подменяясь ощущением вседозволенности и бесконтрольности. Одновременно росло разочарование молодёжи в рыночных отношениях. Неэффективная налоговая политика, безудержные поборы чиновничьего аппарата и милиции, правовая незащищённость и многие другие факторы способствовали криминализации бизнеса, оттолкнув от него значительную часть молодых людей (Таблица 3.2).

Как видно из таблицы 3.2, начиная с 1994 года, ориентация молодых людей на работу в государственных структурах стабилизировалась. Вместе с тем, четко обозначилась тенденция более осторожного и сдержанного отношения к работе в частных отечественных, иностранных и совместных фирмах, а также к собственному бизнесу.

Надежды на саморегулирование рынка в перераспределении молодёжи между сферами производства пока не оправдываются по причине его несоответствия современному типу воспроизводства, для которого характерно возобновление не только экономических, но и этических механизмов. В России же каждый второй молодой человек, причастный к бизнесу, т.е. к сфере обмена, признает, что вынужден нарушать закон. Иначе говоря, молодёжь включена не в отношения распределения и обмена, которые должны быть мерой индивидуального вклада в совокупный общественный продукт, а мошенничества и обмана, имеющих своим последствием воспроизводство извращённой мотивации. Распределение и обмен стали сферами повышенного риска.

Таблица 3.2

Трудовая ориентация молодёжи по сферам занятости
(в % от числа опрошенных в группах)

Сферы трудовой занятости	Ориентированы на работу в данной сфере			
	1990	1994	1997	1999
Государственное предприятие, учреждение	52	25	24	26
Индивидуально-трудовая деятельность	14	12	8	12
Кооператив (колхоз)	32	4	3	2

Частная отечественная фирма	-	18	19	10
Совместное предприятие	-	26	19	13
Работа на дому	5	8	3	2
Иностранная фирма	-	35	28	19
Договор	10	4	4	4
Контракт на работу в труднодоступных р-нах	8	2	1	1
Контракт на работу за границу	-	-	12	9
Семейный подряд	8	1	2	2
Собственное дело	-	38	31	33
Коммерция, уличная торговля	-	4	1	1
Контракт на службу в армию	-	-	3	2
Контракт на службу в органах МВД	-	-	12	8

Несмотря на то, что оценки возможностей самореализации молодыми людьми в сфере распределения лучше, чем в материальном производстве, высокими их назвать никак нельзя. Даже среди молодых предпринимателей велика доля тех, кто не видит реальных путей решения своих жизненно важных проблем. Их число заметно увеличилось после августа 1998 года, когда от «обвала» рубля в первую очередь пострадали начинающие, ещё профессионально не окрепшие молодые бизнесмены.

Итак, несмотря на тенденцию численного роста занятости молодежи в сферах распределения и обмена, о качественном ее влиянии на модернизацию российского общества можно говорить лишь с большой степенью условности. В них пока не сформировались новые формы связи между материальным производством и потреблением, характерные для обществ, прошедших стадию модернизации. Не созрели в них и условия, необходимые для формирования слоя цивилизованных предпринимателей. Зато они стали пространством для производства новых форм риска в молодежной среде.

Сфера потребления. За прошедшее десятилетие наибольшие изменения в данной сфере связаны с материальным положением молодежи. Его уровень неуклонно снижается, достигая для подавляющего большинства молодых людей, границы бедности. В первые четыре года реформирования российской экономики реальные денежные доходы населения, по оценке Минтруда России, сократились на 40%, покупательная способность заработной платы уменьшилась в 2 раза. Обвальный характер приобрел процесс обнищания основной массы молодежи.

Если в 1990 году за официальной чертой бедности находилось 27% молодежи, то уже в мае 1992 года две трети молодых людей имели среднедушевой доход ниже прожиточного минимума. О снижении реального жизненного уровня молодежи свидетельствует соотношение темпов роста доходов и стоимости потребительской корзины. За два первых года реформ среднедушевой доход молодежи, имеющей самостоятельный бюджет, увеличился в 4,8 раза, а стоимость продуктовой потребительской корзины выросла в 45,2 раза.

Тенденция снижения реального жизненного уровня молодежи, хотя и не такими бурными темпами, как в первой половине 90-х годов, все же сохраняется и по сей день (Таблица 3.3).

Таблица 3.3

Изменение уровня доходов молодёжи 1997–1999 гг.
(в % по группам)

Интервалы в деноминированных рублях	1997		1999	
	Среднедуш. доход	Среднемес. Зарплата	Среднедуш. доход	Среднемес. Зарплата
Менее 1000	85,6	89,5	68,1	49,9
От 1000 до 1999	7,5	6,4	22,8	31,6
От 2000 до 2999	1,3	1,6	5,4	10,4
Более 3000	5,6	2,4	3,7	8,1
Средняя в руб.	768	670	944	1265

Исследования показывают, что после 1997 года даже произошел некоторый рост зарплаты молодёжи как в абсолютном выражении, так и относительно среднедушевого дохода в семье. При чём, если среднедушевой доход за это время вырос в 1,2 раза, то зарплата молодёжи увеличилась в 1,8 раза. Особенно заметно выросла доля молодёжи с относительно высокой зарплатой, свыше 2 тыс. рублей.

Однако, подобный факт вовсе не свидетельствует об улучшении её жизненного уровня. Наоборот, с учетом роста цен за данный период в 2,5 – 3 раза, он даже снизился. Это подтверждается сравнением субъективных оценок респондентами своего материального положения. Если в 1997 году 41,9% респондентов констатировали, что едва сводят концы с концами и их денег хватает только на питание и недорогую одежду, то в 1999 году таких стало 45,5%. Одновременно более, чем в 2,5 раза сократилась доля тех молодых людей, кто относил себя к зажиточным и очень богатым.

Как видно события августа 1998 года отразились на уровне жизни всех групп молодёжи, хотя субъективно они воспринимаются неодинаково. Для беднейшего большинства это безусловно принесло новые страдания, но мало повлияло на оценку своего и без того низкого социально экономического статуса. Для значительной части зажиточной молодёжи «августовский обвал» явился фактором нисходящей социальной мобильности, что отразилось и в структуре её потребностей. Таким образом, тенденция снижения уровня жизни молодёжи продолжается, приобретая новые асимметричные формы.

Жизненный уровень молодежи отражается в структуре ее потребления. Еще с начала 90-х годов в этой структуре чётко просматриваются три типа ориентаций, которые на протяжении последних лет сохраняются, претерпевая под влиянием продолжающегося снижения жизненного уровня лишь количественные изменения.

Первый тип включает в себя основные черты потребительских ориентаций, характерных для большинства населения России. Они направлены на удовлетворение первоочередных потребностей молодых людей в продуктах питания, в одежде, в жилье (включая его обустройство) и могут быть охарактеризованы как ориентация на выживание. К этому типу относится большинство (от 60% до 75%) молодых россиян, численность которых постоянно росла, несколько стабилизировавшись лишь в последние два года.

Второй тип можно отнести, с некоторой степенью условности, к потребительской идеологии среднего класса. Она отражает ориентацию молодых людей на относительно стабильный и обеспеченный образ жизни по российским стандартам: наличие аудио и видеоаппаратуры, собственной библиотеки, машины, получения для себя и своих детей элитарного образования и, неизбежные в этих случаях, долги и затраты на лекарства.

К этому типу потребительских ориентаций можно отнести около четверти молодых россиян. После августа 1998 года он претерпел наиболее заметные изменения. Понизился ранг тех потребностей, которые связаны с приобретением, включая аппаратуру, библиотеку, машину и повысилась актуальность изыскания средств на учёбу и на приобретение лекарств.

Третий тип ориентаций, строго говоря, также относится к стандартам среднего класса. Вложение средств в собственное дело, покупка иномарки, приобретение или строительство дачи, обустройство садового участка и приусадебного хозяйства. Однако в России даже это доступно немногим. В связи с чем, подобные потребности правомерно выделить в особый тип потребительских ориентаций, условно говоря, верхнего среднего класса. Его удельный вес мало изменился за прошедшие годы (от 2 до 5%).

Итак, потребительские ориентации российской молодёжи по структуре и уровню развития сильно отличаются от стандартов потребления, характерных для современных обществ. В них доминируют модели потребления, направленные на удовлетворение самых элементарных потребностей выживания. Идентификации подавляющего большинства молодых людей в этой сфере отстают от уровня потребительского сознания, присущего среднему классу, что не может не сказываться на его воспроизводстве.

Анализ не подтверждает наличия непосредственной связи потребительских ориентаций с трудом, характерной для современных обществ. У российской молодежи она имеет весьма противоречивый характер. С одной стороны, отмечена тенденция роста потребностей молодежи на общем фоне снижения уровня ее жизни, с другой, отсутствие чёткой зависимости уровня жизни с трудом молодых людей. В данном противоречии содержится основной источник рисков в среде современной российской молодежи.

Учитывая социально-продвинутой характер потребительских ориентаций молодёжи по отношению к другим группам населения, преодоление этих противоречий будет способствовать не только локализации рисков, но и позитивному влиянию молодого поколения на сферу потребления в целом. Это может послужить важной предпосылкой для расширенного воспроизводства среднего класса, без которого немислима стабилизация общества и его модернизация.

Духовное производство. Молодёжь остаётся важным субъектом воспроизводства духовной жизни общества. Об этом можно судить по тому, насколько она интегрирована в сферу образования, культуры, а также как изменяются ее ценностные ориентации, потребности, интересы.

В сфере образования молодёжи отмечены положительные тенденции. После резкого снижения, в начале 90-х годов, неуклонно повышается его ценность в сознании молодежи. Если в 1990 году 33,7% молодых людей признавали знание главным достоянием человека, в 1997 году такого мнения придерживались 38,3%, то в настоящее время их доля возросла до 42%. В структуре потребностей образование перемещалось с 4-го места, в 1990 году, на 3-е в 1997 году, заняв сегодня вторую позицию. Наметилась также положительная тенденция снижения инструментальной ценности образования (с 39,5% в 1997 году до 35,7% в 1999 году). Доля молодых людей, для которых ценностью в образовании являются знания, а не средство достижения других целей достигла за последние два года 64,3%. Это означает, что прежние, дореформенные ценности образования в молодёжной среде возрождаются.

Вместе с тем положительная тенденция повышения образовательного статуса в молодежном сознании продолжает входить в противоречие с ранее принятым законодательством в области образования и с сокращением его финансирования. Негативным следствием ошибок в реформе образования явилось состояние воспроизводства молодежью отдельных его видов. Это наглядно прослеживается в анализе межгенерационной мобильности молодежи в сфере образования (Таблица 3.4).

Таблица 3.4

Межгенерационная мобильность образовательного статуса
(в % по группам)

Уровень образования отца	Уровень образования детей									
	Неполное среднее		Полное среднее		Среднее специальное		Высшее		Сальдо мобильности	
	1997	1999	1997	1999	1997	1999	1997	1999	1997	1999
Неполное среднее	27,0	25,5	27,8	28,6	32,3	37,2	11,3	8,7	+71,4	+74,5
Полное среднее	17,9	30,8	33,4	28,9	37,6	31,9	9,6	9,3	+29,8	+10,4
Среднее специальное	13,4	20,8	33,9	22,6	34,8	41,6	16,8	15,0	-30,5	-28,4
Высшее	12,5	20,2	39,8	31,0	18,8	23,1	27,3	25,6	-71,1	-74,3

Простое воспроизводство молодежью образовательного статуса родителей продолжало осуществляться примерно в равных пропорциях по видам образования. В 1999 году достигли образовательного статуса отца, имеющего неполное среднее образование, 25,5% молодежи, полное среднее 28,9%, среднеспециальное 41,6% и высшее 25,6%. Однако, сравнение с 1997 годом показывает, что по всем видам образования, кроме среднеспециального отмечается некоторая стагнация показателей простого воспроизводства.

Неизменной осталась тенденция восходящей и нисходящей мобильности, хотя пропорции их по видам образования изменились. В группе родителей, имеющих неполное и полное среднее образование, сохранилась восходящая образовательная мобильность детей, в группах среднеспециального и высшего образования - нисходящая. При этом сальдо мобильности (разница между восходящей и нисходящей мобильностью) в группе родителей с полным средним образованием сократилось почти в 3 раза (с 29,8% в 1997 г. до 10,4% в 1999 г.), а соответствующие показатели в группе родителей со среднеспециальным образованием выросли.

Это значит, что продолжается расширенное воспроизводство общего образования и суженное - профессионального и высшего, хотя в профессиональном образовании наметились положительные тенденции. Наименее благополучное положение имеет место в воспроизводстве молодежью высшего образования. Лишь 25,6% (против 27,3% в 1997 г.) молодежи сохранили образовательный статус отца с высшим образованием.

Характер интеграции молодежи в сферу культуры не претерпел существенных изменений. Видимо тенденция прагматизации общественного сознания в России не затронула фундаментальные ценности культуры в молодежной среде. Практически для семи из десяти молодых людей (71%) культура имеет самоценное значение, т. е. не рассматривается как средство

достижения других целей. Этот вывод вытекает и из сравнительного анализа духовных ценностей молодежи (Таблица 3.5).

Таблица 3.5

Духовные ценности молодёжи
(средневзвешенные коэффициенты по семибалльной шкале)

Духовные ценности	1990		1997		1999	
	<i>К</i>	<i>Ранг</i>	<i>К</i>	<i>Ранг</i>	<i>К</i>	<i>Ранг</i>
Общение с любимым человеком	6,06	1	6,02	2	6,33	1
Общение с близкими, с друзьями	5,55	2	6,09	1	6,28	2
Природа	5,25	3	5,23	3	5,23	3
Кино	5,21	4	4,67	4	5,15	4
Эстрада, поп-музыка*	4,99	5	4,46	5	4,64	5
Спорт	3,92	8	4,05	6	4,08	6
Литература, поэзия	4,20	6	3,97	7	4,03	7
Театр	4,18	7	3,71	8	3,84	8
Памятники старины, храмы	3,86	9	3,70	9	3,79	9
Живопись, скульптура	3,62	10	3,34	10	3,33	10
Классическая музыка	-	-	3,21	13	3,32	11
Народная музыка	-	-	3,29	12	3,29	12
Рок-музыка	-	-	3,31	11	3,17	13
Молитва, обращение к Богу**	-	-	2,93	14	2,96	14

*В исследовании 1990 г. музыка, как духовная ценность, не подразделялась на эстрадную, поп-музыку, классическую, народную и рок-музыку. **Также отсутствовала позиция «молитва, обращение к Богу».

Стабильность структуры духовных ценностей на протяжении всего периода реформ подтверждает неизменность высокой духовности в сознании нынешнего поколения молодых россиян. Тот факт, что третью позицию в этой структуре занимает природа, весьма символично свидетельствует об осознании молодыми людьми истоков своей духовности. Перемещение ценности классической музыки на более высокую позицию в противовес рок-музыки, видимо, не случайно, и также говорит о подвижках в сознании молодежи к традиционной духовной идентичности.

Обращает на себя внимание, что религия устойчиво занимает последнюю позицию в духовной жизни большинства молодёжи. Стремление многих молодых людей отмечать знаменательные события в своей жизни в соответствии с церковными обрядами свидетельство признания ими религии скорее как социокультурного феномена, а не как формы духовной жизни. Вместе с тем, в процентном отношении доля оценивающих молитву и обращение к Богу как высокую духовную ценность достаточно велика (около 20%), что говорит о представительстве подобной духовной идентичности в молодёжной среде.

Однако, существует группа молодёжи, отрицающей все или большинство

духовных ценностей. Она составляет около 30%, причём доля тех, кто полностью отрицает духовные ценности (6%) несколько выросла по сравнению с 1997 годом, что говорит о риске воспроизводства бездуховности в обществе, рационализации сознания молодёжи.

Противоречие духовного и рационального просматривается и в анализе личностного самоопределения молодёжи (Таблица 3.6).

Таблица 3.6

Ценности личностного самоопределения молодёжи, 1999 год
(средневзвешенный коэффициент по семибалльной шкале)

Ценности	К	Ранг	Тип
Профессионализм, мастерство	5,94	1	I
Семья	5,67	2	
Деньги	5,57	3	
Общая культура, коммуникабельность	5,55	4	
Трудолюбие	5,45	5	II
Предприимчивость	5,39	6	
Полезные связи	5,31	7	
Честность, принципиальность	5,02	8	
Положение родителей	4,71	9	III
Принадлежность к власти	4,53	10	
Индивидуализм	4,39	11	
Физическая сила	3,74	12	

Представленные в таблице 3.6 ценности четко структурируются на три типа. К первому типу относится набор ценностей среднестатистического россиянина - профессионализм, семья, деньги и общая культура. При этом в последовательности рангового распределения этих общечеловеческих ценностей угадывается логика осознания молодыми людьми собственного «Я». Профессионализм, как высшая ценность, определяет духовную атмосферу в семье и её материальный статус, что немислимо без высокой общей культуры.

Для личностного самоопределения второго типа, характерными ценностями являются трудолюбие, предприимчивость, полезные связи и честность. Оставаться личностью для молодых людей этого типа означает по существу много работать, проявляя активность и предприимчивость, используя деловые связи, не идя при этом на сделку с совестью и с собственными принципами.

Для молодых людей третьего типа самоощущение личности связано с положением родителей, принадлежностью к власти, с индивидуализмом и с физической силой. Они гордятся аскриптивным, унаследованным от родителей статусом, используя его в качестве стартовой позиции, стремятся к власти, видя в ней способ самоутверждения, что в совокупности результируется в самоощущении развитого индивидуального сознания. Силовое решение проблем для многих из них становится не только способом самореализации, но и формой самовыражения.

Рационализация бросает вызов и таким фундаментальным понятиям, как гражданственность, патриотизм, долг. Гражданство для современной молодёжи идентифицируется прежде всего с формальной принадлежностью к государству, со своего рода членством в нём. Вместе с тем, чувства гражданской

ответственности (долг, обязанность) и гордости, национального достоинства гражданина своей страны занимают высокие (вторую и третью) позиции в структуре её идентификаций.

Отождествление молодыми людьми понятия «гражданства» с конституционными правами, обеспечивающими им безопасность и чувство защищённости, занимает соответственно четвёртую и пятую позиции. И завершает ранговый ряд идентификаций позиция гражданина – патриота.

То есть идентичности молодёжи, соответствующие современным представлениям, как бы чередуются с традиционными. Ещё более рельефно это можно проследить на распределении ответов на вопрос: «Что означает для Вас быть гражданином России?»

Первые два места занимают типично современные идентификации (страна, где живёт респондент и малая родина). С любовью к Родине, с готовностью её защищать и с причастностью к её истории, занимающими соответственно третью, четвёртую и пятую позиции, связаны традиционные идентификации.

Отразилась эта тенденция и в отношении молодёжи к своей стране. На вопрос «Гордитесь ли Вы своей страной?» получены следующие ответы:

- скорее да – 39,3%,
- скорее нет – 22,3%,
- нет, не горжусь – 9,6%.

Незыблемые в недавнем прошлом высшие духовные ценности поколеблены. Сыновье отношение любви к отечеству, гордости за него, готовность защищать его и, если надо, отдать за него свою жизнь постепенно вытесняется более рациональным. Родина там, где мне хорошо.

Итак, духовное воспроизводство в нынешних условиях отражает сосуществование двух процессов – преемственность традиционных ценностей, рефлексированных историческим сознанием молодых людей и становление новых либеральных идентичностей, характерных для современного общества. Видимо, формирование новой модели российского национального самосознания явится следствием дальнейшего развития этих процессов.

Таким образом, проделанный анализ, позволяет выявить несколько фундаментальных противоречий, отражающих изменение роли молодёжи в воспроизводстве общества:

Во-первых, это противоречия, связанные с перераспределением молодёжи между сферами производства (материального и духовного производства, распределения, обмена и потребления), что приводит не к модернизации, а к дисгармонии воспроизводственного процесса в целом;

Во-вторых, противоречие между преемственностью и новаторством молодого поколения, между традиционными моделями воспроизводства молодёжью исторического опыта и современными, отвечающими целям модернизации. Нарушение диалектического единства этих противоположностей ведет к разрушению межпоколенных связей и угрожает целостности общества;

В-третьих, противоречие между стихийным и управляемым в реализации воспроизводственной функции молодёжи. Оно усиливается в отсутствии четко обозначенных целей и критериев общественного воспроизводства в условиях модернизации, продуцируя риски как в молодежной среде, так и в обществе.

Не имея возможности преодолеть эти противоречия, вынужденная рисковать и проигрывать, молодёжь вступает в конфликт с обществом.

Примечания:

¹*The Global Situation of Youth.* UN Report cited at www.un.org/events/youth98/dackinfo/yreport/globl-2.htm, 1999.

² *Молодёжь Российской Федерации: положение, выбор пути.* Основные выводы и предложения Государственного доклада Правительству Российской Федерации / Государственный комитет Российской Федерации по молодёжной политике. Отв. Ред. В.А. Луков, В.А. Родионов, Б.А. Ручкин.-М., 2000.

³ *Молодёжь Российской Федерации: положение, выбор пути.* Государственный доклад. М., 2000. С.27.

⁴ Радаев В.В., Шкаратан О.И. *Социальная стратификация.* - М.: Аспект Пресс, 1996. С. 212.

⁵ Evans K., Furlong A. *Metaphors of youth transitions: niches, pathways, trajectories or navigations.* In J.Bynner, L.Chisholm, A.Furlong (ed.) *Youth, Citizenship and Social Change in a European Context.* Ashgate, 1997. P. 17-19.

⁶ См., Ashton, D.N. and Field, D. *Young Workers,* Hutchinson: London. 1976.

⁷ Giddens, A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modernity Age,* Polity Press: Cambridge, 1991.

⁸ *UN Report,* 1999.

⁹ *The Global situation of Youth: trends and Prospects, 2000-2025.* UN Report cited at www.un.org/esa/socdev/unyin/wywatch/globl-2.htm, 2000.

¹⁰ Miles, S. *Youth lifestyles in a changing world.* Open University Press. Buckingham and Philadelphia, 2000.

¹¹ Allatt, P.V. *Conceptualizing youth: Transition, risk and the public and the private* // J. Bynner, L. Chisholm and A. Furlong (eds.), *Youth, Citizenship and Social Change in a European Context.* Ashgate, Aldershot and Brookfield, USA, 1997, p.89.

¹² *Молодёжь РСФСР.* Статистический сборник. М., 1990. – С. 151.

Глава 4. КОНФЛИКТЫ МЕЖДУ МОЛОДЕЖЬЮ И ОБЩЕСТВОМ: ОСНОВАНИЯ ИЛИ СЛЕДСТВИЕ РИСКА?

4.1. Природа специфически молодежных конфликтов

Включаясь в функционирующее общество с устоявшейся социальной и ролевой структурами, молодые люди стремятся интегрироваться в ту или иную социальную группу и обрести в ней желаемую статусную позицию. По мере осознания своего статуса у них возникает потребность в его повышении. Однако реализация подобной потребности часто наталкивается на множество, порой непреодолимых препятствий. Не удивительно, что между молодёжью и обществом на всех его уровнях возникают противоречия по поводу запросов и ожиданий, прав и обязанностей, интересов и возможностей их реализации.

В условиях социальной неопределённости вероятность или риск обострения этих противоречий, возникновения и расширения социального конфликта стремительно повышается. При этом, спонтанные попытки со стороны власти «навести порядок» без овладения ситуацией в целом лишь усиливают неопределённость, продуцируя новые риски, влияющие на молодёжь. Они сплетаются между собой и аккумуляруются в разнообразных ситуациях риска с неявно выраженными причинно-следственными связями. Одновременно с обострением конфликтов в обществе риска заметно снижаются шансы для их позитивного разрешения. Оно скорее столкнется с эскалацией конфликта и с переходом его в крайнюю форму конфронтации.

То есть налицо связь и взаимообусловленность конфликта и риска. Конфликты возникают и развиваются до стадии разрешения в условиях неопределенности. С момента возникновения конфликтной ситуации присутствует риск обострения противоречий, эскалации противоборства сторон вплоть до их взаимоотрицания. В этом смысле риск выступает своеобразным катализатором конфликта. Вместе с тем, риск, рассматриваемый как деятельность, связанный с преодолением неопределенности, способствует разрешению конфликта. Начало разрешения конфликта - это первая стадия определенности.

С другой стороны, конфликт предполагает неизбежность выбора его разрешения. Выбор же - это риск ошибиться, проиграть. Следовательно, конфликт представляет собой некое пространство для воспроизводства риска. Исходя из особенностей роли места молодежи в общественном воспроизводстве, можно выделить три группы специфически молодежных конфликтов.

Во-первых, они являются следствием неполного статуса молодежи в социальной структуре, стремления молодых людей к обретению более привлекательных социальных позиций, часто в конкуренции с представителями других возрастных групп, и выражаются в противоречиях социального неравенства. Участвуя в воспроизводстве тех или иных структур, молодежь, как правило, занимает в них нижние и средние этажи, положение в которых различается неравным объемом власти и материальных благ, прав и обязанностей, привилегий и престижа. Доступ на вершину стратификационной лестницы обусловлен необходимостью завершения процесса социального становления и до этого маловероятен. Возраст, следовательно, играет роль значимого стратификационного основания.

Реализация намерений на утверждение в статусно-ролевой системе сопровождается преодолением сопротивления, которое неизбежно встречается в ходе этой реализации. Молодежь испытывает противодействие тех социальных групп, чьи интересы ущемляются. Отношения между ними характеризуются напряженностью и при определенных обстоятельствах могут быть переведены в плоскость конфликта. Иными словами, социальное взаимодействие в современном обществе конфликтно постольку, поскольку социальная активность молодежи затрагивает интересы остальных членов общества.

Таким образом, причина большинства конфликтов между молодежью как социальной группой и обществом связана с препятствиями, возникающими на пути воспроизводства ею своего статусного положения. Чем больше определенности, предсказуемости в этой ситуации, тем меньше вероятность риска возникновения конфликта.

Во-вторых, конфликты часто возникают в результате инновационной, преобразовательной деятельности молодежи. Здесь неизбежно сталкиваются ее интересы с институтами социализации, призванными стабилизировать социальную систему. Институциональные нормы конфликтуют с представлениями молодых людей о сущем и должном, стимулируя их активность. По мере роста неопределенности между требованиями со стороны общества и реальностью, риск активизации конфликта усиливается.

В-третьих, имеют место конфликты в связи с принадлежностью молодежи к иному типу культуры - субкультуре. Молодежные субкультуры неизбежно входят в противоречие с традиционными способами деятельности и формами социальной организации молодых людей. Риск углубления этих

противоречий тем выше, чем больше социокультурные различия между поколениями. Таким образом, конфликты между молодежью и обществом имеют не только социальную, но и социокультурную природу.

Большинство рассмотренных конфликтов присущи всем развитым обществам. Однако состояние неустойчивости и неопределенности в обществе риска придает специфику и социальным конфликтам. Рассмотрим подробнее.

4.2. Конфликты, связанные с неравенством социального статуса

Включаясь в общество, по выражению Дюркгейма «стоящее над человеком», молодежь обладает в нем заведомо низким социальным статусом. Поскольку во всех обществах понятие старшинства имеет помимо возрастного еще и социально-статусное значение, молодежь страдает от неравенства социального положения, прежде всего, по сравнению со взрослыми. Ее относительная непривилегированность основывается на довольно устойчивом эйджизме, различные проявления которого присутствуют в социальных отношениях между возрастными группами. Занимая ведущие позиции в социальной структуре общества, взрослые обладают достаточными возможностями для ограждения собственного статусного положения и оттеснения нежелательных конкурентов из числа молодых.

Возрастная дискриминация находит выражение в необоснованном притеснении молодежи, фактическом ущемлении ее прав на вознаграждение, основанием которых прямо или опосредованно служат возрастные характеристики. Прежде всего, не одинаков доступ к различным видам деятельности для молодежи и для взрослых. Как пишут британские социологи Майкл Янг и Том Шуллер, «возраст приобретает значение своеобразного способа угнетения путем удержания людей в фиксированных ролевых рамках»¹. Это напрямую влияет на характер воспроизводства статусного положения представителей молодого поколения и отчетливо просматривается в системе экономических и трудовых отношений.

Один из острейших конфликтов молодежи, ставших источником риска нисходящей мобильности связан с нарушением ее прав в сфере труда. Незаконные увольнения, применение штрафных санкций, самоуправные действия по регулированию рабочего времени, форм и размеров оплаты труда, использование путем обмана бесплатного труда приняли по отношению к молодежи массовый характер. Ясно, что подобные дискриминационные явления, основанием которых чаще всего выступает возраст, не могут способствовать самоопределению и профессиональному продвижению молодежи.

Вместе с тем, степень интегрированности молодых людей в сферу экономической жизни напрямую связана со способностью разрешать свои материальные проблемы посредством профессиональной деятельности. Поскольку достижение высокого профессионального статуса в подобных условиях происходит, как правило, уже за пределами молодежного возраста, то подавляющее большинство молодых практически лишены возможности как повышения жизненного уровня, так и профессионального самоопределения. Экономическая самостоятельность, как показывают исследования, достигается российской молодежью лишь к тридцати годам, т.е. за пределами молодежного возраста.

Однако возраст является лишь проводником социального неравенства и уязвимости молодежи, возникающих на фоне неразвитой системы ее социальной защиты и социальных гарантий. Безысходность данной ситуации является одним из значимых факторов риска ограничения восходящей мобильности молодого поколения россиян.

Овладение знаниями и, главным образом, опытом под воздействием различных поощрительных механизмов и стимулирования повышения квалификации и мастерства молодых людей могло бы способствовать постепенному выравниванию разностатусной ситуации между ними и взрослыми, снятию ограничений восходящей мобильности. Но, если молодежь, не отличаясь компетентностью, при этом не имеет доступа к ресурсам развития, отмечает известный словацкий социолог молодежи Ладислав Махачек проводя анализ ситуации среди молодежи Словакии, ее транзикация будет безуспешной, а социальный статус сохранит тенденцию к снижению. В этом, по его мнению, состоит фундаментальный риск для молодежи². Оценка положения и жизненных шансов российской молодежи как раз свидетельствует о неодинаковом доступе многих групп в ее составе к ресурсам развития и, как следствие, о быстром снижении их социального статуса. Ухудшение ее материального положения, отражая общую тенденцию обнищания населения России, привело к углублению внутригрупповой дифференциации и обострению риска неравенства стартовых позиций разных ее категорий. А там, где имеет место нарушение в распределении материальных благ, власти и престижа, ущемляются групповые интересы, формируются предпосылки открытого социального конфликта.

Таким образом, первый тип специфически молодежных конфликтов, обусловленный неравенством социального статуса молодежи и связанными с этим противоречиями ее включения в различные сферы общества детерминирует риск фальшстарта. Риск конфликтов, вызванных неравенством статусов будет приобретать тем более острую форму, чем больше затруднено будет продвижение молодых людей к иным статусным позициям в процессе их интеграции.

4.3. Конфликты с институтами социализации

То, как молодежь добивается продвижения и насколько она в этом успешна по-прежнему определяется ее положением в классовой структуре. Поскольку современные общества остаются стратифицированными, а конкретное Российское общество переживает беспрецедентную социальную поляризацию, то несовпадение жизненных шансов молодых людей закономерно. Вопрос, по-видимому, заключается в том, в какой мере различаются эти возможности и как они регулируются социальными институтами.

Вырабатывая нормативную основу поведения, регулируя распределение социальных благ, обеспечивая развитие и перемещение групп молодежи в социальном пространстве, социальные институты выполняют функции социализации и интеграции. Стало быть, помогая, или наоборот, препятствуя включению молодежи в общество, они несут ответственность как за успешность интеграционных процессов в целом, так и за социальную мобильность отдельных групп. Особое положение молодежи в обществе, связанное с социальным становлением, придает первостепенное значение ее

взаимодействию с важнейшими институтами социализации - семьи, институтом образования, занятости.

Изменение сложившихся социализационных механизмов является источником формирования целого ряда ситуаций риска для молодого поколения. Стремительное социальное расслоение, разрушение производственных связей, явная и латентная безработица, ставшие результатом макроизменений и возникновение новых видов экономической деятельности в первую очередь воздействуют на положение семьи и на внутрисемейные отношения.

Резкое падение жизненного уровня большинства российских семей является предпосылкой существенного снижения аскриптивного статуса молодежи. Год от года уменьшается число семей, способных взять на себя обязанности по содержанию молодых членов этих семей, справиться с расходами по оплате их потребностей в период транзycji. В связи с этим, крайне обостряется риск неравенства возможностей для вертикальной мобильности молодых людей.

Внутрисемейные отношения, с точки зрения взаимодействия разных поколений, претерпевают в обществе риска очередной кризис. Источником этого кризиса стал развернувшийся в обществе острый ценностный конфликт, сведенный политиками и средствами массовой информации к простой дихотомии типа коммунистическая диктатура - демократия, консерватизм - новаторство и т. д. В соответствии с этим разделению подверглось и общество. Представители старшего поколения, во-первых, испытывающие, безусловно, большие адаптационные трудности, а во-вторых, чаще осознающие и критикующие регрессивный характер трансформации автоматически объявляются носителями отживших идей. Их критический настрой воспринимается молодежью не более, чем ностальгия по старым порядкам в экономической и духовной жизни.

С другой стороны, нельзя игнорировать то, что среднее и старшее поколения в действительности переживает ту же неопределенность, что и молодежь. Рухнули все представления, являвшиеся ориентирами в их жизни. Понимая, что социальная ситуация и модели поведения изменились коренным образом, родители не в состоянии оказать детям помощь и поддержку. Последние встают перед необходимостью самостоятельного жизненного выбора, к которому они не всегда готовы. Случаи навязывания родителями своего мнения и не совсем адекватного опыта вызывают лишь раздражение и резкое отрицание со стороны детей. В том и в другом случае отмечается межпоколенный разрыв и отчуждение молодого человека от семьи. В результате образуется цепь взаимосвязанных и взаимообусловленных явлений, в которой неустойчивость социально-экономической позиции семьи и ценностный разрыв являются следствием трансформации и причиной рисков в молодежной среде.

Однако опасность нарушения солидарности и преемственности поколений не исчерпывается новыми условиями бедности и невыгодного социального положения. Как видно, разрушению подвергается не просто главный бастион поддержки молодежи, но и источник ее первичных социальных знаний и представлений. Семья, оставаясь последней опорой молодых людей, постепенно утрачивает свое влияние как института социализации. Поскольку подорваны функции и других институтов социализации, то молодежь становится не управляемой. Не следует также

забывать, что в поляризованном и высоко политизированном обществе межпоколенный разрыв неминуемо приводит к открытому столкновению сторон, с которым знакома российская история.

Сам процесс социализации молодых людей, подчеркивает одна из ведущих специалистов по проблемам молодежи Л.Чизолм, способен продуцировать противоречия, которые являются следствием самоопределения молодежи и перераспределения ее системой³. При этом классовое, справедливо подмечают австралийские исследователи Дж.Уин и Р.Уайт, вплетается в процесс взаимодействия индивидов и групп с социальными институтами⁴. Вот почему разные типы социального неравенства в обществах ничуть не ослабевают, а демонстрируют свою «живучесть».

Поскольку доступ к ресурсам развития изначально социально обусловлен, а социальные институты его охраняют, то ситуация риска, связанная с неравенством стартовых возможностей молодых людей, воспроизводится в процессе их взаимодействия с институтами социализации. Следовательно, предписанные привилегии и депривация приобретают для молодежи значение неизбежных рисков. Их проявление мы рассмотрим ниже.

Важнейшим институтом социализации, обеспечивающим социальное перемещение и продвижение молодежи вверх по социальной лестнице является образование. Однако реформа образования в России внесла существенные противоречия в этот процесс. Принятый в 1992 году «Закон об образовании» и статья 43 Конституции РФ 1993 года, понизив планку обязательного обучения до девяти классов создали предпосылки для фундаментального конфликта и рисков в данной сфере. На практике эта мера превратилась в законодательное ограничение возможностей приобретения образования разными слоями молодежи⁵. Бедственное положение преподавательского состава, разрушение материально-технического состояния школы и освобождение ее от ответственности за успешное обучение подростков мгновенно выразилось в массовом отсеке молодых людей из школы. За первые два года с момента принятия Закона около двух миллионов подростков оказались за порогом учебных заведений. В эту категорию попали не только девианты, не проявляющие интереса к учебе. Жертвой реформы образования оказались, прежде всего, молодые люди из отдаленных поселений, территориально оторванные от образовательных учреждений, а также подростки, чье детство проходит в районах, охваченных забастовками обездоленных учителей. Из этого следует, что реформа школы стала источником риска.

Дальнейшее разрушение инфраструктуры всеобщего государственного образования, создание в ущерб ему так называемого «элитарного» образования с разного рода платными формами обучения, стало следующим шагом на пути обострения конфликта молодежи с этим институтом. В конфликт вступили не только личностные интересы, но и интересы целых социальных групп, расширяя ситуации риска, связанные с неравенством возможностей самореализации молодежи в сфере образования.

Два фактора имеют здесь решающее значение. Во-первых, это фактор социально-материального расслоения в России, который под влиянием периодических дефолтов, приобрел устойчивый характер. Учитывая стремительное обеднение большинства российских семей, не исключено разделение новой системы образования на «низшую» и «высшую». Не трудно прогнозировать, что образовательный путь основной массы молодежи завершится уже на первой ступени, поскольку вторая ступень, включающая

привилегированное платное образование, доступна лишь выходцам из высокообеспеченных слоев населения.

Во-вторых, региональный фактор. Его влияние связано с неодинаковым развитием регионов. Значительные различия возможностей жизненного самоопределения молодых людей в крупных городах и на остальной территории Российской Федерации, где проживает большинство молодежи становятся значимой детерминантой этого типа риска. Особую остроту он приобретает в тех местах, где социальные факторы расслоения молодежи по уровню образования часто дополняются национальными. В этой ситуации неизбежен риск ее социального исключения по национально-этническому признаку.

Новой формой «социальной селекции» в сфере образования рискует стать готовящееся введение единого экзамена – теста. Невозможность учесть колоссальные различия в уровне подготовки учащихся в разных регионах, городах и селах страны грозит превращением этой централизованной оценки знаний на основе единой планки миллионов юношей и девушек в людей «второго сорта». Оговорки о том, что остается шанс повторного тестирования на платной основе лишь усиливает риск оказаться в этом числе для большинства учащихся из неимущих слоев населения. Не спасает, а наоборот, усугубляет положение неимущего большинства обещание «ваучеризации» высшей школы. Стоимость ваучера, равная оплате одного года обучения в среднестатистическом ВУЗе окончательно закрывает для них дорогу к приобретению высшего образования.

Но даже успешно справившись с риском на первых этапах жизни, молодой человек не гарантирован от дальнейших неудач. В обществе риска транзичия молодежи состоит из поэтапного преодоления, следующих одна за другой и наслаивающихся друг на друга, ситуаций риска. Так, конфликт с институтом образования продолжает разворачиваться на других стадиях профессионального обучения и выхода на рынок труда.

Многочисленные исследования, включая и наши собственные, позволяют утверждать, что система профессиональной социализации в стране остается наименее эффективной среди других ее видов, не соответствующей изменяющейся структуре производства в условиях рыночных отношений⁶. Студенты, как профессиональных учебных заведений, так и вузов, часто получают специальности, оказывающиеся заведомо неконкурентоспособными на современном рынке труда.

Парадокс заключается в том что подобная участь постигает не только обладателей традиционных профессий, но и становится уделом выпускников модных факультетов платных образовательных учреждений. Последние оказываются жертвой перепроизводства определенных специальностей и также не могут трудоустроиться. Вот почему, в большинстве своем молодые люди вынуждены довольствоваться работой не по специальности, либо вообще не требующей квалификации.

Несогласованность действий двух таких институтов социализации как образование и занятость, возникшая, в числе прочего, вследствие отсутствия планирования подготовки кадров, обуславливает непредсказуемость транзичии молодежи и усиливает риски. Невостребованность обществом квалифицированных кадров из числа молодежи обостряет риск депрофессионализации и нисходящей социально-профессиональной мобильности наиболее квалифицированных молодых людей.

Опыт других стран подсказывает решение проблемы занятости молодежи с помощью гибкой, разносторонней профессиональной подготовки за счет расширения их профессионального портфеля. Что касается российской системы профессионального образования, то она, лишившись регламентации в распределении выпускников, не стала гибкой. Это привело к ухудшению положения молодежи на рынке труда и к обострению ее конфликтов с соответствующими институтами общества.

Институт экономики имеет определяющее значение для развития и перемещения социальных групп. Такая связь четко прослеживается в воспроизводстве трудовых ресурсов. Вместе с тем, острые конфликты с этим институтом происходят в связи с ростом молодежной безработицы, с дискриминацией профессиональных интересов молодежи в трудовой сфере, с ограничением возможностей повышения молодыми людьми своего жизненного уровня и социального продвижения посредством труда. Дисбаланс между выбором молодежи и возможностями реализации этого выбора, между потребностями молодых людей и сужающимися возможностями их удовлетворения через труд, является важной предпосылкой риска экономической и социальной маргинальности.

Достижение молодым человеком полноценного статуса взрослого, символами которого выступают профессиональное самоопределение, создание семьи и обретение собственного дома, иными словами, становление субъектности отодвигается на неопределенный срок. Напротив, отмечается возрастание зависимости молодежи от родителей, от государства, от общества и пролонгация статусных несоответствий.

При данных обстоятельствах безуспешные попытки интегрироваться в общество ставят молодежь перед необходимостью поиска альтернативных каналов интеграции и не простого выбора между самореализацией через труд и самоутверждением в рамках молодежной субкультуры, часто сопряженной с правонарушениями. В российском варианте реформ практически воплотилась именно эта модель интеграции молодежи в социальную структуру, при которой нетрудовая сфера с точки зрения восходящей мобильности оказалась наиболее предпочтительной.

Анализируя экономическое положение западной молодежи, социологи К.Уоллис и У.Найгел замечают, что молодые люди, продолжая социализироваться в соответствии с достиженческим типом ориентаций, исключены из состава полноценных участников рыночных отношений. Это, с их точки зрения, объясняет многие социальные отклонения, в том числе возрастание уровня депривации и насилия в обществе, снижение возраста преступников. Нельзя не согласиться с их мнением о том, что главная причина этого явления заключается в непротиводействии социальных институтов эскалации социальных проблем и конфликтов, связанных с интеграцией молодого поколения в социально-экономическую сферу, т. е. «в ретреатизме самого государства»⁷.

Конфликт между интересами молодежи и социальными институтами, вызванный ограничением ее прав и возможностей, становится непреодолимой преградой на самом важном отрезке жизни и вносит неопределенность и непредсказуемость в биографии молодых россиян. В условиях обостряющейся социальной поляризации российского общества и недееспособности механизмов социальной защиты риск социального исключения для отдельных групп становится неотвратимой социально обусловленной перспективой, а в

целом низкий статус данной социально-демографической группы является уже не причиной, а продуктом исключения. В широкой социальной перспективе это влечет за собой минимизацию ее участия в общественном воспроизводстве.

Таким образом, конфликты возникают, когда институт перестает обеспечивать цели и интересы молодежи в целом или отдельных ее групп. На фоне этих конфликтов, связанных с неравенством жизненного старта и дальнейшей самореализации возникает риск нисходящей мобильности и расширения социальной базы исключения.

Следующей важнейшей функцией институциональных организаций является включение личности в социальные отношения в процессе ее социализации, приобщение к социальным нормам и ценностям. Социальные институты поощряют действия молодых людей, согласующиеся с соответствующими стандартами поведения и направленные на интеграцию общества. Нормы, являясь средствами социальной регуляции поведения молодых людей, объединяют их в общности, обеспечивают воспроизводство социальной структуры, поддерживают процессы функционирования общества как системы взаимодействия групп.

Переплетение экономического, политического и идеологического кризиса порождает ситуацию ценностно-нормативного хаоса. В условиях кризиса ценностей на уровне всей социальной системы общественные структуры не предлагают молодому человеку четко очерченных путей и способов социализации. То, что представлялось ранее значимым и важным, перестало быть таковым.

Находясь в состоянии перманентного реформирования, социальные институты, начиная с семьи, сегодня не в силах сориентировать личность молодого человека, внедрить в сознание подрастающего поколения представления о правилах и образцах жизнедеятельности. Нормы, вырабатываемые в условиях неопределенности, по своей сути являются переходными. Это свидетельствует о том, что сами институты социализации переживают состояние аномии, способствующей распространению десоциализации личности, потере жизненных ориентиров у молодежи, формированию асоциальных типов личности.

Нормативная неопределенность усиливает риск конфликта с социальными институтами и обуславливает рост дезориентации и аномии среди все более широких слоев молодежи. Последовавшая за этим социально-психологическая напряженность влечет возрастание иррациональных форм поведения молодежи, таких как негативные аффективные формы социального поведения – враждебность, агрессивность, либо "уход в себя", попытка решения социальных проблем посредством индивидуальной деятельности или в рамках субкультуры. Об этом свидетельствуют, с одной стороны, ее социальная и политическая пассивность, а с другой, рост преступности в молодежной среде.

Значительные изменения в условиях реформ претерпел и институт церкви. Сегодня его влияние на молодых людей неоднозначно. С одной стороны, в результате деидеологизации роль религиозного фактора в социализации молодежи возрастает, активизируется влияние как традиционных для России конфессий, так и нетрадиционных религий, различных сект (Общество сознания Кришны, Аум Сенрике, Общество Муны, Белое Братство и др.).

Как показывают исследования, среди социальных институтов церковь пользуется наибольшим доверием молодежи. Вместе с тем, религия в сознании

большинства молодых людей присутствует преимущественно в стереотипной форме, как бы замещая вытесняемые социалистические духовные стереотипы. Не затрагивая глубинных пластов сознания, религиозные нормы не отражаются в нормативной структуре личности молодого человека, не оказывают влияние на их повседневное поведение. Это усиливает риск бездуховности молодежи, лишения многих молодых людей чувства опоры, духовных ориентиров.

В условиях информационного бума, охватившего весь мир, ведущим фактором социализации становится институт информации. Возрастающая диверсификация, культурный плюрализм, множественность молодежных субкультур, существуя параллельно с тенденцией глобализации, способны регулировать процесс социализации, благодаря совершенствующимся информационным технологиям, особенно электронным СМИ.

Вместе с тем, расширение новых информационных технологий активизирует риск дегуманизации. Общество не может не волновать кто и с какой целью манипулирует общественным сознанием. Поэтому отсутствие в России независимой прессы, политическая проправительственная ангажированность радио и телевидения лишает процесс модернизации подлинно демократического содержания.

Под предлогом девальвации социалистических ценностей, российские СМИ по-существу разрушают историческое сознание молодого поколения, лишают его возможности формирования собственных взглядов, превращают его в послушный объект для отработки новых информационных технологий. На деле это чревато риском социальной дезориентации, аномии, кризисом идентичности в молодежной среде.

4.4. Субкультурное основание молодежных конфликтов

Успешная интеграция молодежи в общество, в различные типы общностей подкрепляется как внешними, так и внутренними для нее факторами, среди которых выделяется социальная идентичность как самоощущение единства и неразрывности со всем социальным окружением. Складываясь из отдельных идентификаций и определяясь принадлежностью к социальным группам в процессе взаимодействия с ними, идентичность оказывается важным регулятором солидарного самосознания и поведения молодежи.

Ценности, при этом выступают в качестве своеобразного культурного кода, своего рода индикатора, позволяющего судить насколько успешно протекает процесс культурной идентификации группы. То есть идентификация с культурными ценностями в процессе включения молодежи в социальные группы выступает в качестве культурного основания ее социальной интеграции. Оно выражает степень согласованности между культурными стандартами, нормами и образцами поведения молодых людей, уровень адекватности отображения культурных образцов общественного и группового сознания в их индивидуальном сознании. Совместная деятельность людей по воспроизводству культурных ценностей обеспечивает превращение ценностей в нормативный стандарт с последующим закреплением в сознании и формирует устойчивую самоидентификацию молодого поколения с обществом.

Произошедшие за последнее время существенные сдвиги в области культурных ориентаций как всего общества, так и различных групп означают переход в ситуацию неопределенности идентичности для каждого молодого человека. В таких случаях может происходить переорганизация молодежных

групп, выражающаяся в структурной дифференциации и в нетрадиционных формах организации молодежи, формирование субкультуры.

Как известно, возникновение молодежных культур как альтернативных стилей жизни происходит на основе взаимодействия возрастных и социальных характеристик. Структурные изменения, сопровождающие эволюцию общества, существенно корректируют условия жизни и опыт разных поколений. Новая генерация усваивает специфический набор ценностей, стандартов, образцов поведения, отличных от принятых в мире взрослых, что подразумевает возникновение напряжения и разрыв в отношениях между двумя возрастными группами. Следовательно, утверждает Эйзенштадт, развитие молодежной культуры происходит взамен нарушенных межпоколенных связей, восстановить которые не удается ни семье, ни школе⁸.

Являясь особой формой организации молодых людей, объединяемых в некое автономное целостное образование внутри господствующей культуры, определяющее стиль жизни и мышления, отличающееся специфическими нормами, ценностями, интересами и способами деятельности, молодежная субкультура играет двоякую роль. Дестабилизируя социокультурную целостность общества, она способна выступить интегрирующим фактором внутригруппового уровня, консолидируя интересы молодежи. Однако, добываясь некой автономии и обретая собственный статус, субкультурные образования сильно дифференцируют молодежь. Социальные позиции все больше и больше определяют различия жизненных шансов и предопределяют многочисленные вариации стилей жизни молодых людей. Это изрядно мешает их консолидации.

Анализ показывает, что внутригрупповая сплоченность российской молодежи отражает общее состояние дезинтеграции. Сегодня пространство консолидации сводится в основном к одному показателю - имущественному (капитал, доход, собственность). Идет активный процесс «размывания» поколенческой идентификации. Молодежь сегодня - едва ли не самая дезинтегрированная группа населения, внутри которой происходит становление новых идентичностей. На их основе протекает интеграция по формам собственности, доходам молодежи, включенности во властные структуры и т.д.

Как следствие, имеет место постоянная дифференциация молодежной субкультуры, внутри которой существуют различные формы субкультурных проявлений. Отдельные группы молодежи создают свои отличительные типы субкультур – масс-культуры, контркультуры, рок-культуры, альтернативные культуры. В обществе риска их расхождение, угрожающее противостоянием, повышает социальную напряженность. Правда, поле, на котором разворачивается современная субкультура молодежи пока уместается в пределы ее музыкальных пристрастий и не выходит из-под влияния молодежной моды.

Положение молодежи, которое может быть охарактеризовано как выживание в условиях чрезвычайной социальной ситуации и сопровождающееся аномией и девальвацией усиливает риск маргинализации. Попадая в маргинальную ситуацию, как отдельный индивид, так и вся группа, оказываются на обочине общества. Маргинализация проявляется в утрате индивидом или группой социальных связей, чувства сопричастности ко всему происходящему и в отторжении их от общества. Возникают так называемые группы риска и культивируются разные формы молодежной контркультуры.

Разрушение социально значимых оснований идентификации молодежи вызывает кризис идентичности. С одной стороны, молодые люди, находясь под

влиянием скоротечных социокультурных изменений и будучи не в состоянии сконструировать устойчивую социальную идентичность, демонстрируют признаки идентификационного моратория. С другой, складываются все необходимые условия для делинквентной идентичности молодежи⁹.

Возникающие как позитивная реакция на общественные потребности и как негативная на господствующую культуру, молодежные социальные инновации в известной степени могут способствовать интеграции молодого поколения в обновляющееся общество. Однако они не всегда или не в полной мере находят поддержку со стороны общества. В этом случае некоторые группы молодежи, дифференцируясь и расслаиваясь, испытывают на себе последствия процессов исключения.

Короткий исторический экскурс высвечивает противоречия развития молодежной субкультуры, которая на всех этапах своего становления находилась в состоянии конфликта с официальной культурой и несла в себе риск маргинализации и изоляции представителей молодого поколения. Вместе с тем, обращение к истории позволяет более обоснованно подойти к анализу современного состояния молодежной субкультуры в России. А. Шендрик выделяет три этапа становления этого социокультурного феномена в нашей стране¹⁰.

Начало 20-х годов, когда в культурную жизнь советской страны вошла целая плеяда молодых писателей, художников, режиссеров (Малевич, Филонов, Мельников, Мейерхольд, Маяковский и др.), предложивших свое собственное видение мира, выработавших новые, отличные от традиционных, художественные способы освоения действительности. Их идеи были подхвачены молодежью, преимущественно из студенческой среды и творческой интеллигенцией. Однако, не успев до конца сложиться, молодежная культура была разрушена в 30-40-е годы, когда унитаризм стал принципом, определявшим не только политическую, но и культурную жизнь общества.

Второе «рождение» молодежная культура пережила в 60-е годы, что стало возможным в связи с духовным возрождением общества после XX съезда партии. В этот период молодежь заявляла о своей несогласии с официальной пропагандой посредством так называемой авторской песни, через творчество молодых поэтов и писателей. Но очень скоро новая волна борьбы за внедрение принципов партийности в культуру «накрыла» движение молодых «шестидесятников».

Третий этап в развитии молодежной культуры связывается с периодом перестройки в начале 90-х годов, когда молодежь активно поддержала идею реформирования советского общества. Это нашло проявление, прежде всего в активизации форм отечественной рок-культуры, неформальных молодежных движений, массовых выступлений молодежи в поддержку демократических преобразований.

Однако молодые люди очень быстро разочаровались в практических делах пришедших к власти реформаторов, неоднократно обманывались на выборах и теперь большинство из них не верит никому. Вместе с тем, выработка собственной поколенческой идеологии молодежи пока не под силу. Поэтому сегодня мы вынуждены констатировать угасание молодежной культуры.

Оказавшись не востребовавшей, молодежная культура постепенно стала распадаться на части. Определенная часть сумела приспособиться к новым условиям, идентифицируясь с вновь возникающими структурами. Значительная

часть молодежной субкультуры подверглась дроблению и распылению. Этому способствовал в известной мере распад институциональных форм культуры, сопровождающийся утратой определенности в самом понятии «традиционная культура». Неоднородная по форме, эта часть молодежной субкультуры определяет противоречивый облик современного молодого поколения россиян, оставаясь источником конфликтов в его среде. Остальные пострадали от наркомании и алкоголизма или ушли в различные «тусовки» и о них мало кто знает. Для последних субкультура превратилась из способа интеграции в формирующееся новое общество в причину маргинализации и социального исключения.

Таким образом, современная молодежная культура имеет две характерные особенности. Во-первых, она продолжает свое существование в качестве негативной реакции на социальную ситуацию. Оставаясь конфликтной по своей сущности, она является значимой предпосылкой риска неопределенности идентичности. Молодежь не желает идентифицировать себя со структурами общества, с которым она конфликтует. Внутригрупповые противоречия, связанные с неоднородностью молодежной субкультуры также становятся факторами социальной напряженности и риска конфронтации.

Во-вторых, являясь отчасти способом разрешения социальных проблем в условиях, когда в институциональных рамках их решить невозможно, современная молодежная культура неизбежно приобретает признаки делинквентности.

Причины, продуцирующие ситуации риска, угрожающие молодежи, не ограничиваются противоречиями функционирования институтов социализации, но связаны с распадом и других структур. Риски возникают от того, что молодое поколение испытывает дефицит внимания со стороны государства в тех вопросах, решение которых без его протекционизма не представляется возможным. В частности, это касается охраны здоровья молодежи в условиях небрежения этой проблемой со стороны государства.

Перечисленные факторы провоцируют конфликты молодежи с обществом и способствуют возникновению различных ситуаций риска в молодежной среде.

4.5. Типология риска в молодежной среде

Рассмотренные в предыдущих параграфах причины конфликтов молодежи и общества, а также их связь с рисками, позволяет выявить типичные ситуации риска в молодежной среде (таблица 4.1).

Таблица 4.1

Типы рисков в молодежной среде

Ситуации риска, связанные:	Типы рисков
С угрозой здоровью и жизни	1. Риски отрицательного демографического воспроизводства
С неопределенностью жизненного старта	1. Риски, связанные с неравенством стартовых позиций 2. Риски фальшстарта
С неопределенностью возможностей самореализации	1. Социально-стратификационные риски, ограничение восходящей

	мобильности 2. Риски нисходящей мобильности 3. Риски социального исключения
С ценностно-нормативной неопределенностью	1. Риски социальной дезориентации, аномии 2. Риски разрыва с социальными институтами
С неопределенностью идентичности	1. Риски кризиса идентичности 2. Риски делинквентной идентичности

Типология содержит, по крайней мере, пять типов риска, отражающих основные этапы процесса социального развития молодежи. Эта типология не исчерпывает всего многообразия жизненных ситуаций, в которых могут продуцироваться различные риски. Основанием для выделения данных ситуаций являются циклы становления молодежи как субъекта общественного воспроизводства.

Как было показано в предшествующем анализе, воспроизводство молодежью социальной структуры не бесконфликтный процесс. Реализуя свои воспроизводственные, инновационные и трансляционные функции, каждое молодое поколение вынуждено преодолевать множество препятствий и прямого сопротивления со стороны общества и его структур.

Прежде всего, это касается воспроизводства жизненных сил, то есть самого человека. Здесь возникают ситуации, связанные с угрозой здоровью и жизни молодых людей. Если общество не создает условий для физического развития молодого человека, для охраны его здоровья и безопасности его жизни появляются реальные основания для риска. В такой ситуации молодой человек постоянно рискует отстать от сверстников в своем развитии, приобрести хронические заболевания, утратить здоровье или даже потерять жизнь. В общественном плане повышается риск отрицательного демографического воспроизводства.

Второй тип ситуаций риска связан с неопределенностью возможностей жизненного старта молодежи. Чем ниже аскриптивный статус молодых людей, унаследованный от родителей, тем больше неопределенность возможностей для выбора ими своего жизненного пути. Если для выходцев из высокостатусных семей стартовые позиции в учебе, в работе, в создании собственной семьи являются своеобразным трамплином, обеспечиваемым возможностями родителей, то для всех других выравнивание возможностей жизненного старта определяется либо собственными способностями, трудолюбием, предприимчивостью, либо помощью со стороны государства. В отсутствие целенаправленной социальной политики, необходимых гарантий и продуманных мер социальной защиты этих категорий молодежи усиливаются риски, связанные с неравенством стартовых позиций, риски фальшстарта, последствия которых способны определить всю дальнейшую жизнь молодого человека.

Третий тип ситуаций риска связан с неопределенностью возможностей самореализации молодежи. Включение в социальную жизнь - процесс полный драматизма, сопровождаемый нереализованными амбициями, несбывшимися надеждами, разрушенными планами. Причина часто коренится не в недостаточной активности молодых людей, а определяется многими

социальными факторами. Определение собственной социальной позиции, приобретение соответствующего статуса и социальной роли, самоутверждение в них, будучи социально-обусловленными нуждаются в активной социальной поддержке. В отсутствие или в недостатке таковой усиливаются социально-стратификационные риски, связанные с ограничением возможностей для восходящей мобильности, появляются риски нисходящей мобильности и социального исключения молодежи.

Четвертый тип ситуаций риска связан с ценностно-нормативной неопределенностью. Ценности и нормы играют решающую роль в интеграции любого общества, придавая устойчивый и необратимый характер социальным связям. В индивидуально-личностном плане они являются своеобразным стержнем, на котором базируется весь внутренний мир человека.

В обществе риска, с его неопределенностью и непредсказуемостью происходит существенная деформация этого механизма. Традиционные общественные ценности девальвируются и вытесняются групповыми, разрушается система институциональных норм, новые ценности и нормы либо отвергаются, либо не могут быть реализованы при полном или частичном согласии с ними. В этих условиях возникает множество ситуаций безнормности, при которых молодой человек теряет привычные ориентации, чувство опоры, утрачивает связи с обществом. Усиливается риск социальной дезориентации, аномии, разрыва с социальными институтами и обществом в целом.

Пятый тип ситуаций риска связан с неопределенностью идентичности. Процесс интеграции молодых людей в общество не ограничивается механическим включением их в общественные структуры, а сопровождается внутренней идентификацией с ними. Это придает процессу устойчивый характер. Поэтому, стремясь к стабилизации и к сохранению своей целостности, общество заинтересовано в воспроизводстве социально-значимых оснований идентичности.

Однако в условиях переходных периодов и нестабильности в развитии общества происходит разрушение традиционной идентификации, возникают новые идентичности, часто имеющие деструктивную направленность. Общество оказывается неспособным определить в своем отношении к направленности идентификаций молодежи. Эта неопределенность еще больше усиливается в обществе риска. Возникают ситуации, в которых риск кризиса идентичности в молодежной среде становится неотвратимым.

Рассмотрим, каковы формы реализации рассмотренных конфликтов в молодежной среде и какое влияние они оказывают на состояние риска.

Примечания:

¹Young, M. and Shuller, T. *Life after work: The arrival of the ageless society*. London: Harper Collins, 1991, p.37.

² Machacek, L. *Youth in the process of transition and modernisation in the Slovakia*, Bratislava, Institute for Sociology, Slovak Academy of Sciences, 1998, p.54.

³ Chisholm L. *Contribution des approches de la transition vers l'age adulte // Les relations entre education et travail en France, Grande-Bretagne, Allemagne et Italie*, L. Tanguy ed., Armand Colin, Paris, 1994.

⁴Wyn, J and White, R. *Rethinking Youth*. Sage Publications, London, 1997, p.28.

⁵Подробнее проблема конфликтов в сфере образования рассматривалась: Чупров В.И., Зубок Ю.А. *Образование молодежи: реформы и конфликты // Россия у критической черты: возрождение или катастрофа*, -М.: Республика, 1997; Чупров В.И., Зубок Ю.А. *Социальные конфликты в сфере образования молодежи // Человек и образование в*

современной России. Социологические очерки / Под ред. В.Т. Лисовского. -С.-Петербург: Изд-во С-Петербургского ун-та, 1998; Зубок Ю.А. *Социальная интеграция молодежи в условиях нестабильного общества*. – М.: Социум, 1998.

⁶ См., например, Руткевич М.Н., Потапов В.П. *После школы. Опыт социологического исследования*. - М., 1995; Чупров В.И., Зубок Ю.А. *Социализация молодежи в пост-социалистическом обществе* // Социально-политический журнал. -1996. -№12; Чупров В.И., Зубок Ю.А. *Молодежь в общественном воспроизводстве: проблемы и перспективы*. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000; Константиновский Д.Л. *Молодежь 90-х: самоопределение в новой реальности*. - М., 2000;

⁷ Nagel, U. and Wallace, C. *Participation and Identification in Risk Societies: European Perspectives* // John Bynner, Lynne Chisholm and Andy Furlong eds. *Youth, Citizenship and Social Change in a European Context*, Ashgate, 1997, p. 45.

⁸ Eisenstadt S. *From Generation to Generation*. N.Y.: Free Press, 1956.

⁹ Ковалева А. И., Луков В. А. *Социология молодёжи: Теоретические вопросы*. М.: Социум, 1999. С. 279-299; Cote J. E. and Allahaar A. L. *Generation and Hold. Coming of Age in the Late Twentieth Century*. N. Y.: N. Y. University Press, 1996, p. 74; А также Melucci A. *Youth Silence and Voice. Selfhood and Commitment in the Everyday Experiences of Adolescents* // Fornas J. and Bolin G. eds. *Moves in Modernity*. Stockholm: Almqvist and Wiksell, 1992.

¹⁰ Шендрик А.И. *Духовная культура советской молодежи: сущность, состояние, пути развития*. – М.: Молодая Гвардия, 1990. С. 161-163.

Глава 5. РЕАЛИЗАЦИЯ КОНФЛИКТА: ЛОКАЛИЗАЦИЯ ИЛИ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ РИСКА?

5.1. Альтернативные модели реализации специфически молодежных конфликтов

Рассмотренные выше типы социальных конфликтов являются специфически молодежными, т.е. основанием их возникновения выступают особенности молодежи как относительно самостоятельной социально-демографической группы. Это не означает, что она не участвует в других типах конфликтов, поскольку одновременно входит составной частью в различные общественные группы в социальной структуре (профессиональные, политические, национально-этнические и др.).

В разной форме конфликты между молодежью и обществом являются характерными для всех социальных систем с развитой социальной структурой. Однако для того, чтобы социальная система сохранялась как целое на протяжении длительного времени в ней не должно возникать неразрешимых и нерегулируемых противоречий и конфликтов. Более того, классическая конфликтология подчеркивает конфункциональное значение социальных конфликтов¹. Локализация конфликтов в свою очередь снижает вероятность эскалации риска в молодежной среде.

Выход из конфликтного состояния может быть связан с реализацией двух альтернативных моделей.

В результате реализации первой активизируются интеграционные процессы и достигается консенсус. Интеграция возможна в форме конформизма молодежи, т.е. нахождения общих оснований консолидации, что представляет собой позитивный способ разрешения конфликта, ведущий к минимизации риска, однако не оставляющий, возможностей для социального новаторства

молодых людей. Пример такой интеграции демонстрирует большинство российской молодежи, включаясь в рыночные структуры.

С равной вероятностью возможна интеграция через инновационную деятельность молодежи, предполагающую согласие с одобряемыми данной культурой целями, но отрицание социально одобряемых способов их достижения и активизацию на этой основе интеграционных процессов. В этой ситуации возрастает вероятность локальных рисков, но практически исключается их эскалация. Примером могут служить образцы смекалки и изворотливости, проявляемые той частью молодых фермеров, которые добиваются успехов, интегрируясь в сельскохозяйственное производство.

Следует подчеркнуть, что интеграция молодёжи через инновационную деятельность во многом зависит от отношения к ней со стороны общества. Часто происходит отрицание обществом молодежной инновации, сдерживание конфликта, выражающееся в попытках сглаживания или насильственного подавления глубинных противоречий, не снимающее риска усиления социальной напряженности. Сама же инновация при подобных обстоятельствах вынужденно принимает делинквентный характер, стимулируя новые ситуации риска. «Инновации» подобного рода постоянно мелькают в хронике уголовных преступлений.

Общество так же может пойти по пути институционализации и рутинизации вновь возникшего процесса, создавая благоприятные условия для интеграции молодежи в социальную структуру на качественно новой основе. В последнем случае инновация, являющаяся по классификации Мертон одной из форм девиации, выступает одновременно и как предпосылка и как способ преодоления конфликта, минимизации риска.

На это направлена Президентская Программа “Молодежь России”, утвержденная Постановлением Правительства Российской Федерации от 25 ноября 1994 года, предполагающая формирование правовых, экономических и организационных условий и гарантий для становления личности молодого человека, развития молодежных объединений, движений, инициатив. Остается лишь сожалеть, что по финансовым причинам ее выполнение находится под угрозой срыва.

Вторая модель - преодоление конфликта в форме дифференциации в социальном составе молодёжи, при которой также возможна её социальная инновация, ведущая к стабилизации общества. Но наряду с этим, в условиях дифференциации может происходить нарастание социальной напряженности, обострение конфликтов и углубление социального расслоения, усиливающее дезинтеграционные процессы, расширяющее зону риска.

В целом, дифференциация – возможный и в известной мере закономерный способ реализации конфликта. И не всякая дифференциация однозначно негативна. Позитивным ее аспектом является развитие новых структур, обновление социальных отношений, активизация инновационного потенциала субъектов этих отношений, что в свою очередь вызывает потребность в интеграции и постепенно способствует стабилизации общества.

Становясь своеобразным механизмом, обеспечивающим движение общества от одного состояния к другому, социальные конфликты способны выполнять интегрирующую функцию только в том случае если их развитие будет направлено в конструктивное русло. В этой ситуации риск оправдан. Примером конструктивной дифференциации может служить увеличивающееся

с каждым годом число молодежных объединений, движений, организаций, зарегистрированных как на федеральном уровне, так и в регионах.

В случае преобладания разрушительных составляющих дифференциации, конфликты лишаются конструктивных элементов и приводят к социальной дискриминации, отчуждению, маргинализации, т.е. исключению отдельных групп молодежи из процесса полноценных социальных отношений. Такая участь постигла многие молодежные структуры, нарушившие утвержденные уставы своей деятельности.

В этих случаях порываются социальные связи между обществом как целым и молодежью как его частью, общественные отношения теряют устойчивость и воспроизводится не целостность, а фрагментарность. Зона риска расширяется, приобретая глобальный характер.

Рассматривая подобные модели, применительно к современным обществам, западные социологи Ульрих Нэйгел и Клэр Уоллис описывают два возможных сценария модернизации. Первый, для той части населения, для которой этот процесс сопряжен с повышением социальной мобильности и индивидуализацией жизненного курса. По мнению авторов, дифференциация социального пространства выгодна этой группе, поскольку она сопровождается расширением социальной структуры и социальных позиций, обеспечивая новые возможности социального участия и идентификации. В результате усиливается эластичность, гибкость социальной структуры и формируется имидж современного общества как открытого и плюралистического. В конечном счете это ведет к более интегрированному, солидарному обществу.

Второй сценарий рисует ситуацию, в которой находится другая часть населения. Здесь необходимость индивидуального выбора поворачивает в сторону риска и социальная мобильность не приводит ни к чему, кроме изоляции от традиционных ресурсов безопасности и привычных гарантий.

По этому сценарию индивиды испытывают дезориентацию, страдают от статусных несоответствий, находятся под постоянным давлением необходимости рефлексии и, наконец, обречены на поражение. Результатом реализации данного сценария на микроуровне является дезинтеграция. К такому сценарию может быть отнесено состояние общества, которое У.Бек назвал «Anti-modernity»².

Экономическая и социально-политическая трансформация в России делают наиболее реальным риск смещения баланса между интеграционными и дезинтеграционными процессами в пользу последних. В отсутствие эффективных механизмов управления социальными процессами взаимодействие между молодежью и обществом в условиях риска становится в высшей степени конфликтным. Более того, конфликты уже не локализуются и не разрешаются на микроуровне, как в обществах стабильных и высоко интегрированных, а глобализируются, охватывая весь социум. В то же время интегративные тенденции перестают уравнивать явления дифференцирующего характера, так как интеграция, в отличие от конфликтов локальна.

Применительно к молодому поколению это выражается в расширении зоны риска, маргинализации, социальной дискриминации, отчуждения, охватывающих все более широкие слои российской молодежи. В обществе риска, таким образом, доминируют процессы, противоположные интеграционным, сопровождающиеся отторжением части молодежи от

общества, приводящие ее к положению отвергнутых социальных групп, т.е. к социальному исключению.

Риск в таком обществе имеет способность накапливаться, приобретая кумулятивный характер. Проигравший желает отыграться, выигравший - рискнуть вторично. Неопределённость социальной жизни в обществе риска придаёт этому процессу своеобразную фатальность. Будь, что будет. Отсутствие жёстких норм воспринимается как поощрение. Всё, что не запрещается - разрешается. Самоконтроль уступает место азарту. Существование в условиях риска становится нормой, а сам риск из локальных форм трансформируется в глобальные.

5.2. Противоречия социальной интеграции молодежи в условиях риска.

Рассмотрим подробнее как изменяется интеграционная модель реализации конфликтов между молодёжью и обществом в условиях риска, а также как трансформируется сам риск в процессе интеграции молодёжи.

Создавая предпосылки расширенного воспроизводства, молодежь не только унаследует социальный опыт и трансформирует его в новых условиях, но и транслирует новым поколениям. Однако этот процесс противоречив. С одной стороны, расширенное воспроизводство может иметь место в обществе, отличающемся высоким уровнем стабильности. С другой, степень его стабильности во многом зависит от того, насколько интегрировано в него каждое новое поколение.

Под социальной интеграцией молодежи понимается характер связей между обществом как целым и молодежью как его частью, возникающих в процессе ее включения в социальную структуру, направленных на поддержание и воспроизводство устойчивых общественных отношений и целостности общества, а так же совокупность процессов, определяющих различные формы внутригруппового единства молодежи³. Интеграция рассматривается как два параллельных процесса: включение в тот или иной вид деятельности или социальную общность и осознание себя их частью.

Эмпирический уровень интегрированности молодого человека в общество определяется как степень его включенности в те или иные общественные структуры (в профессиональную, политическую, семейную и т. д.) и самоидентификация, рассматриваемая не как простое приписывание себя к той или иной социальной группе, а как отождествление с ней путем интернализации ценностей и норм данной общности.

Как правило, чем многообразнее и шире включение индивида в какую-либо социальную структуру, т. е. в систему требований, норм, ролей обязанностей и ожиданий, предъявляемых к нему, тем больше он начинает осознавать свою принадлежность к ней и идентифицировать себя с этой структурой. Одной из важнейших целей социальной интеграции молодежи является становление каждого молодого человека в качестве активного и полноценного участника общественных отношений, обретение им статуса полноправного гражданина, т.е. формирование гражданственности.

Однако данная логика справедлива для стабильного общества, в котором, благодаря слаженному действию интеграционных механизмов, осуществляется

непрерывный процесс включения и идентификации молодежи. В условиях социальной неопределённости и нестабильности этот процесс имеет ряд особенностей. Он наталкивается на многие объективные и субъективные препятствия со стороны самого общества и его структур. И, если стабильное общество при интеграции в него молодежи располагает возможностями не только сохранения устойчивости интеграционных процессов, но и их стимулирования, то в обществе риска такие механизмы бездействуют.

Не случайно в анализе состояния и тенденций изменений в обществах риска, как правило, доминируют негативные оценки. Многие западные и отечественные исследователи, характеризуя переход обществ на эту стадию развития, делают упор на разрушении прежних социальных связей, деградации социальных институтов, деформации интеграционных механизмов.

Часто ставится под сомнение правомерность рассмотрения социальной интеграции, как свойства равновесной системы, применительно к состоянию неопределенности и риска. Да и вообще, насколько корректно вести речь об интеграции общества, важнейшей сущностной характеристикой которого, по определению выступает производство риска и провозглашающего основой общественных отношений индивидуализацию?

На самом деле обществу риска, как и любой общественной системе, неминуемо грозит бы распад, не будь в нем интеграционных механизмов. Зинаида Голенкова считает, что в условиях модернизации образованию соответствующих форм интеграции способствует: рост специализации и дифференциации труда, усиление бюрократизма, рыночной экономики, универсализация рынка и денег, формирование политических институтов современного типа (избирательная система, политические партии, парламентаризм), открытая стратификационная система, высокая мобильность, ослабление традиционных ценностей (семьи, религии, морали), рост индивидуализма и т.д.⁴. Свои особенности имеет и интеграция молодежи в условиях риска.

Первая из них выражается в разрыве интеграционного механизма, когда включение индивидов в структуры не сопровождается самоидентификацией с ними, носит ассиметричный характер. В наиболее выраженной форме такой разрыв наблюдается в сфере занятости молодежи.

Из предыдущего анализа следует, что государственный сектор экономики пока остается важным каналом интеграции молодежи в сферу труда. Почти каждый второй (46%), из общего числа работающей молодежи, трудится на государственном предприятии. А в ряде регионов процент ее занятости в госсекторе выше, чем в негосударственном. Однако, как было показано, включенность молодых людей в деятельность государственных структур часто носит вынужденный характер из-за отсутствия других возможностей или в надежде на стабильность. Формально числясь в списках предприятий, а фактически зарабатывая на стороне, они не идентифицируют себя с этими структурами.

Подобное явление квалифицируется, как вынужденная интеграция и наилучшим образом может быть истолкована в рамках дюркгеймовской трактовки механической солидарности. Отличие состоит лишь в том, что принудительными механизмами в данном случае являются не карающая сила нормы, закона или давление коллективного сознания, а отсутствие выбора.

Аналогичная по форме, но иная по содержанию картина сложилась в негосударственном секторе экономики. Хотя еще с начала 90-х годов молодежь

преимущественно ориентирована на занятость в негосударственных структурах, т.е. имеет основания для самоидентификации с ними, интеграция ее в эти структуры не приобрела устойчивую форму.

Молодые люди, отождествляя себя с этими структурами, разделяя их нормы, далеко не всегда обретают устойчивое положение, ибо в любой момент могут лишиться своего статуса. Подобная интеграция также носит вынужденный характер, поскольку в основании ее лежит весьма зыбкое положение, целиком зависящее от работодателя.

В частном секторе острее ощущаются бесправие, незащищенность молодежи, чем в государственном. Почти половина (42,7%) молодых людей, занятых в нем, указали на постоянное нарушение их прав со стороны работодателей. Для сравнения, в государственных предприятиях таких оказалось 25,8%, а на предприятиях со смешанной формой собственности - 26,6%.

Итак, нарушение одной из двух составляющих интеграции (включения в структуры и идентификации с ними) обуславливает нестабильность всего процесса. Повышается риск дезинтеграции и социального исключения молодежи.

Тем не менее, в условиях риска отсутствие выбора или зависимость от внешних обстоятельств может явиться основанием для интеграции. Многие молодые люди вынуждены приспособляться, как говорится, «наступая на горло собственной песне», лишь бы сохранить достигнутое, т.к. все остальное еще хуже. Поэтому, принимая во внимание объективную сущность социальной интеграции, было бы правомерно говорить не об отрицании интеграционных механизмов в обществе риска, а об их **специфических основаниях и функциях**.

Молодые люди, попадая в условия, не способствующие их свободному самоопределению, рискуют оказаться резервом депривилигированных и низкостатусных групп и вынуждены искать иные каналы интеграции. Тогда повышается вероятность другого типа риска: пойти по пути нарушения закона и тоже оказаться на обочине жизни. Как видно, процесс поиска в обоих случаях сопряжен с риском, из чего следует, что он неизбежно сопутствует становлению субъектности молодежи, ее активному самоутверждению в обществе.

Процесс поиска молодыми людьми собственных социальных ниш, их продвижение к наиболее привлекательным статусным позициям связаны с риском настолько, насколько рискован любой выбор. Между тем, риск выбора по-разному проявляется в обществе относительно стабильном и кризисном.

В самом деле, в условиях множественности альтернатив естественно возникает риск неудачного выбора, когда социальное продвижение будет не столь успешным, как хотелось бы. В недавнем прошлом эта проблема решалась достаточно успешно путем ориентации молодежи средствами пропаганды на общественные цели, что сужало выбор, но облегчало задачу его реализации.

В отличие от своих западных ровесников, молодые россияне чаще сталкиваются с другим риском, обусловленным не вариативностью, а вынужденной альтернативностью, чреватой экстремальными последствиями. Риск в российском обществе большей частью имеет дуальный характер, давая полярные результаты: или социальные дивиденды, или жестокое крушение.

Фактическая ограниченность возможностей самореализации современной российской молодежи в отсутствии общественных целей и критериев развития, обусловила *вторую* особенность социальной интеграции в

обществе риска – ее альтернативную направленность. В основании такой интеграционной модели лежит вынужденный, лишенный полутонов выбор между конформизмом, самоутверждением в институциональных, социально одобряемых формах и полной идентификацией себя в рамках молодежной субкультуры или делинквентных инноваций.

А поскольку особенности интеграционных моделей, как и образцов общественного воспроизводства обусловлены характером господствующих социальных отношений, то интегрироваться в общество, выстроенное на криминальных отношениях, *предпочтительнее* оказывается *проще* криминальным путем. И, если нетрудовая сфера с точки зрения восходящей мобильности является более перспективной, то и интеграционное поведение молодежи приобретает соответствующую направленность.

Весь драматизм ситуации как раз в том и заключается, что молодое поколение конформно интегрируется в это больное общество и воспроизводит его во всем многообразии негативных проявлений. А между тем, дистанцирование молодежи от деструктивных отношений скорее бы способствовало оздоровлению общества. Следовательно, не все типы интеграции однозначно позитивны для общества с точки зрения его выхода из кризисного состояния. Пример интеграции в российском обществе риска показывает ее обратный эффект, выраженный в преумножении негативной энергии деструктивных процессов, не угасающих, а, наоборот, воспроизводящихся и усиливающихся молодым поколением.

Третья особенность интеграции молодежи в общество риска связана с противоречиями формирования идентичностей в молодежной среде, с новыми их основаниями. Эту особенность следует рассматривать во взаимосвязи со спецификой индивидуализации в российском обществе риска. С одной стороны, сам факт дезорганизации агентов социализации, исчезновение намеков на заданность и предопределенность в этой сфере обеспечили молодежи полную свободу выбора идентификационных оснований, открыли перспективы преодоления унифицированных образцов в модернизируемой России.

С другой, современное поколение российской молодежи, как показал предыдущий анализ, во многом утрачивает способность рефлексировать по поводу общественно значимых ценностей. Между тем, необходимым условием индивидуализации, как известно, является рефлексия или способность индивидов критически оценивать и корректировать собственные действия. Поэтому индивидуализация в российском варианте приняла извращенные формы, выраженные в разрыве между действиями и ограничениями, когда единственными значимыми мотивами действий выступают личные интересы, вкусы и предпочтения. Социально значимое, таким образом, уступает место всему лично значимому, освобождая дорогу индивидуальной и корпоративной идентификации.

Основу безопасности людей в стабильном обществе составляет преемственность их самоидентификации и постоянство окружающего социального и материального мира, в котором они действуют, названной Гидденсом “онтологической безопасностью”. В российском обществе риска состояние внутренней психологической напряженности в молодежной среде, вызванное ощущением нестабильности, неуверенности молодых людей создали предпосылки дальнейшего сужения идентификационных оснований.

Наступивший кризис доверия, распространившийся на молодежь и на систему в целом, стал непосредственным признаком интериоризации норм,

свойственных обществу риска, и одним из значимых факторов трансформации идентичностей молодых россиян. В условиях, когда более половины молодых людей (57,8%) убеждены, что сегодня ни в ком нельзя быть уверенным, а примерно каждый третий (36%) предпочитает полагаться лишь на самих себя, самоидентификация молодежи не выходит за пределы первичных групп и все большее распространение получает эгоцентризм, как индивидуальная модель идентичности.

Индивидуализация и обособление интересов, вызванные групповой дифференциацией молодежи, не могут не изменить интеграционную модель, опирающуюся в условиях нарастающего риска на иные основания. Они приобретают все более дробный характер, что придает своеобразную фрагментарность всему интеграционному процессу. При этом социальная фрагментация, выраженная в формировании множества микро социумов, символизирует исчезновение в современных обществах риска универсальной модели интеграции молодежи, обеспечивающей общественное согласие и солидарное поведение больших социальных групп .

Отсюда *четвертая* особенность социальной интеграции в обществе риска – ее локальный характер. Она замыкается на уровне отдельных групп, не охватывая структуры в целом. Однако сами по себе эти микро миры внутренне высоко интегрированы, ибо отношения внутри них, по всей видимости, близки к общинным.

Как неоднократно отмечалось социологами, первостепенную роль в идентификациях российской молодежи играет внутренняя неразрывная связь с любимым человеком, семьей и ближайшими друзьями, основанная на возможности поделиться проблемами, посоветоваться об их решении, сообща преодолеть возникшие трудности. В пределах этих групп интеграционные процессы, основанные на взаимной поддержке, доверии, и подлинной кооперации (что в социологической терминологии является примером положительной солидарности, а на языке межличностного общения называется дружбой, любовью), протекают с наибольшей интенсивностью. Отмечая, что дружба воплощает самый позитивный имидж социальных отношений, не нашедших применение и не реализованных в силу обстоятельств нигде больше в капиталистическом обществе, П.Абрамс и А.Маккулох, указывают на особый интеграционный потенциал, содержащийся в этом типе интеракции. Друзья, по выражению британского социолога Р.Пахла, служат своеобразным якорем в жизни людей, обеспечивают им эмоциональную интеграцию и стабильность в ситуациях риска⁵. Сама среда риска способствует актуализации именно этого типа интеграционных связей и отношений, сущность которого воплощается в жизненно необходимом противостоянии агрессивной среде.

Необходимость выживания в условиях неопределенности и непредсказуемости способствует накоплению внутренней энергии консолидации перед лицом тотального риска. В обществе возрастающего риска, где ни занятость, ни родственные связи не способны обеспечить чувство полной защищенности, определенные типы дружеских отношений как раз и дают этот жизненно важный источник ощущения счастья и утверждения персональной идентичности. Рефлексируясь в молодежном самосознании, они усиливают способность молодых людей конструировать эти отношения и управлять ими, органично вписываясь в условия современного общества.

Здесь раскрывается одна из фундаментальных особенностей, связанная с интеграционной функцией риска, способного усиливать синергетический

эффект, основанный на интерактивных связях, и вызывать к жизни интеграционный механизм. Различные формы проявления этой функции можно выделить в качестве *пятой* (не по значимости, а по порядку изложения) особенности социальной интеграции в обществе риска.

В условиях неопределенности, характеризующей российское общество, риски становятся неотъемлемой частью жизнедеятельности молодежи. С одной стороны, неопределенность возможностей в получении желаемого образования, приобретения хорошей профессии и интересующей работы, продвижения по службе, решения материальных проблем, посредством профессиональной деятельности, расширяет пространство риска. С другой, стремление преодолеть эту неопределенность, вырваться из ее пут - стимулирует активность молодых людей, подталкивая на новые риски. Так общество риска опосредуется в деятельности молодежи путем превращения объективного средового риска в деятельностный риск, то есть субъективный.

Ситуации риска, в которых неизбежно оказывается молодежь, требуют адекватных, то есть рискованных действий. Преломление среды риска в деятельности молодых людей происходит таким образом, что он становится своеобразной моделью интеграции молодежи в общество риска. В данном контексте риск - это деятельность молодых субъектов, направленная на достижение определенности. Однако тотальный характер средовых рисков в рассматриваемом обществе не способствует снятию неопределенности. Напротив, свойственные среде условия неопределенности обуславливают непредсказуемость результатов деятельности индивидов и групп. Следовательно, хаотичность и спонтанность становятся *шестой* отличительной особенностью социальной интеграции молодежи в общество риска.

Итак, анализ интеграции молодежи в современное российское общество подтверждает высказанную вначале гипотезу о том, что общество риска способно воспроизводить интеграционные механизмы, обеспечивающие его сохранение и развитие как целостности. Для этих механизмов характерны следующие особенности:

1. *асимметричный характер механического и органического объединения субъектов интеграции;*
2. *альтернативная направленность интеграции;*
3. *новые нетрадиционные основания идентификаций в процессе интеграции;*
4. *локальный характер интеграции;*
5. *наличие интеграционной функции риска;*
6. *спонтанный характер интеграционных процессов.*

Перечисленные особенности интеграции в обществе риска, хотя и сформулированы на примере российского общества, видимо могут носить более универсальный характер.

5.3. Локализация риска

Проблема локализации риска в молодёжной среде тесно связана с возможностью реализации специфически молодёжных конфликтов. Реализуя конфликт посредством интеграции, общество стабилизирует ситуацию и, следовательно, сокращает до минимума риск, локализует его. Тем самым, сокращается вероятность риска, сужается пространство возникновения конфликта.

Как было показано в предыдущем параграфе, интеграционные процессы в молодёжной среде протекают в обществе риска не так как в стабильном. Вместе с тем, несмотря на характерные особенности, процесс интеграции молодёжи и в условиях риска оказывает позитивное влияние на общество. Благодаря саморегуляции механизмов общественного воспроизводства, в которых социальная интеграция молодёжи играет не последнюю роль, происходит локализация риска. Интеграция способствует ограничению зоны и сокращению субъектов риска, повышению вероятности его позитивных последствий.

Усиливающаяся дифференциация социального состава молодёжи в обществе риска, достигая крайних значений, граничащих с распадом социальной системы, актуализирует общественную потребность в интеграции. Расширенное воспроизводство как раз и предполагает интеграцию всего конструктивного, что накопилось в дифференцированных структурах.

Так, бурное развитие молодёжной субкультуры в России в начале 90-х годов привело к появлению множества самых разных по своей направленности объединений и групп. В целом это был позитивный процесс, хотя не все вновь возникающие структуры соответствовали принятым в те годы стандартам. Со временем одни группы распались, другие объединились друг с другом, третьи изменили характер деятельности.

В условиях нарастающих перемен в обществе риск прекратить своё существование буквально “висел” над каждой из них. Сохранились же те, которые сумели интегрироваться в общий процесс развития, отражающий общепризнанные тенденции инновационных изменений. В результате интеграции произошла локализация риска и он для этих групп свёлся к минимуму. Поэтому интеграция в условиях неопределённости локализует риск внутри отдельных структур, происходит сужение его границ.

Характерное для общества риска отсутствие или сведение к минимуму общественных целей и критериев развития неизбежно проявляется в структуре идентичности молодых людей. Индивидуализация идентичности влечёт за собой индивидуализацию целей и стилей жизни, что также имеет свои позитивные и негативные стороны. Об этом подробно говорилось в предыдущем параграфе. Однако следует особо отметить, что процесс индивидуализации сам по себе чреват расширением ситуаций риска, повышением вероятности его опасных последствий.

Это наглядно проявилось в годы реформ в России, когда девальвированные социалистические общественные ценности перестали служить основанием индивидуальных и групповых норм. Провозглашение же индивидуализма в качестве альтернативы коллективизму, в отсутствие устоявшихся норм, послужило своего рода оправданием для воспроизводства самых низменных человеческих проявлений. Последствием подобной индивидуализации идентичности явился весь тот беспредел, который по сей день потрясает Россию и становится реальной опасностью для других стран.

Этого могло не произойти, если бы отдельные образцы индивидуальной идентичности молодёжи постепенно интегрировались в соответствующее нормативное пространство. Тогда риск, связанный с разнообразием индивидуальных проявлений собственной субъектности в молодёжной среде был бы минимальным.

Интеграция, таким образом, способствует индивидуализации риска, локализуя его в пределах отдельных групп или индивидов. В обществе риска

индивидуализация имеет своим следствием фрагментацию возможностей и опыта, что в отсутствие общественных целей и критериев развития усиливает неопределённость жизненного пути и статуса молодого человека. Неопределённость в свою очередь сопряжена с риском, постоянно подстерегающим его на всех этапах жизненного самоопределения.

Придя на смену предопределённости стабильного советского общества, с ее устойчивыми гарантиями, но и с постоянным идеологическим прессингом со стороны государства, неопределённость современного российского общества риска допускает большую свободу для выбора молодёжью своего жизненного пути. Однако, последовавшая за этим фрагментация привычных связей между индивидуальным опытом и возможностями его реализации, обеспечиваемыми государством, существенно усилило риск негативного исхода в ситуации выбора. Нарушился баланс субъективных и объективных компонентов риска.

Так например, появление в ходе реформ новых форм образования, альтернативного государственному, предполагает расширение возможностей выбора молодым человеком наиболее приемлемого пути для своего обучения. Если же учесть, что платное альтернативное образование постепенно вытесняет бесплатное государственное, а оплата его доступна немногим, то становится очевидным насколько повысился порог риска для молодёжи остаться без образования.

Процесс социальной интеграции молодёжи в общество риска предполагает ослабление неопределённости в среде её активности (объективная составляющая риска) и повышение поведенческой готовности принимать решения с учётом характера, масштаба и динамики этой неопределённости (субъективная составляющая риска). Тем самым достигается локализация риска, путём снижения порога неопределённости.

В обществе риска роль стихийных факторов многократно возрастает. В известной мере стихийные, спонтанные процессы в социальном развитии молодёжи могут иметь конструктивное начало. Без них не может быть реализована в полной мере инновационная функция молодёжи, обеспечивающая расширенное воспроизводство общества.

Однако стихийные процессы сопряжены с риском, с его непредсказуемыми последствиями. Это особенно заметно проявилось на этапе перехода России к рыночной экономике. Способствуя расширению предприимчивости и инициативы одних людей, рынок разорил и сделал нищими других. Тот факт, что за чертой бедности оказалось большинство населения страны лишний раз свидетельствует в пользу противников курса на стихийный рынок и сторонников модели регулируемого рынка. Практический опыт многих регионов, избравших этот путь, показал, что экономически и социально регулируемая интеграция молодёжи в рыночные отношения способна локализовать риск, придавая ему направленный характер.

Комплексные программы «Молодежь», направленные на нормативно-правовое обеспечение и управление государственной молодежной политикой в условиях рынка с успехом реализуются в Республике Татарстан, Ханты-мансийском автономном округе, Ставропольском и Хабаровском краях, Тверской, Новгородской областях, г. Санкт-Петербурге. Число подростков и молодежи, охваченных этими программами неуклонно растет.

Интеграция молодёжи в общество риска происходит в условиях ослабления её зависимости от социальных институтов. Снижение влияния на молодёжь семьи и государства, с одной стороны, расширяет её

самостоятельность, с другой, повышает вероятность риска и сводит к минимуму гарантии в случае неуспеха. Локализация риска в процессе интеграции молодёжи обеспечивается за счёт снижения уровня неопределённости в среде активности молодого человека, путём расширения социального страхования риска.

Таким образом, можно выделить следующие основные пути локализации риска в процессе социальной интеграции молодёжи:

1. Сужение границ риска;
2. Индивидуализация риска;
3. Снижение порога неопределённости;
4. Регулирование направленности риска;
5. Социальное страхование неуспеха.

Конфликты между молодёжью и обществом могут реализовываться не только путём интеграции, а наоборот, посредством дифференциации конфликтующих структур. Появление новых структур может также способствовать локализации риска в их границах, но при определённых условиях он приобретает лавинообразный характер. В процессе расчленения систем усиливается неопределённость, появляются всё новые и новые риски, в них вовлекается всё больше субъектов. Происходит глобализация риска.

5.4. Социальные детерминанты глобализации риска

Менее чем за десять лет российское общество переживает второй виток разрушения нормативного сознания. На фоне продолжающейся целенаправленной девальвации ценностей прошлого социалистического общества возникают предпосылки переоценки молодёжью результатов демократических реформ. В качестве таких предпосылок выступают как внутренние причины, связанные с неспособностью правительства найти выход из затянувшегося кризиса, так и внешние, определяемые изменяющимся положением России в мировом сообществе. В конечном итоге и те, и другие причины внесли свою лепту в процесс глобализации риска в России.

Всё многообразие внутренних факторов нашло своё концентрированное выражение в ценностных ориентациях молодёжи. Глобализация риска во многом детерминируется вышеупомянутым явлением, так называемой «контрастной установкой» в системе общественных ценностей, когда происходит не только изменение структуры, составных частей старой системы ценностей, но и её принципиальное видоизменение, превращение этих ценностей в свою прямую противоположность. Так, установка на всеобщее среднее образование, признанная одной из главных ценностей социализма сменилась принципиально иной ценностной системой - элитарного образования, отражающей по существу демодернизационные тенденции превращения образования в привилегию меньшинства.

Это противоречит не только прежним ориентациям на престиж образования, знаний и квалификации, но вступает в конфликт с реальными экономическими потребностями кризисного общества. Освобождаясь от гарантий перед молодыми гражданами на получение ими образования, государство фактически способствует расширению зоны риска в молодёжной среде.

Риск неравномерно распределяется среди разных социальных групп. Скажем, риск остаться без образования существенно выше для юношей и

девушек из малообеспеченных семей, чем для выходцев из высокообеспеченных. При этом угроза быть отчисленным из института за неуспеваемость у последних оказывается выше, поскольку многие из них больше рассчитывают на родительский кошелек, чем на собственное усердие. Поэтому в результате глобализации риска в его орбите оказываются представители различных социальных слоев, а большинство испытываемых ими проблем оказываются общими.

Свобода самоопределения, характерная для общества риска, оставляет молодых людей один на один с этими проблемами. Помощи ждать не откуда, приходится рассчитывать на собственные силы. Играя ключевую роль в становлении социальной зрелости, самоопределение молодежи в обществе риска становится фактором его глобализации.

Здесь возникает ряд противоречий, усиливающих риск. Во-первых, это противоречие между расширяющимся спектром выбора в социальном, профессиональном, политическом самоопределении и сужающимися возможностями найти и занять своё место в обществе. Во-вторых, являясь одной из базовых потребностей, самоопределение способствует осуществлению важнейшей сущностной функции молодежи в общественном воспроизводстве. Именно благодаря этой функции, молодежь приобретает свойство социальной группы.

Невозможность полноценного самоопределения в масштабе поколения имеет глобальные последствия, затрагивающие социальное качество молодежи. Не только в России, но и в других обществах риска происходит трансформация молодежи из социальной группы в демографическую, т.е. утрачивается социальный группообразующий признак, уступая место лишь возрастным различиям.

К тому же, ложно понимаемая доктрина свободного самоопределения, как якобы право каждого выбирать между учебой и не учебой, работой и не работой в российском обществе приобретает крайне извращенные формы. В условиях деградации системы обязательного образования, дороговизны платных форм обучения и под прессингом нарастающей безработицы выбор молодых людей в пользу безделья оказывается вынужденным, глобализируя риск расширенного воспроизводства иждивенчества.

Что касается внешних факторов глобализации риска, то в настоящий момент они определяются преимущественно теми противоречиями, которые характеризуют отношения российской молодежи к Западу. Эти противоречия имеют глубокие исторические корни, связанные с отражением массовым молодежным сознанием геополитических интересов России, теоретического философского наследия, берущего начало в идейном противостоянии славянофилов и западников, длительного периода классового противоборства и холодной войны, новых попыток передела мира, предпринимаемых странами НАТО. Не последнюю роль играет и экономическое превосходство Запада.

События в Югославии лишней раз продемонстрировали значимость внешнего фактора глобализации риска в России. Идеализация западной демократии, начавшая проявляться в сознании российской молодежи в середине девяностых годов, во многом способствовавшая девальвации ценностей прежней эпохи, была существенно поколеблена военной агрессией против суверенной страны. Декларируя на словах заинтересованность в развитии демократических завоеваний в России, страны НАТО, развязав войну на Балканах, продемонстрировали на деле не лучшие образцы демократии.

Особенно циничной на этом фоне выглядела позиция Запада в отношении контртеррорестических мероприятий Правительства России в Чечне. Для большинства молодых россиян стали очевидными и политика двойных стандартов, и право сильного диктовать условия более слабому, и игнорирование международных норм, и манипулирование сознанием народов через средства массовой информации. То есть все то, за что демократический Запад еще совсем недавно упрекал советский режим. Не случайно по данным исследований угроза со стороны Запада в сознании российской молодежи вновь вышла на первое место среди факторов риска.

В результате молодое поколение россиян вновь оказалось на перепутье между дискредитированным прошлым, неприемлемым настоящим и сомнительным будущим.

Примечания:

¹ Coser, L. *The Functions of Social Conflict*. N. Y., 1956.

² Nagel, U. and Wallace, C. *Participation and Identification in Risk Societies: European Perspectives* // John Bynner, Lynn Chisholm and Andy Furlong (ed.) *Youth, Citizenship and Social Change in a European Context*, Ashgate, p.43.

³Зубок Ю.А. *Социальная интеграция молодежи в условиях нестабильного общества*. - М.: Социум, 1998. С. 19-20; Зубок Ю.А. *Исключение в исследовании проблем молодежи* // Социс. - 1998 - №8; Зубок Ю.А. *Молодежь между интеграцией и исключением: социально-экономический аспект* // Социально-гуманитарное знание. - 2000. - №2.

⁴ Голенкова З.Т. *Теория модернизации* // Российская социологическая энциклопедия / Под общ. Ред. Г.В. Осипова. - М.: Издат. Группа НОРМА – ИФРА, 1998. С. 552-553.

⁵Abrams., P. and McCulloch, A. *Communes, Sociology and Society*. Cambridge University Press. Cambridge, 1976, p. 44.; Pahl, R. *Friendship: the Social Glue of Contemporary Society?* // Jane Franklin (ed.) *The Politics of Risk Society*. Polity Press, 1998, p. 103.

Глава 6. ТЕНДЕНЦИИ РИСКА В ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ МОЛОДЕЖИ

6.1. Риск как ситуационный процесс

Отмечая общие тенденции локализации или глобализации риска, нельзя не заметить, что ощутимые для каждого человека проявления риска возникают, развиваются и угасают в конкретных жизненных ситуациях. То есть в индивидуально-личностном плане риск - процесс ситуационный.

В обществе риска стихийные факторы или процессы, над которыми человек теряет власть, выстраиваются в той или иной ситуации в определённую последовательность, уникальное, неповторимое сочетание условий, воспринимаемых в обыденной жизни как ситуация неопределённости. Стремление человека прояснить для себя эту ситуацию, сделать её более определённой, предсказуемой, сопряжено с риском. Оно напоминает движение человека из тёмного в освещённое ярким светом помещение. На некоторое время теряется ориентация, человек ничего не видит и, если он не замедлит движение, возникает риск столкнуться с препятствием.

Но могут быть и обратные ситуации, когда полная определённость неожиданно сменяется неопределённостью. Привычное состояние размеренности жизни, уверенности в её позитивном развитии, вдруг нарушается, уступая место неожиданным, непредсказуемым ситуациям. Так,

попадая после солнечного света даже не в абсолютную темноту, а в сумерки, человек на время лишается ориентиров. И вновь возникает риск.

Следовательно, риск возникает в процессе перехода от ситуации неопределённости к ситуации определённости и наоборот, в движении от ситуации определённости к ситуации неопределённости. И в том, и в другом случае человек вынужден принимать решения и совершать действия либо в отсутствии информации о возможных последствиях своей активности (немотивированный риск), либо в условиях осознанного выбора между возможными вариантами действия, как оценка вероятности успеха и неуспеха в результате активности (мотивированный риск).

В зависимости от конкретных мотивов человек оценивает собственные шансы на успех в соответствии со своими способностями и опытом, а также пытается просчитать вероятность неуспеха и степени неблагоприятных последствий от сделанного выбора и свершенных действий. В этом случае риск может быть оправданным или неоправданным.

Конечно, индивидуальных ситуаций риска может быть бесконечное множество. Но для целей анализа примем типологию риска, содержащуюся в четвертой главе (таблица 4.1). Опираясь на данные социологических исследований и официальной статистики рассмотрим, каковы тенденции риска в жизненных ситуациях современной молодёжи. Это важно не только для более углубленного научного проникновения в механизмы риска, действующие в молодежной среде, но имеет и практический смысл для выработки новых подходов к социальной работе с молодежью.

6.2. Социально-демографическая ситуация

Демографическая составляющая общественного воспроизводства играет ведущую роль в социальном развитии и молодёжи, и общества. Уровень рождаемости и смертности, состояние здоровья и продолжительности жизни входят в число важнейших показателей, характеризующих состояние общества, степень его благополучия.

Социально - демографические проблемы относятся к числу наиболее острых в жизненных ситуациях молодёжи. Создание собственной семьи или её распад, рождение ребёнка, его здоровье и развитие, сохранение собственного здоровья и безопасности для молодых людей в любом обществе таят множество неизвестных. Тем более усиливается состояние неопределённости в этих ситуациях в обществе риска.

В связи с тем, что на демографическую ситуацию оказывает влияние множество факторов, и экономических, и социальных, и социально-психологических, и политических, и экологических, демографические показатели являются своего рода результирующей состоянием общества. Поэтому, если брать за основу состояние демографической ситуации, то можно чётко проследить, когда начался и как развивался процесс становления общества риска в России.

Динамика изменения численности населения показывает, что начало демографической деградации страны, предельно точно совпадающей по времени с развитием системного кризиса, приходится на 1992 год (таблица 6.1)¹. Продолжающаяся с этого года устойчивая депопуляция или абсолютное сокращение численности населения, является прямым свидетельством нарастающей эскалации риска в российском обществе.

Динамика численности населения РФ

Годы	Население на 1 января (млн. чел.)	Изменения за год (тыс. чел.)		
		Естественный прирост (-убыль)	Миграционный прирост	Общий прирост (-убыль)
1990	148,0	338,0	164,0	502,0
1991	148,5	110,0	51,6	161,6
1992	148,7	-207,0	176,1	-30,9
1993	148,7	-737,7	430,1	-307,6
1994	148,4	-869,7	810,0	-59,7
1995	148,3	-831,9	502,2	-329,7
1996	147,9	-817,6	343,6	-474,0
1997	147,5	-737,3	349,0	-388,3

Как следует из таблицы, за это время естественная убыль, т.е. разница между числом умерших и числом родившихся, составила 4 млн. 201 тыс. Даже с учётом роста миграции (2 млн. 611.тыс.) население страны уменьшилось на 1 млн. 590 тыс. человек. Россиян умирает ежегодно в 1,6 раза больше, чем рождается.

Эскалация риска в обществе не может не сказываться на брачном состоянии молодежи. В условиях неопределённости молодые люди как правило воздерживаются от принятия ответственных решений и откладывают создание брачных союзов. Об этом свидетельствуют изменения, которые происходят в брачном поведении молодежи. Правда, при этом велико влияние социокультурных факторов, четко обозначивших различия не только между российской и западной молодежью, но и молодыми людьми, проживающими на севере и юге Европы.

В странах северной Европы доминируют тенденции повышения возраста вступления в брак в среднем до 22-26 лет для женщин и 25-28 лет для мужчин, а также снижение рождаемости в молодых семьях. Зато быстрыми темпами растет внебрачная рождаемость. За последние двадцать лет ее показатели выросли в Дании – в 6 раз, в Великобритании – в 5 раз, во Франции – в 4 раза.

Другая тенденция имеет место в южно-европейских, преимущественно католических странах, где возраст вступления молодежи в брак не меняется с 1975 года. Традиционная модель семьи как основы совместного проживания и рождения детей здесь остается прочной. В средиземноморских католических обществах (Италии, Испании, Греции, Португалии) лишь 2% молодежи начинают семейные отношения, не регистрируя их, почти нет случаев рождения детей вне брака, не значительный удельный вес и гражданских браков.

В России за 1991-1996 гг. число ежегодно регистрируемых браков сократилось на 453,3 тыс. или более чем на треть (34%). Если сравнивать динамику соотношения браков и разводов в стране, то в 1990 г. на 1000 заключённых браков приходилось 424 расторгнутых, а в 1997, соответственно, 649. Из-за разводов в целом за последние 5 лет остались без одного из родителей 2,8 млн. несовершеннолетних детей.

Свидетельством нарастания риска в обществе может считаться и снижение уровня рождаемости. Суммарный коэффициент рождаемости опустился в 1997 году до 1,23. Если учесть, что для простого воспроизводства

необходимо, чтобы он составлял 2,14-2,15, то налицо отрицательное воспроизводство населения².

О расширенном воспроизводстве риска в российском обществе можно судить и по состоянию демографической ситуации в молодёжной среде. На первый взгляд эта ситуация выглядит вполне обнадеживающе. Вследствие последовательного роста рождаемости в период 1968-1986 годов с 14,1 до 17,2 промилле, наблюдается увеличение численности и доли молодежи особенно в подростковом и юношеском возрастах 15-24 лет (таблица 6.2)³.

Таблица 6.2

Возрастная динамика молодежных когорт в России, в %

Возраст	1989	1993	1994	1995	1996	1997	1998
15-19	6,8	7,1	7,2	7,8	7,4	7,4	7,6
20-24	6,6	6,6	6,7	6,9	7,0	7,1	7,2
25-29	8,5	6,8	6,5	6,4	6,5	6,5	6,6
30-34	8,8	8,6	8,4	8,1	7,7	7,3	7,1

Это могло бы стать существенным потенциалом человеческого фактора реформ. Однако в результате неэффективной демографической политики этот потенциал оказался в значительной степени девальвированным.

Прежде всего, это проявилось в состоянии здоровья молодежи. Оно имеет устойчивую тенденцию к ухудшению во многих странах. Целый спектр отклонений, начиная с бессистемного и некачественного питания, отсутствия физических упражнений и курения до алкоголизма, наркомании и СПИДа получил распространение среди современной западной молодежи⁴.

Однако в России состояние здоровья подрастающего поколения приобрело угрожающий характер. Начиная с 1991 года, динамично нарастает заболеваемость по таким группам, как болезни эндокринной системы, расстройства пищеварения, нарушения обмена веществ и иммунитета, болезни крови. Возросло число впервые установленных болезней нервной системы и органов чувств. Доли этих болезней в общем числе заболеваний выросли с 7 до 10%.

Наблюдается значительный рост особо опасных болезней. Заболеваемость детей злокачественными новообразованиями возросла за этот период на 18%, олигофренией - на 24%, туберкулезом - в 1,7 раза. Число случаев заболеваний детей сифилисом увеличилось с 38 до 2626. Не последнюю роль в этом играет рост педофилии как следствие активно культивируемой в последнее десятилетие сексуально-половой разнузданности.

Аналогична тенденция ухудшения здоровья подростков (таблица 6.3)⁵. В девяностые годы все более широкое распространение среди них получают наркомания, токсикомания, алкоголизм, сифилис, гонорея и целый ряд других заболеваний. Как видно из таблицы, только за пять лет после начала реформ заболеваемость среди подростков выросла на 21 процент. В 9 раз увеличилось среди них количество наркоманов: с 1618 до 14,6 тыс. Сегодня доля здоровых среди подростков составляет около 1/4.

Таблица 6.3

Динамика заболеваемости подростков, число на 100 тыс.

1991	1992	1993	1994	1995	1996	Рост в %
57,8	60,9	67,0	66,8	71,0	70,0	121

И это не случайность, а результат небрежения системой детского здравоохранения, физического воспитания и массового спорта. Так, ввод в действие детских больниц упал с 1 тыс. 826 коек в 1991 году до 109 в 1997 г., родильных домов с 748 до 194 коек; обслуживание в детских поликлиниках с 7 тыс. 735 до 2 тыс 426 посещений в смену, в женских консультациях с 2 тыс. 295 до 900 посещений в смену. Отсюда - более чем двукратный рост врожденных аномалий, существенное снижение продолжительности жизни при рождении, увеличение общей заболеваемости детей и подростков, беспрецедентный для мирного времени рост смертности в молодёжных когортах (таблица 6.4)⁶.

Таблица 6.4

Динамика возрастных коэффициентов смертности

Возраст	Коэффициент смертности, промиллей			Рост в %
	1990	1995	1996	
15-19	1,1	1,5	1,6	145
20-24	1,7	2,7	2,6	153
25-29	2,1	3,4	3,2	153
30-34	2,7	4,6	4,1	152

1.

Сегодня абсолютно здоровые юноши и девушки составляют считанные проценты. Показателем этого является тот факт, что динамика возрастных коэффициентов смертности молодежи более интенсивна, нежели прочих категорий трудоспособного населения. Причём, среди причин смерти доминируют убийства, несчастные случаи, а также болезни, ранее не свойственные этому возрасту.

Сохраняющаяся сложная социально-демографическая ситуация ведёт к усилению депопуляции в большинстве (в 68 из 89) регионов России. В отдельных из них сложилась критическая диспропорция населения в молодёжных и пенсионных возрастных когортах. В Псковской, Тверской, Тульской, Ивановской, Рязанской, Курской областях доля лиц пенсионного возраста в составе населения в 1,3-1,6 раза больше, чем доля молодёжи. В сочетании с другими факторами риска подобное явление ведёт к разрушительным процессам в социальной системе в целом.

Под влиянием социально-экономических условий заметно корректировались репродуктивные установки молодых россиян. Если в 1992 году, по данным исследования перспектив развития молодой семьи, проведённого Госкомстатом РФ, не высказали желания иметь ребёнка только 8% бездетных супругов, то уже через 2 года, согласно микропереписи населения, каждая четвёртая женщина, не имевшая на тот момент детей, не собиралась ими обзаводиться. А каждая вторая планировала иметь только одного ребёнка. Среди женщин, уже имеющих одного или двух детей, соответственно, 76% и 36% не планировали последующих рождений.

Интенсивное сокращение частоты деторождений ведёт к тому, что число младенцев, родившихся по порядку вторыми и третьими уменьшилось с 1,0 млн. в 1990 году до 529,7 тыс. в 1996 г. (в 1,9 раза). С этими причинами связано и ухудшение здоровья новорожденных. В 1990 г. рождался больным или недоношенным каждый седьмой младенец, в 1992 г. - уже каждый пятый, в 1995 г. - каждый четвёртый, в 1996 г. - каждый третий. В 1,6 раза за этот период возросла частота врождённых аномалий⁷. По показателю продолжительности жизни новорожденных Россия занимает 117 место среди 189 стран.

Обращает на себя внимание резкое сокращение числа браков среди молодёжи. Это проблема, характерная для всех обществ риска. Неустойчивое положение молодежи на рынке труда отражается на ее отношении к браку и на репродуктивном поведении. Все больше молодые граждане современной Европы предпочитают не обременять себя семейными узами и выбирают гражданский брак как наиболее приемлемую форму отношений.

Среди российской молодежи только за 1997 год число заключенных браков снизилось на 19%, а в Коми-Пермятском автономном округе более чем вдвое, в Курской, Белгородской и Ростовской областях - на 30%.

Произошли заметные изменения социального поведения молодёжи в сфере брачно-семейных отношений. Параллельно с откладыванием вступления в брак и рождения детей получают распространение добрачные сожительства и юридически неоформленные (гражданские) браки, что также является фактором риска для молодых семей. По данным микропереписи населения около 15% мужчин и 12% женщин в возрасте 18 - 19 лет, состоящих в браке, не регистрировали его в органах ЗАГС.

Итак, анализ демографической ситуации в молодёжной среде показывает, что она остаётся крайне неблагоприятной и имеет тенденцию к ухудшению. Следовательно, возрастает вероятность риска отрицательного демографического воспроизводства. С 2004 года на состоянии трудовых ресурсов страны начнут сказываться последствия падения рождаемости, начавшегося во второй половине 80-х годов, а с 2010 года потребуются специальные меры для удовлетворения военно-мобилизационных потребностей. Причины подобной тенденции видятся как в объективных демографических процессах, так и в негативном влиянии социально-экономических факторов, в резком ухудшении условий жизни населения, а также в нежелании власти осуществлять продуманную молодёжную политику.

6.3. Ситуация жизненного старта

Стартовые позиции молодёжи в широком плане рассматриваются как изначальный потенциал молодого поколения в общественном воспроизводстве. Каждое новое поколение начинает жизненный путь, так сказать, не с «чистого листа», а наследуя материальные условия и воспринимая жизненный опыт предшествующих поколений. С социологической точки зрения жизненный старт молодёжи - это та культурная традиция и те материальные условия жизнедеятельности, которые передаются ей родительскими поколениями и которые она призвана воспроизвести.

Преимственность поколений обеспечивает простое воспроизводство общества. Однако в наши дни темп развития общественных процессов становится настолько стремительным, что прошлый опыт бывает не только недостаточным, но часто оказывается помехой на пути модернизации. Поэтому стартовый потенциал молодёжи в современном обществе должен содержать инновационную составляющую, обеспечивающую расширенное общественное воспроизводство.

В зависимости от оснований, по которым выделяется данный этап жизненного пути, начало жизненного старта определяется по разному. Это может быть связано с биологическими циклами развития, или с этапами социализации. Рассматривая процесс становления молодёжи как социальной

группы, правильнее было бы говорить о социальном старте и вести его отсчёт с нижней границы молодёжного возраста.

Период социального старта непродолжительный, примерно с 15 до 18 - 20 лет, когда молодой человек вступает в пору социальной зрелости и оказывается в ситуации выбора дальнейшего жизненного пути. Успешность выбора обеспечивается состоянием здоровья, уровнем физического и духовного развития, материальными возможностями, необходимыми для продолжения образования, приобретения профессии, трудоустройства, создания собственной семьи, социального продвижения.

В соответствии с известной концепцией Эриксона, в этом возрасте перед молодыми людьми особенно остро встает проблема поиска базовых идентичностей и ответа на вопросы «кто и что я?» и «какова степень моей независимости?» Следующий пятилетний период жизни молодого человека ознаменовывается преимущественно коммуникативной активностью, установлением дружеских, партнерских отношений и, возможно, попыткой создания семьи.

На этапе жизненного старта возникает множество проблем, с решением которых молодой человек часто справиться не в состоянии. Всё впервые, многое неопределённо, но решение надо принимать самому. Велик риск ошибиться.

Подавляющее большинство проблем связано с неравенством стартовых позиций, имеющим в классовом обществе социальные корни. И если, скажем, для молодого человека из семьи новых русских в России - это выбор между учёбой в отечественном или зарубежном ВУЗе, для юноши или девушки из семьи служащих - между учёбой или работой, то для выходцев из малообеспеченных, многодетных или неполных семей часто приходится выбирать между жалким существованием и криминалом. В современных обществах неравенство определяется гендерными, национально-этническими, гражданскими (наличие гражданства) и другими различиями.

На практике ни одно общество не может обеспечить полного равенства стартовых возможностей молодых людей, но процесс демократизации предполагает выравнивание прав различных групп молодёжи на полноценную интеграцию в социальную структуру. Тем самым риск социального старта минимизируется.

Иная ситуация складывается в современном обществе, в котором изменяется сам процесс передачи социального опыта между поколениями. Из непосредственной формы, через контакт с родителями, он трансформируется в опосредованный процесс, преимущественно через систему образования и массовой информации.

При этом формируется особая форма «префигуративного сознания» (М.Мид), устремлённого не в прошлое и даже не в настоящее, а в будущее, происходит так называемая «ювентизация» (П.Митев) опыта. Иначе говоря, не только молодёжь воспринимает опыт старших, но и старшие вынуждены считаться с социальным новаторством молодых. В современном обществе молодые люди стремятся всё больше полагаться на себя, не желая зависеть от родителей, что конечно же сопряжено с риском.

И без того высокая неопределённость в ситуации социального старта многократно усиливается в обществе риска. Различие жизненных стартов молодёжи и другие факторы символизируют неравенство шансов на достижение успехов в сфере образования или на рынке труда. Однако неопределённость и незащищённость на этом не заканчиваются. В прошлом, благодаря социальным

и другим связям, молодые индивиды со стандартным набором классовых, этнических и гендерных признаков находили работу и быстрее интегрировались в трудовую сферу. В обществе риска привычные социальные связи находятся, по крайней мере, в состоянии напряженности, а то и под прямой угрозой распада. Они уже не имеют бесспорного успеха в деле интеграции индивидов в общество на этапе жизненного старта.

Следовательно, возрастает роль семьи, как своеобразных островков интеграции. С другой стороны, сохранению устойчивых социальных связей способствуют действующие сообщества или ассоциации, например, безработной молодежи, культивирующие более или менее позитивное отношение к действительности, призванные предотвратить одиночество и изолированность⁸.

Вместе с тем, в условиях риска повышается ответственность молодого человека за самостоятельно принятые решения. Успех вдохновляет, а неудачи закаляют. Для многих молодых людей это явилось фактором дальнейшего социального развития, более раннего достижения ими социальной зрелости.

Эмпирическими показателями успешного или неуспешного социального старта являются: достигнутый к началу социального самоопределения уровень образования, состояние занятости, широта и устойчивость интересов, направленность ценностных ориентаций. Каждый из них характеризует определённый аспект социального положения молодого человека и его место в системе социальных связей, позволяющие ему не только занять ту или иную позицию в социальной структуре, но и реализовать собственную индивидуально личностную идентификацию. В результате формируются различные модели жизненного старта.

Так, среди западной молодежи изменение стартовой модели приходится на период конца 80-х середины 90-х годов. По сравнению с 70-ми годами, отмеченными относительно благополучными перспективами молодежной занятости, этот период сопряжен с трудностями в интеграции молодежи в европейский рынок труда. В результате заметно возросло количество молодых людей, предпочитающих продолжение образования неизвестности и неопределенности, ожидающей их при попытке трудоустроиться. Так появился феномен «продленного образования».

По данным статистики, с 1984 по 1997гг. на 15% выросло число молодых людей, продолживших среднеспециальное и высшее образование, переживая период роста безработицы. К концу 90-х годов данная группа насчитывала 34%, а ее средний возраст составлял 22 года. В свою очередь, с 50% до 33% сократился добровольный уход подростков из школ⁹. Меньше стало в эти годы и тех, кто не работал и не учился (с 22% в 1984 до 14% в 1997 г.).

Западные исследователи с позитивной стороны констатируют своего рода квази-стабилизацию среди молодежи, путем совмещения работы с учебой, как формы продленного образования. В среднем, среди 16-19-летних чуть более 60% были заняты в 1997 году только учебой, в то время, как 17% работали и учились¹⁰.

Такая тенденция особенно характерна для тех стран, в которых до сих пор действует институт ученичества или распространена частичная занятость – аналог неполного рабочего дня в России. Возможны и другие варианты сочетания работы с учебой, используемые в разных странах. Они отразились в структуре образования молодежи (таблица 6.5).

Таблица 6.5.

Структура образования молодежи в некоторых странах Европы, 1996, в %

Страна	Ученичество	Профессиональное образование	Общее образование
Австралия	3	2	94
Австрия	41	37	22
Канада	1	5	94
Чешская Республика	-	82	18
Дания	44	14	42
Финляндия	5	47	48
Венгрия	-	70	30
Япония	-	26	74
Норвегия	25	27	48
Португалия	4	32	64
Швеция	-	60	40
Швейцария	60	9	31
Великобритания	24	33	43
США	-	12	88

Из таблицы следует, что в ряде стран (Австрия, Канада, Япония, США) молодые люди на этапе жизненного старта отдают предпочтение общему образованию как базовой подготовке к трудовой деятельности. Профобразование интенсивнее развивается в Чехии, Венгрии и Швеции. Остальные склонны комбинировать все три вида обучения. Ученичество, как основная форма профессиональной подготовки молодежи лидирует лишь в Швейцарии.

Охват частичной занятостью происходит по гендерному признаку и распространяется среди девушек быстрее, чем среди их сверстников. Юноши при этом составляют не более 6%. В Швеции, Британии и Голландии число молодых женщин, работающих неполное время, выше, чем в других странах Европы и остается на уровне 41%, 45% и 68% соответственно. Из них 20% вынужденно прибегают к данной форме занятости из-за отсутствия вакансий, что сегодня в два раза чаще, чем в 1990 г.¹¹

Трудности возникали с удержанием учеников в школе до окончания обязательного образования. Исследования показывают, что девушки-подростки и молодые женщины обучаются более успешно, чем юноши. В среднем каждый пятый подросток не посещает школу. Наименее благополучная ситуация в Британии и Голландии (35% и 44%)¹².

Правительства склонны рассматривать выпадающих из сферы образования молодых людей как девиантов, представляющих источник напряженности и беспокойства. Эти молодые люди рассматриваются как носители отклоняющегося поведения, группа, отрицающая цели и ценности образования. Они, по выражению ювенолога Дж. Таннера «являются видимым напоминанием о якобы, меритократической образовательной системе»¹³.

Подчеркивая, что идеи социального дарвинизма постепенно теряют свою актуальность, Таннер называет рассматриваемую категорию западной молодежи «нерадивыми мятежниками», объясняя этот феномен сугубо индивидуальными противоречиями в сознании и поведении. Во-первых, несмотря на явную неприязнь к школе, они признают важность образования для дальнейшей работы. Во-вторых, предметом их антипатии часто выступает не само

образование, а авторитарная атмосфера и многочисленные ограничения их свободы, царящие в образовательных учреждениях. В-третьих, исключение из сферы образования не обязательно, по мнению автора, влечет за собой полный разрыв с существующим нормативным порядком¹⁴. Однако из сказанного не следует полное отрицание негативных последствий для жизненного старта оттока подростков из образовательной сферы (таблица 6.6)¹⁵.

Таблица 6.6.

Отсев подростков из системы образования по странам, 1996 г.

Страна	Возраст окончания обязательного образования, лет	Процент молодежи, не продолжившей учебу через год после окончания обязательного образования
Австралия	15	3
Австрия	15	9
Канада	16	20
Чешская Республика	15	1
Дания	16	18
Финляндия	16	8
Венгрия	16	26
Япония	15	2
Норвегия	16	7
Португалия	14	10
Швеция	16	4
Швейцария	15	13
Великобритания	16	26
США	17	18

В настоящее время среди западной молодежи все больше внимания уделяется индивидуальным успехам в школе, трудовой деятельности и достижениям на протяжении жизни. Выбывшие из системы образования досрочно, не получив профессиональной подготовки, довольно жестоко расплачиваются не только на этапе трудоустройства, но и в дальнейшей карьере. Многочисленные социологические данные доказывают, что среди этой категории молодежи риск социального исключения значительно выше.

Проблемы жизненного старта, а их мало кому удастся избежать, оказывают негативное влияние на трудовую карьеру молодых людей, их семейную жизнь и образ жизни. Даже те, кому удастся включиться в сферу труда, часто являются объектом дискриминации, пополняя непривилегированные слои. Так, заработная плата среди молодежи на 40-80% ниже, чем у старшего поколения, при этом за последние двадцать лет в ряде стран произошло заметное падение денежных доходов молодежи.

Невыгодное положение молодежи связано, в том числе и с сохраняющейся тенденцией к преобладанию в структуре ее занятости низкооплачиваемых видов деятельности, что всячески оправдывается недостатком профессиональных навыков. Показатели вовлеченности молодежи в подобную деятельность колеблются от 20% в Австрии и Швеции до 63% в США¹⁶.

Преодоление создавшейся конфликтной ситуации в обществе риска происходит часто не столько посредством повышения профессионального мастерства и естественно последующего увеличения зарплаты, сколько потерей молодым человеком имеющейся, пусть не всегда удовлетворяющей, работы.

Все это заставляет молодежь на этапе жизненного старта не рисковать, продолжая учебу, используя сферу образования в качестве щита от неминуемой безработицы и оттягивать момент включения в трудовые отношения.

Так, по данным британских исследований, половина молодежи в возрасте до 23 лет работает всего 12 часов в неделю. Еще выше средний возраст выхода на рынок труда в Италии и Испании (25 лет)¹⁷.

Наконец, возникновение общества риска обусловило расширение молодости как фазы жизни и продления этапа жизненного старта. Во-первых, потому, что молодежь вынуждена бороться за реализацию своих целей, достигая их зачастую уже за пределами молодежного возраста; во-вторых, из-за того, что множество факторов риска превращает неудачу в реальную перспективу, на достижение которой не остается времени.

Итак, анализ основных характерных черт транзисии западноевропейской молодежи позволил установить обусловленность обострения проблем ее жизненного старта усилением риска в этих обществах за последнее десятилетие. Это проявляется в растущих трудностях, испытываемых молодыми людьми в достижении экономической независимости, и устойчивого положения в профессиональной сфере, в создании семьи и в обустройстве собственного дома.

Все эти процессы в обществе риска отличаются большей сложностью и продолжительностью, чем прежде. Молодежь дольше остается в системе образования, с трудом находит нишу на рынке труда, концентрируется в низкоквалифицированных и низкооплачиваемых видах деятельности. Многие молодые люди вовсе лишены работы.

В то же время, эти процессы, как и само общество риска, весьма противоречивы. В их интерпретации нельзя обойтись без диалектического подхода. Очевидно, что такое явление, как продленное образование имеет положительные стороны, как для молодежи, так и для общества. Развитие вторичной занятости среди молодых европейцев также может рассматриваться позитивно.

С другой стороны, в них явно просматриваются негативные тенденции, связанные с отсрочкой профессиональной карьеры, с препятствиями в создании собственной семьи, с материальной зависимостью от родителей. Все это является источником напряженности во многих европейских семьях.

В России модели жизненного старта молодежи менялись в зависимости от конкретной социально-экономической ситуации в стране. Так, в середине 50-х годов царивший в стране пафос оптимизма выдвинул на первое место в стартовых предпочтениях молодежи высшее образование. Неудачи при поступлении в ВУЗ рассматривались как жизненная трагедия. Период хрущёвских реформ ознаменовался приоритетом в жизненном старте молодежи ценности производительного труда. Чтобы заработать производственный стаж и получить право внеконкурсного поступления в ВУЗы молодые люди должны были отработать не менее двух лет на производстве.

Семидесятые годы прошли под знаком научно-технического прогресса и возрождения ценности образования, особенно технического. Среднее образование провозглашалось всеобщим. Приоритеты жизненного старта молодежи всё больше связывались с техникой. Горбачёвская перестройка, отмеченная переходом к рынку и прагматизацией сознания, отразилась и в моделях жизненного старта. В мотивах поведения молодых людей стал

доминировать сугубо инструментальный подход. Выбор жизненного пути всё чаще подчинялся удовлетворению сиюминутных интересов.

Что касается современного поколения молодых россиян, то их жизненный старт протекает в нелёгких условиях кризиса российского общества и связан с многими противоречиями. Оцениваемая, так сказать, в средне-статистических показателях, ситуация старта большинства российской молодёжи выглядит вполне благополучной. Её стартовые позиции в сфере образования достаточно высоки (таблица 6.7).

Таблица 6.7.

Уровень образования молодёжи в возрасте от 15 до 18 лет
(в % по гендерным группам)

Молодёжь в возрасте от 15 до 18 лет	Уровень образования		
	Неполное среднее	Полное среднее, общее	Среднее специальное ПТУ, техникум
Мужчины	49,0	43,6	7,4
Женщины	39,9	53,3	6,8
В целом по группе	43,8	49,2	7,0

Две трети молодых людей к 18 годам уже имеют полное среднее образование, в т.ч. каждый второй успевает закончить полную среднюю общеобразовательную школу, а 7% завершить учёбу в ПТУ, в техническом лицее или техникуме. Это свидетельствует о высоком их стартовом потенциале, причём у девушек он несколько выше, чем у юношей.

Характерно, что по сравнению с 1990 годом по этому показателю жизненный старт нынешнего поколения российской молодёжи выглядит лучше. В последний год горбачёвской перестройки резко обозначилась тенденция снижения престижа образования среди молодёжи, достигшая своего апогея к 1992 году. Потеряв интерес к образованию, молодые люди стали покидать школу, активно включаясь в мелкий бизнес и уличную торговлю. В результате доля молодёжи в возрасте до 18 лет с полным общим средним образованием сократилась в этот период, по данным исследования, до 24,4 %. Лишь к 1997 году уровень образования молодежи на этапе социального старта приблизился к показателям середины 90-х годов.

В целом позитивно можно оценить и структуру занятости этой категории молодёжи (таблица 6.8).

Таблица 6.8

Структура занятости молодёжи в возрасте от 15 до 18 лет, 1999
(в % по гендерным группам)

Молодежь в возрасте 15–18 лет	Работают	Учатся в школе	Учатся в ПТУ, техникуме	Учатся в ВУЗе	Работают и учатся	Заняты уличной торговлей	Временно не работает и не учатся	Безработны
Мужчины	4,4	49,0	35,6	12,6	4,1	0,1	4,1	1,7
Женщины	3,2	59,3	23,3	14,2	3,9	0,7	5,6	1,8
В целом	3,8	54,2	29,4	13,4	4,0	0,4	4,9	1,7

Подавляющее большинство молодёжи в этом возрасте учится: в школе – 54,2%, в ПТУ, в техническом лицее или в техникуме – 29,4%, в ВУЗе – 13,4%. Примерно каждый двенадцатый (7,8%) работает или сочетает работу с учёбой. И лишь 4,9% по разным причинам временно не работают и не учатся. При этом показатели социального старта девушек несколько отличаются в лучшую сторону по сравнению с показателями юношей. Среди них больше учатся в ВУЗе, сочетают работу с учёбой и меньший процент временно неработающих.

Несколько иная картина отмечается в странах Запада. По данным цитируемого доклада ООН о положении молодежи, девушки составляют две трети от числа никогда не обучавшейся или не закончившей программу школьного обучения молодежи. Вместе с тем, также как и в России, они опережают своих ровесников по числу дипломов с высшим образованием.

Сравнение характеристик занятости российской молодёжи с 1990 годом свидетельствует об изменении модели социального старта (таблица 6.9).

Таблица 6.9.

Структура занятости молодёжи в возрасте от 15 до 18 лет, 1990 г.
(в % по гендерным группам)

Молодежь в возрасте 15–18 лет	Работают	Учатся в школе	Учатся в ПТУ, техникуме	Учатся в ВУЗе	Работают и учатся	Заняты уличной торговлей	Временно не работают и не учатся	Безработны
Мужчины	6,0	36,9	51,5	4,6	0,5	0	0,5	0
Женщины	9,0	47,1	32,8	7,6	2,5	0	1,0	0
В целом	7,7	42,5	41,1	6,3	1,6	0	0,8	0

Если в 1990 году в стартовых стратегиях молодёжи явно доминировала ориентация на профессионально техническое образование с целью приобретения одной из массовых профессий, а также последующая работа на производстве, то в настоящее время чётко просматривается интерес к высшему образованию, причём не к техническому, а к гуманитарному. И вновь более продвинутой группой являются девушки.

Как видно, не связывает нынешняя молодёжь свой жизненный старт и с коммерческой деятельностью. Менее одного процента юношей и девушек посвящают себя на этом этапе уличной торговле или мелкому бизнесу, хотя ещё несколько лет назад, в 1994 году, таких было около семи процентов.

Однако за этим усреднённым благополучием таятся трудные, порой драматические жизненные ситуации отдельных личностей. Продолжать учёбу или искать работу, где учиться и какую избрать профессию? А может быть заняться предпринимательством или пожить до армии в своё удовольствие? И конечно же, этот нелёгкий выбор упирается в деньги. А где их взять, если родители не в состоянии помочь, а заработать нигде. Задачи с множеством неизвестных. Концентрируясь в относительно непродолжительном промежутке времени, они создают ситуацию жизненной неопределённости, выход из которой сопряжён с риском.

За прошедший период более чем в три раза возросла доля молодых людей, которые нигде не работают и не учатся. Хотя процент этой группы относительно не велик, в абсолютном выражении её численность составляет

более 350 тысяч человек и она имеет тенденцию к росту. Среди них инвалиды детства, те кто не может продолжать учёбу и работу по болезни или по другим причинам. Но немалый процент составляют молодые люди, которые трудовой или учебной деятельности предпочитают досуговую.

И тех, и других вполне можно отнести к группе риска, так как они находятся в ситуации полной социальной неопределённости и отсутствия всякой перспективы. Это ситуация так называемого отложенного старта, когда молодой человек по независящим от него обстоятельствам или вполне осознанно лишается возможности полноценной интеграции в общество.

Современная модель жизненного старта не обходится без безработицы. В странах Запада такая модель является традиционной. Со середины 90-х годов отмечен рост молодежной безработицы примерно на четверть (с 16,3% до 21,5%).

Безработица заставляет двоих из трех молодых европейцев откладывать создание семьи и 45% регулярно обращаться за финансовой помощью к родителям, принимающим на себя функции материального обеспечения своих повзрослевших детей. Не удивительно, что степень остроты проблем занятости была оценена молодежью выше, чем охрана окружающей среды (60,2%) и развитие передовых технологий (54,4%). По признанию трех четвертей (75,7%) опрошенных молодых людей именно решение проблемы молодежной безработицы должно иметь приоритетное значение в ряду социальных задач Евросоюза.

Актуальность данной проблемы подтверждается выраженной готовностью молодых европейцев не щадить ни сил, ни времени, обучаясь на курсах, пробуя силы в иных профессиональных областях. В стремлении к повышению своей конкурентоспособности на рынке труда стран Евросоюза молодые жители Европы заметно развивают знание иностранных языков. Сравнительные исследования, проведенные в 1990 и 1997 годах показали процентное увеличение числа молодежи, владеющей иными языками, помимо родного с 60% до 71%. Среди наиболее изучаемых оказались английский (53,7%), французский (19,9%), немецкий (11%) языки. Вместе с тем, испанский лидирует как язык, который молодые европейцы хотели бы изучать в будущем.

При этом весьма показательно, что не более 1,1% всех участвовавших в исследовании респондентов рассматривают перспективу включения в теневую экономику как возможную для себя. В России одобрительно относятся к возможности делать бизнес любой ценой, даже в обход закона – 24,6% молодых людей.

Естественное стремление современной молодежи к независимости от родителей уже на этапе жизненного старта также наталкивается на непреодолимые препятствия. Из-за возрастающей дороговизны жилья и роста стоимости жизни во всем мире это стремление молодежи входит в противоречие с реальными ее возможностями.

Молодежь в Европе традиционно зарабатывает меньше, чем старшее поколение и не может себе позволить приобрести или снять квартиру или дом. Недостаток дешевого жилья остро ощущается не только в городах, но даже в сельской местности. Однако лишь отдельные государства предоставляют молодежи возможности для преодоления жилищной проблемы.

По данным ООН абсолютное большинство (90%) молодежи до двадцати лет и 65% тех, кому еще не исполнилось двадцати пяти живут под одной крышей со своими родителями. Стремясь достичь своих жизненных целей и

особенно стать независимыми, молодые люди вынуждены полагаться на других, ожидая помощи и поддержки. Молодежь сегодня испытывает пролонгированную зависимость от старшего поколения и от государства.

Только 11% молодых европейцев проживает отдельно от родителей. Хотя есть тенденция на увеличение данной группы, ее рост происходит медленно. Почти за два десятилетия к числу независимых молодых людей прибавились лишь 3% счастливиц. Такое же увеличение ожидается через десять лет¹⁸. Подавляющее же большинство молодежи, как и прежде, сохраняет тесные связи с родительской семьей, получая от нее помощь, наряду с государственной поддержкой.

Отмечая общую тенденцию усиления зависимости молодежи от родителей в обществе риска, следует заметить, что она не одинаково проявляется в разных странах (таблица 6.10.)¹⁹.

Таблица 6.10.

Численность молодежи в странах Европы в возрасте 20-24 лет, проживающей отдельно от родителей, 1995.

Страна	В среднем по группе в %
Австрия	9
Бельгия	6
Дания	-
Финляндия	24
Франция	15
Германия	18
Греция	8
Ирландия	4
Италия	2
Люксембург	5
Нидерланды	19
Португалия	2
Испания	0
Швеция	-
Великобритания	8

Как следует из таблицы, возможности молодых французов, голландцев и финнов представляются наиболее благоприятными для самостоятельной жизни, чем в ряде других стран Европы. Таким образом, жилищная политика в самореализации молодежи наиболее развита в Скандинавских странах и Германии и едва заметна на Юге Европы, Великобритании и Ирландии, где основной акцент делается на пособия, но не решение жилищных проблем молодежи²⁰.

В России эта проблема стоит еще более остро. Более 80% молодых людей в возрасте до 29 лет включительно материально зависят от родителей.

Около полумиллиона молодых россиян вынуждены начинать свой жизненный путь, регистрируясь на бирже труда в качестве безработного. 25 тыс. из них выстроились в очередь на биржу прямо, что называется, со школьной скамьи, едва получив аттестат или диплом об окончании ПТУ, техникума, технического лица. Риск фальшстарта для этой категории молодежи становится реальностью и может оказаться поворотным моментом в её дальнейшей жизни.

Успех социального старта во многом определяется теми возможностями, которыми располагает общество для удовлетворения коренных интересов молодёжи. Являясь группообразующими признаками, интересы объединяют молодых людей, придавая индивидуальным ситуациям жизненного старта, характер явления социального. Как видно из таблицы 6.11 интересы молодёжи, направленные на достижение успешного старта, весьма многообразны, хотя и весьма существенно различаются среди юношей и девушек. За небольшим исключением круг интересов девушек значительно шире, чем юношей.

Таблица 6.11.

**Динамика интересов молодёжи в возрасте от 15 до 18 лет в период
1990 - 1999 г.г.
(в % по группам)**

Занятия по интересам	1990						1999					
	Занимался раньше			Продолжаю Заниматься			Занимался раньше			Продолжаю Заниматься		
	муж	жен	все	муж	Жен	Все	муж	Жен	все	Муж	жен	все
Курсы	4,3	2,9	3,4	3,6	2,9	3,2	16,7	21,1	19,6	13,0	11,6	10,3
Занятия с репетитором	5,2	6,7	6,1	2,9	5,1	4,2	15,2	14,1	14,6	4,8	6,3	5,6
Кружок по интересам	32,2	49,3	42,4	20,6	18,7	19,5	35,9	42,3	39,2	5,9	11,3	8,7
Занятия музыкой	13,9	25,7	21,0	2,6	2,5	2,6	13,3	18,3	15,9	1,9	3,9	2,9
Спортшкола, секции	27,1	24,3	25,4	21,0	7,2	12,8	42,2	27,1	34,5	27,8	12,0	19,7

На разного рода курсах (иностранный язык, программирование, бухгалтерских, кройки и шитья и др.), дающих дополнительную профессию, занимался в недавнем прошлом и занимается сейчас каждый третий (31,9%), в различных кружках по интересам - каждый второй (47,9%), в спортивных школах и секциях – более половины (54,2%), в музыкальных школах - каждый пятый (18,8%). Причем, сравнение с 1990 годом выявляет заметную динамику роста интересов молодежи. Процент занимающихся в спортивных секциях, в тренажёрных залах вырос почти в полтора раза, с репетитором - в 2 раза, на курсах - в 5 раз. Лишь численность занимающихся в кружках снизилась почти на 30%, из-за их резкого сокращения и практически не изменилось число занимающихся музыкой.

Если учесть, что стоимость занятий на курсах, с репетитором, в музыкальных школах и в спортивных залах за эти годы возросла в несколько раз, то приведённая динамика интересов молодёжи свидетельствует об их устойчивости.

Однако обращает на себя внимание, тот факт, что разница между процентом занимающихся в прошлом и продолжающими заниматься за эти годы увеличилась. Если в 1990 году она колебалась в среднем в 2,2 раза, то в 1999 году в 2,5 раза, а по таким видам интересов как занятия в кружках разница в 1999 году составила 4,5 раза, обучение в музыкальных школах – 5,4 раза.

Этот факт вряд ли можно объяснить только возрастными изменениями интересов, хотя они, конечно, имеют место. Данная возрастная группа достаточно однородна и различия в интересах на разных этапах жизненного

старта объясняются скорее ограничением возможностей, прежде всего материальных, в их реализации. Большинству родителей становится не под силу оплачивать эти расходы, тем более, что поступление в ВУЗ теперь становится делом дорогостоящим. Риск нереализованных возможностей в физическом и духовном развитии молодёжи уже на этапе жизненного старта возрастает.

Об устойчивости когнитивных интересов молодёжи можно судить по её ориентациям на дальнейшее продолжение образования. Не намерены продолжать учёбу после окончания средней школы лишь 5,9% выпускников. Каждый четвёртый собирается это сделать обязательно, либо при необходимости. Это, безусловно, говорит о том, что в жизненных планах значительной части молодёжи присутствуют долгосрочные перспективы, связанные с получением профессионального и высшего образования. Окончание средней школы рассматривается ими не как верхняя планка образования, а скорее как трамплин для более энергичного социального старта. То есть общее среднее образование является своего рода предстартом в ориентациях примерно 25% молодёжи.

Вместе с тем, три четверти молодых людей не выразили готовности продолжать учёбу, что свидетельствует о неустойчивости когнитивных интересов большинства молодых россиян на этапе жизненного старта. Это подтверждает и тот факт, что 63% из них полностью или в основном удовлетворены своими знаниями, а значит не испытывают потребности в них. Причина по всей видимости кроется в отношении к образованию молодёжи со стороны общества. Сегодня оно мало востребуется.

Как показывают исследования существует достаточно устойчивая связь между индивидуальными и общественными потребностями. Раз юношу или девушку устраивает достигнутый уровень знаний, тем более и без того не востребованный обществом, то зачем учиться. Неопределённость потребностей, неустойчивость когнитивных интересов и отсутствие общественных стимулов их активизации повышает вероятность риска почти для 70% молодых людей остаться недоучками.

Переход к рынку не мог не изменить содержание ценностей молодёжи. Это проявляется уже в самом начале жизненного старта. В структуре ценностей 36,7% молодых людей доминирует инструментальное отношение к образованию, как к способу получения диплома или как к средству достижения других целей.

Юные прагматики такое же отношение проявляют и к труду. Две трети (59,8%) выпускников средней школы видят в труде неприятную обязанность или исключительно источник заработка. Причём минимальный уровень заработка, определяющий выбор работать или не работать значительно превосходит тот, которым довольствуются родители. Каждый десятый вообще не станет работать, если будет полностью материально обеспеченным. Ясно, что подобная ориентация ничего общего не имеет с трудовой этикой, характерной для молодёжи из развитых стран с рыночной экономикой. Следовательно, возникает риск воспроизводства в подрастающем поколении россиян худших образцов трудовой морали.

Приведённый анализ позволяет сделать вывод, что сегодня не приходится говорить о единой модели социального старта молодёжи. Это является следствием её социального расслоения. Чётко вырисовываются по крайней мере три типовые модели.

В первой, жизненные планы молодёжи ориентированы на высшее образование, на достижение которого направлены интересы и практическая деятельность 25 - 30 процентов молодых людей. Однако не следует думать, что все они мотивированы на приобретения знаний. Каждый третий из них руководствуется сугубо инструментальными мотивами, как например, получение диплома или отсрочки от армии.

Во второй модели социальный старт также связывается с образованием, но конкретные формы его продолжения не определены. Всё зависит от обстоятельств, к которым могут быть отнесены и наличие учебного заведения в районе проживания, и уровень знаний, полученных в школе, и наличие денег у родителей для оплаты учёбы на коммерческой основе, и многое другое.

Среди примерно 60 - 70% молодых людей, действующих в соответствии с этой моделью, большинство будут стремиться поступить в какое-либо профессиональное училище или техникум, ставя во главу угла не столько его профиль, сколько доступность при поступлении. Многие попытаются поступить в институт, но не очень огорчатся в случае неудачи. Работа ими рассматривается как нежелательное следствие неуспеха в образовательной стратегии.

Сторонники третьей модели (их около 10%) однозначно исключают для себя продолжение учёбы и направляют свою активность на поиск подходящей работы. Большинство среди них (67%) вынуждены так поступать по материальным соображениям. Поэтому основным критерием поиска является уровень оплаты. Содержание и даже условия труда принимаются во внимание в последнюю очередь.

К данной группе относится и та часть молодёжи с отложенным стартом, для которой досуговая деятельность более приоритетна, чем трудовая. Большинство из них рассчитывают на случайные заработки и на помощь родителей.

Как видно, во всех приведённых моделях присутствует большая доля риска. В каждой он разный, но общим является то, что социальный старт юношей и девушек всё больше становится их личным делом или делом их родителей. Общество же поворачивается к ним спиной, а государство умывает руки.

От чего же зависят стартовые позиции молодёжи и выбор стратегий поведения? Как было показано в предыдущем анализе они во многом определяются гендерными факторами. Решающее влияние здесь оказывают те различия ролевых структур, которые проявляются уже на этапе жизненного старта у юношей и девушек. Нельзя исключать и фактор акселерации, благодаря которой девушки быстрее достигают социальной зрелости, чем юноши.

Кроме гендерных особенностей на направленность и на выбор моделей жизненного старта без сомнения влияют и образовательный статус родительской семьи, и уровень её материального благосостояния, и региональные условия её жизни, и многие другие факторы. Однако степень их влияния не одинакова. Если проанализировать тесноту связи основных показателей жизненного старта по коэффициенту сопряжённости с различными факторами, то представится следующая картина (таблица 6.12).

Таблица 6.12.

Ранжирование факторов жизненного старта молодёжи по степени тесноты связи

Факторы	Интегральное значение коэффициента	Ранг
Образование матери	0,39	1
Образование отца	0,32	2
Регион проживания	0,24	3
Материальное положение	0,21	4
Пол	0,15	5

Как видно из таблицы, ведущее место по степени влияния на жизненный старт молодёжи занимает такой социокультурный фактор как образование родителей. Причём, образование матери оказалось более значимым фактором, чем отца. Это не случайно, и отражает исторически сложившееся распределение ролевых структур в российской семье. Мать ближе к детям и её влияние на них больше.

Опережающее влияние регионального фактора по сравнению с материальным также не случайно. Условия жизни в российских регионах настолько различны, что этот фактор является ведущим в формировании социокультурной среды обитания. К тому же, традиционные различия городского и сельского образа жизни, за последнее десятилетие стали более поляризованными. Заметно контрастнее проявляются различия в образе жизни крупных и малых городов. Всё это не может не отражаться на жизненном старте молодёжи.

Таким образом, на первый план выдвигаются социокультурные основания стратификации жизненного старта молодёжи. Это вполне закономерное явление в условиях тотального обнищания населения и поляризации его социально-экономического расслоения. Материальное положение молодёжи мало различается в подавляющем большинстве семей, находящихся за чертой бедности. Здесь оно является скорее общим знаменателем, чем стратификационным основанием. Но его влияние становится особенно заметным при сравнении моделей жизненного старта бедного большинства и богатого меньшинства молодёжи.

Что касается гендерных различий то, как уже отмечалось, они проявляются на уровне отдельных показателей жизненного старта, но степень их влияния меньше, чем других факторов.

Рассмотрим подробнее, каков механизм влияния социокультурных и социально-экономических факторов на жизненный старт молодёжи. Для этого проанализируем связь вышеперечисленных факторов с показателем структуры занятости молодёжи, поскольку в нём в значительной мере интегрируется влияние всех других показателей жизненного старта (таблица 6.12).

Данные таблицы подтверждают сделанный ранее вывод о преимущественном влиянии на выбор молодёжью своих стартовых стратегий образования родителей и прежде всего образования матери. Чем выше уровень образования родителей, тем больше в структуре занятости доля молодёжи обучающейся в средней школе и в ВУЗе. И наоборот, в семьях с низким образовательным статусом родителей повышается доля работающей молодёжи и приобретающей профессиональное образование в средних специальных

учебных заведениях. Отсюда неравенство жизненного старта молодёжи и социальная предопределённость его направленности.

Таблица 6.12

Распределение структуры занятости молодёжи в возрасте 15 - 18 лет в зависимости от образовательного и материального статуса их родительской семьи и региональных особенностей проживания.
(в % по группам)

Переменные Факторы		Структура занятости						безработные
		работают	учатся в школе	Учатся в пту, техникуме	учатся в вузе	работают и учатся	не работают и не учатся	
Образование матери	неполн. среднее	12,8	35,5	35,5	6,5	0,7	4,8	3,2
	полное среднее	5,5	39,3	34,3	10,0	5,2	3,6	2,1
	высшее	2,2	52,0	16,0	23,6	2,9	2,2	1,1
Образование отца	неполн. среднее	8,0	40,2	36,8	5,7	4,6	2,3	1,4
	полное среднее	3,9	43,3	33,1	11,5	3,0	2,6	2,6
	высшее	3,3	46,7	15,2	25,4	4,1	3,7	1,6
Регион Проживания	Москва и С-Пб	5,1	39,1	25,7	20,6	5,9	2,4	1,2
	Крупный город	3,2	46,9	30,9	13,6	2,1	1,1	2,2
	малый город	3,9	43,7	32,0	10,6	3,9	3,9	2,0
	село, деревня	15,9	37,9	28,2	8,4	2,1	4,7	2,8
Материальное положение	низко обеспеч	5,5	40,5	32,4	10,7	3,4	4,4	1,7
	высоко обеспеч	2,5	52,7	24,3	15,7	1,6	3,2	0

6.4. Возможности самореализации

Стартовые позиции, достигнутые в самом начале жизненного пути молодого человека, являются исходным пунктом его дальнейшей самореализации. Реализуя свой личностный потенциал, собственные способности и интересы, в процессе включения в общественную жизнь, молодые люди обретают и свой собственный социальный статус, осознавая и оценивая его. Поэтому самореализация включает в себя и процесс самоопределения молодёжи, поиск своего места в обществе, и процесс самоутверждения в различных сферах жизнедеятельности (в труде, в образовании, в политике), и процесс самовыражения молодого человека, т.е. осознания им собственного “Я”.

На этом пути он неизбежно сталкивается с многими препятствиями и трудностями, успешность преодоления которых зависит как от него самого, так и от тех возможностей, которые предоставляет ему общество. В обществе риска возможности самореализации претерпевают существенные изменения.

В индивидуально личностном плане риск в ситуации самореализации проявляется в неопределённости возможностей осуществить свои жизненные планы в соответствии со способностями и склонностями, выразить себя в результатах своей деятельности, ощутить свою индивидуальность и независимость от обстоятельств. Социальные же последствия неопределённости самореализации становятся очевидными в изменениях, которые происходят в социальном составе и в социальном положении молодёжи, в её социальной мобильности и в социальном расслоении.

Исследования, проводимые в разных странах, выявляют устойчивую связь между индивидуальными усилиями и успехом в сознании современной западной молодёжи. Молодые люди стремятся избирать цели в сфере профессионального самоопределения, отвечающие потребностям общества, с одной стороны, и совпадающие с их личными интересами, с другой. Однако социологи вынуждены делать неутешительный вывод, что в реальности движущие силы самореализации молодёжи находятся вне ее влияния и контроля²¹.

Отражая данную тенденцию, английские исследователи К.Эванс и Э.Фюрлонг выделяют пять видов стратегий самореализации молодёжи:

1. “Стратегическая” модель, основанная на осторожном планировании жизни посредством следования четким целям профессионального становления.

2. Модель “шаг за шагом”, в основе которой содержится неясный профессиональный выбор, поиск интересной профессии без четких профессиональных ориентаций.

3. “Использование шансов”. Данная модель тяготеет к ситуации, характерной для общества риска. Осознание молодёжью непредсказуемости тенденций в профессиональной и в других сферах и одновременная попытка реализовать свои интересы и амбиции путем продленного образования.

4. “Выжидательная” модель характеризуется комплексом жертвы риска, возникшим из-за предшествующих неудач, ощущением бесполезности действий и пассивным ожиданием удачного стечения обстоятельств²².

Разумеется, самореализация не сводится к достижению профессионального статуса. Помимо профессиональных достижений она включает создание семьи, обретение независимости от родительской семьи, обустройство собственного жилья и многое другое. Проблема заключается в затягивании статусных переходов по всем перечисленным показателям.

Более того, создание семьи, обустройство своего собственного жилья, рождение детей, и параллельное включение в трудовую деятельность, отмечают Найгел и Уоллас, ныне замещается разнообразием переходов к неким суррогатам. Это и партнерские отношения без их формализации, и рождение детей вне брака, и создание так называемого гражданского брака, и обретение своего жилья, в доле с кем-то еще и т. д.²³.

Другой английский социолог Б.Колс обращает внимание на тесную взаимосвязь разных типов самореализации молодёжи. В сущности, это не только вопрос одного вида перехода, скажем к трудовой деятельности, но комплекса одновременных переходов. Окончание школы и вступление в

трудовую жизнь неминуемо взаимосвязано с изменениями в семейном положении и жилищном статусе²⁴.

Так затягивание или откладывание на неопределенный срок выхода на рынок труда может негативно повлиять на реализацию других жизненных планов молодежи. Проблема затягивания может являться следствием различий в социальном положении семей, как родительских, так и собственных или продуктом неудач в достижении целей. В свою очередь, это приводит к нарастанию напряженности внутрисемейных отношений, выражаясь в конфликте между родителями и детьми.

Из сказанного следует вывод о том, что европейская молодежь сталкивается с проблемой самореализации. Риск для большинства молодых людей интенсифицируется и, как правило, индивидуализируется.

Индивидуализация по некоторым определениям означает приоритет индивидуальных интересов, амбиций и обязательств над классовыми связями и коллективными солидарностями²⁵. Более осторожен в формулировках известный британский ювенолог К. Робертс, соглашающийся с тем, что старые (социально-классовые) детерминанты по сей день действуют, однако призывающий видеть разнообразие индивидуальных конфигураций их проявления. В этом, по существу, и заключается феномен индивидуализации²⁶.

Следовательно, в то время как индивидуальным достижениям в современной социологии придается особенно большое значение, появление общества риска делает крайне затруднительным, а зачастую невозможным достижение жизненных целей в процессе самореализации. Причина этого может корениться как в классовых различиях, так и в социально-демографических, и в социокультурных. В ряде стран, как, например, в Британии, классовая принадлежность выступает одним из главных препятствий в реализации свободы выбора. Однако в других обществах, где классовое влияние не столь очевидно, главными ограничителями для молодежи могут выступать пол и возраст. Правда, с социологической точки зрения, половозрастные различия также рассматриваются в их социальном контексте.

Несколько иного взгляда придерживаются ранее цитируемый Э.Фюрлонг и его коллега Ф.Картмел. «Хотя такие социальные структуры как класс продолжают формировать нашу жизнь, - пишут авторы, - в обществе риска они имеют тенденцию становиться менее явными, что обусловлено ослаблением коллективистских традиций и усилением индивидуалистских ценностей²⁷.

Все это говорит в пользу плюрализации образцов молодежной самореализации в Европе в 90-е годы. Если еще вплоть до семидесятых годов в их основании доминировали старые образцы (класс, гендер и др.), то в 80-е и тем более в 90-е годы процесс самореализации заметно индивидуализируется.

В силу требований большей географической и профессиональной мобильности и пролонгированного образования молодые люди оказываются оторванными от своих семей, друзей, партнеров и вынуждены искать собственные индивидуальные способы интеграции. В итоге возрастает риск, но и воспроизводится многообразие моделей самореализации.

Подобные процессы происходят не только в сфере труда, но и в других сферах общественной жизни. Для современных молодых европейцев характерны весьма разнообразные образцы политического участия, досуговой деятельности, интеграции в общину и т. д. Однако это не значит, что все связи с традиционными институтами разрушены, хотя и подвергаются серьезным испытаниям.

Принимая сказанное во внимание, можно выделить основное во влиянии общества риска на самореализацию западноевропейской молодежи. Во-первых, обретение собственного профессионального статуса вынужденно откладывается молодежью из-за неопределенности на рынке труда и ограниченной перспективы трудоустройства; во-вторых, разрыв в возможностях успешной самореализации между молодым и старшим поколениями увеличивается; в-третьих, утрачивают влияние институциональные факторы самореализации одновременно с усилением тенденции ее индивидуализации.

В российском обществе риска неопределенность в процессе самореализации подрастающего поколения отразилась, прежде всего, в социальном составе и в положении молодежи в социальной структуре. Как уже отмечалось, произошло перераспределение занятости молодежи между государственным и негосударственным секторами экономики. Продолжается отток молодежи из сферы материального производства. В разных отраслях численность молодежи в составе рабочей силы сократилась за последние десять лет от 2 до 6 раз. Многие из оставшихся на производстве лишь числятся в штате, зарабатывая на стороне.

Развал колхозов и невозможность заняться фермерством маргинализировали значительную часть сельской молодежи. Растет ее отток из села в город. После 1991 года в 2,5 раза возросла доля молодых людей, стремящихся любыми способами перебраться на постоянное место жительства в город, где их никто не ждет, кроме криминальных структур.

Трудности, связанные с ограничениями в передвижении, являются непреодолимым препятствием для многих молодых россиян. К ним относятся и административно закрепленные ограничения, связанные с пропиской, с необходимостью регистрации, и многочисленные препятствия, возникающие в связи с отсутствием у молодежи средств для перемещений по территории страны в поисках места учебы или работы.

Иная ситуация складывается у молодежи в странах Евросоюза. Возможность беспрепятственного передвижения и коммуникации является одной из значимых ценностей, присущих молодежной группе в подавляющем большинстве западных обществ. Как показало европейское исследование, идеи свободного выбора места работы, жительства и учебного заведения в любой стране Евросоюза пользуются наибольшей поддержкой среди молодежи. За два года с 1995-1997 г.г. ими воспользовались 57% опрошенных молодых людей.

В результате рыночных реформ в России молодежь оказалась наименее защищенной частью трудовых коллективов и страдает от различных форм социальной дискриминации на основе возраста. Незаконное увеличение работодателем продолжительности рабочего дня, увольнения, штрафы, использование неоплаченного труда молодежи (особенно младших возрастных групп) в период продолжительного испытательного срока без твердых гарантий предоставления им впоследствии постоянной работы приняли по отношению к молодым работникам массовый характер. Не случайно при оценке влияния различных аспектов трудовых отношений и условий труда на возможности самореализации молодежь стала чаще отмечать значимость таких субъективных факторов как доброжелательный коллектив и отзывчивый руководитель.

Реформированная сфера труда не принесла молодым россиянам ожидаемой свободы в профессиональном самоопределении. Не сумев до конца избавиться от тотального влияния административно командной системы, они попали в новую зависимость, на этот раз от работодателей и акционеров, чья

деятельность не ограничена развитыми механизмами социальной защиты. Согласно данным исследования, лишь 12% молодых россиян верят в соблюдение прав человека в стране и равенство всех перед законом и только 9% - в наличие системы социальной защиты.

Значимым фактором, ограничивающим возможности самореализации молодёжи в сфере труда, как в западном, так и в российском обществе риска стала безработица. Она рассматривается экспертами в качестве одного из фундаментальных следствий как социально-экономической трансформации пост-социалистических странах, так и результатом изменений в экономике западноевропейских обществ в конце XX столетия. Группой, наиболее страдающей от безработицы, признаны молодые люди в возрасте до 25 лет. Почти каждый пятый молодой европеец старше шестнадцати, но не больше двадцати пяти не имеет работы. Во Франции, Бельгии и Корее трудовое участие молодежи особенно низко (10%). Для сравнения, в Дании оно находится на уровне 70% от численности молодежи²⁸.

Динамика изменений показателей молодежной безработицы составила в западных странах за последние два десятилетия 4% в год, что в два раза больше, чем в конце семидесятых годов. Так, к середине девяностых в Европейском сообществе зарегистрировано 20 млн. неработающей молодежи (таблица 6.13)²⁹.

Таблица 6.13.

Динамика молодежной безработицы в Европе, 1979-1997гг.
(в % по группам)

Страна	1979				1989				1997			
	15-19 лет		20-24 лет		15-19 лет		20-24 лет		15-19 лет		20-24 лет	
	м	ж	М	ж	М	ж	М	ж	м	ж	м	ж
Австралия	14,6	20,4	8,4	8,0	12,9	14,6	8,0	7,9	20,2	18,4	15,3	12,1
Австрия	-	-	-	-	-	-	-	-	6,0	14,5	5,3	4,7
Бельгия	-	-	-	-	16,3	29,5	10,7	19,0	27,2	39,3	16,4	24,4
Канада	16,3	15,8	10,9	10,3	14,5	11,4	10,9	9,0	22,8	20,7	14,4	12,6
Чешская республика	-	-	-	-	-	-	-	-	13,3	19,4	5,6	7,4
Дания	-	-	-	-	7,9	9,5	12,7	14,4	7,3	9,0	6,1	10,6
Финляндия	16,7	16,2	8,0	7,6	14,1	13,8	4,6	6,4	26,3	34,0	19,8	20,2
Франция	13,8	32,6	7,8	14,4	25,2	4,7	24,0	6,5	38,9	8,3	32,2	11,2
Германия	2,4	4,7	3,2	5,6	4,7	6,2	6,5	7,1	8,3	8,8	11,2	9,9
Греция	-	-	-	-	14,0	39,3	18,1	32,1	27,0	51,6	20,8	37,7
Голландия	-	-	-	-	14,1	20,5	9,2	10,5	13,6	16,0	6,3	6,2
Венгрия	-	-	-	-	-	-	-	-	28,4	29,3	14,3	11,0
Ирландия	12,7	12,3	8,3	5,0	29,1	27,2	19,3	14,6	20,2	23,2	15,7	12,5
Италия	26,5	39,7	17,9	24,3	34,0	48,9	25,1	36,9	30,9	42,9	28,4	38,2
Япония	5,4	2,7	3,2	3,3	8,0	6,0	3,8	3,8	10,3	7,6	6,2	6,1
Корея	-	-	-	-	7,7	7,9	9,5	5,5	11,6	8,7	8,9	6,2
Новая Зеландия	-	-12,0	-	-	15,8	15,8	13,1	9,5	16,3	15,8	11,0	10,7
Норвегия	8,8	-	4,9	4,3	17,7	13,8	9,4	9,5	15,4	15,6	7,8	9,1
Польша	-	30,0	-	-	-	-	-	-	28,6	39,1	20,5	26,2
Португалия	13,3	27,4	9,8	24,1	8,1	15,8	8,6	14,4	14,2	24,0	14,6	17,9
Испания	23,6	10,5	13,7	17,7	24,8	45,6	24,2	41,2	36,5	59,3	28,1	42,2
Швеция	9,7	-	3,8	4,0	5,4	5,4	3,3	3,1	28,2	26,7	21,7	20,4
Велико-	-	-	-	-	11,7	9,2	10,4	8,9	18,2	14,0	14,0	8,9

британия												
США	16,9	16,4	8,7	9,6	15,9	14,0	8,8	8,3	16,9	15,0	8,9	8,1
В среднем	13,8	18,5	8,3	10,6	14,1	18,4	11,3	13,9	18,5	23,0	13,4	15,4

Несмотря на отсутствие единой методики учета безработных, приведенные цифры способны дать представление об основных тенденция распространения молодежной безработицы в современных обществах. Прежде всего, они отражают процесс спада экономического бума, характерного для периода 60-70-х годов, но подорванного топливным кризисом 1973 года и последовавшей за ним серией кризисов монетаристкой политики.

Характерной чертой молодежной безработицы является доминирование женской безработицы в сравнении с мужской. Хотя соотношение женской и мужской безработицы сильно варьируется, просматриваются некоторые выраженные тенденции. Так, в странах Южной Европы (Италия, Испания, Португалия, Греция) женская безработица традиционно превышает мужскую на 10-12%. Противоположная тенденция доминирования числа безработных мужчин над своими сверстниками наблюдается в Канаде, Великобритании и Ирландии.

Особенно высокой мужская безработица остается во Франции, где ее уровень превышает аналогичные показатели по группе молодых женщин в 3-6 раз. Частично это объясняется большим уровнем интеграции молодых француженок в сферу образования, в то время, как молодые мужчины раньше выходят на рынок труда. Отсюда и устойчивое превышение числа безработных юношей, в сравнении с девушками, в младшей возрастной группе (15-19 лет).

В целом относительно благополучными могут быть признаны Австрия, Дания, Германия и Япония, где молодежная безработица удерживается на уровне ниже 10%. И, напротив, в Бельгии, Франции, Греции, Италии, Польше и Испании она достигла 35%.

Сводные данные показывают, что к концу 90-х годов один молодой европеец из десяти был лишен работы. Проблема хронической безработицы особенно остро встает перед молодыми людьми в возрасте от 20 до 24 лет, которые страдают от нее в три раза чаще, чем тинэйджеры³⁰.

В соответствии с современными тенденциями социальному исключению, посредством безработицы, подвержены низко квалифицированные кадры. По оценке некоторых специалистов, в 1997г. менее 10% обследованных владели какими-то профессиональными навыками, а около половины из них вообще не имели профессии. В абсолютном выражении 15 млн. 16-25-летних граждан Евросоюза не получили профессионального образования. Вместе с тем, 20% выпускников так называемой тренинговой системы приобрели профессии, не обеспечивающие устойчивое положение на рынке труда³¹. Таким образом, безработица является постоянной угрозой самореализации молодежи в обществе риска.

В России молодёжная безработица - явление новое не только для молодых людей, но и для их отцов и даже дедов. Хотя уровень занятости российской молодежи постепенно стабилизируется, безработица в ее среде остается высокой. Каждый третий из числа зарегистрированных на бирже труда - молодой человек в возрасте до 30 лет.

Можно выделить несколько особенностей молодежной безработицы в России. Во-первых, она возникла не просто вследствие падения производства, а в результате прекращения финансирования ряда его основных отраслей,

преимущественного сокращения рабочих мест, обеспечивавших материальное производство и традиционно занимаемых молодыми.

Во-вторых, по свидетельству Федеральной службы занятости, среди безработных преобладает молодежь, не достигшая 25-летнего возраста (20%). В связи с ухудшением материального положения населения и понижением возраста трудоустройства, подростки до 18 лет, не имеющие по закону статуса безработных, но фактически таковыми являющиеся, по данным Министерства труда и социального развития, составляют не менее 45% от общей численности безработной молодежи.

На эту категорию следует обратить особое внимание, поскольку именно она является источником формирования слоя с «нулевым статусом». Не получив профессионального образования и не будучи включенными ни в какие формы занятости, кроме досуга, молодые люди из этого слоя постоянно пребывают в ситуации риска и представляют реальную угрозу стабильности общества.

Возникает вопрос о социальных характеристиках данной категории молодежи. В биографиях немалой ее части обнаруживаются и неполные семьи, и различные формы социальной девиации, спровоцировавшие их исключение из школ.

Вместе с тем, в нее попали молодые люди, прежде не ожидавшие столкновения с проблемой «нулевого статуса». У многих из них, рассуждает применительно к ситуации в Великобритании социолог Г. Уиллиамсон³², были весьма четкие представления о своем месте в социально-профессиональной структуре. Однако, не поддающийся их контролю, не зависящий от них самих размах структурных преобразований, выбрасывает их на обочину общества, отчуждает от прав, дезорганизует и дезориентирует, вынуждая жить сегодняшним днем.

В основе процесса социального исключения молодежи посредством безработицы лежит деструктивный характер социально-экономических реформ в России, дисбаланс между всеми социальными элементами, ведущий к деформации интеграционных механизмов в сфере труда, превращению их в блокирующие механизмы. Социальные институты всё чаще не справляются с задачей включения в социальную структуру и распределения в ней новых членов, а, напротив, становится препятствием для социальной мобильности молодежи.

Похожие проблемы возникают и в самореализации молодежи в сфере образования. Неуклонно растет отсев учащихся из средней школы. Все больше молодых людей не имеют возможности продолжать свое образование в средней и высшей школе.

В процессе самореализации молодежи в обществе риска, таким образом, возникает цепь взаимосвязанных и взаимообусловленных явлений, когда социальное бессилие отдельных групп молодых людей является одновременно следствием трансформации и причиной, продуцирующей новые фазы исключения. Так в молодежной среде появляются различные группы с низким социальным статусом, депривилегированные, социально-отверженные, которые не выдержали жёсткой конкуренции в ситуации риска. Опасность дискриминации, отчуждения и маргинализации распространяется в условиях неопределённости профессионального самоопределения и на высокообразованных молодых специалистов.

Постоянно растущее число молодежи живет в условиях непредсказуемости и постоянного риска, обусловленного экономическими, политическими и правовыми факторами. Риск нисходящей социально-профессиональной мобильности и риск нереализованных возможностей являются доминирующими и вызывают у молодых людей чувства тревоги (21,1%), отчаяния (3,4%) или наоборот безразличия (13,8%). Каждый пятый молодой респондент опасается остаться без работы, а каждый второй – не справиться с материальными трудностями.

Эскалация этих и множества других состояний неопределённости самореализации молодёжи является признаком превращения российского социума в общество риска и индикатором социальной напряженности. Их результатами является отчуждение молодежи от общества, уход от действительности и погружения в мир собственных проблем, в разнообразные формы протестного поведения.

Неопределённость самореализации проявилась и в возрождении в социальном составе нынешнего поколения молодежи таких групп, как нищие, бомжи, беспризорники, беженцы, упоминание о которых можно встретить, разве что, в статистических справочниках 20-х годов. Конечно, рискуя, проигрывают не все. В этой связи нельзя не отметить и появление сравнительно небольшой (2-3%), но численно растущей группы богатых молодых людей, способных по их собственному признанию не отказывать себе ни в чем. Однако процветание большинства из них имеет весьма сомнительное, а часто криминальное происхождение.

Таким образом, анализ изменений в социальном составе нынешнего поколения российской молодёжи свидетельствует об усилении неопределённости самореализации молодых людей в обществе риска. Рассмотрим, как отражаются эти процессы на социальной мобильности молодёжи.

Чем шире возможности, раскрываемые обществом перед молодым человеком в реализации его интересов и способностей, тем больше вероятность его восходящей мобильности. Способствуя самореализации молодёжи в профессиональной деятельности, в образовании, в политической жизни, в создании собственной семьи, в досуге и в других сферах, общество развивается, совершенствует собственную структуру.

И наоборот, не участвуя в процессе социальной интеграции подрастающих поколений, тем более создавая препятствия им, такое общество повышает риск нисходящей мобильности и социального исключения молодёжи, обрекая себя на деградацию. Это наглядно проявляется в противоречивых тенденциях социально-профессиональной мобильности молодёжи.

Провозглашение профессиональной самореализации молодёжи в условиях рыночного саморегулирования личным делом каждого привело к тому, что в сфере материального производства, по сравнению с 1990 годом, почти в 2 раза выросла доля работающих молодых людей, не имеющих профессии. Это в основном подростки, которые бросили школу и пошли работать после её окончания. Они заняты на непривлекательной, низкооплачиваемой работе, получая гроши. Мало кто из них дорожит своим профессиональным статусом и надолго связывает себя с этой работой.

Вместе с тем, как уже отмечалось, почти три четверти (67,7%) занятых в народном хозяйстве молодых людей не просто имеют профессию, а получили профессиональное образование. Высокая профессиональная подготовка

означает соответствующий уровень потребностей, интересов и запросов молодых людей. Обеспечить его современное российское общество не в состоянии.

Относительно 1990 г. доля молодых рабочих, имеющих профессиональное образование, возросла в машиностроении (на 6,6%), в легкой промышленности (на 21,5%), в строительстве (на 5,9%). Однако, эта безусловно положительная тенденция теряет свое значение в условиях всеобщего спада производства, что повышает неопределенность профессиональной самореализации не только неквалифицированных, но и высоко профессиональных групп молодежи. Кроме того, остается высоким разброс по уровню профессиональной подготовки в структуре занятости молодежи (таблица 6.14).

Таблица 6.14.

Изменение уровня образования молодежи в различных профессиональных группах, 1997-1999 гг.

(в % по каждой группе)

Профессиональные группы	Уровень образования						Всего имеют профессиональное образование	
	Среднее общее		Среднее специальное		Неоконч. высшее; Высшее		1997	1999
	1997	1999	1997	1999	1997	1999		
Промышленные рабочие	23,3	27,0	47,2	58,6	10,7	6,5	57,9	65,1
Рабочие лёгкой промышленности.	23,5	22,7	70,6	68,2	3,0	4,5	73,6	72,7
Строительные рабочие	14,5	23,1	58,2	65,4	8,9	7,7	67,1	73,1
Сельскохозяйственные рабочие.	12,5	34,1	37,3	43,2	2,0	6,8	39,3	50,0
Транспортные рабочие	21,2	30,3	60,0	52,8	3,8	5,6	63,8	65,6
Инженерно –технич. работники	17,2	9,7	36,4	45,1	46,4	42,4	82,8	87,5
В целом	18,7	24,4	51,6	55,5	12,4	12,2	64,0	67,7

Как видно из таблицы 6.14, доля молодых рабочих, имеющих профессиональное образование, колеблется от 50% в сельском хозяйстве до 73,1% в строительстве. Естественно, резко выделяются работники, занятые преимущественно умственным трудом, доля дипломированных специалистов среди которых составляет 87,5%.

При этом, как показывают результаты исследования, имеется тенденция роста доли молодежи с начальным и незаконченным неполным средним образованием практически во всех отраслях производства. Можно было бы предположить, что она связана с притоком в эти отрасли подростков, бросивших школу. Но эта гипотеза подтверждается лишь частично. Более углубленный анализ, в том числе и среди призывников в армию, подтверждает наличие численно растущей группы молодежи с крайне низким уровнем образования, едва умеющих читать и писать.

О профессиональной самореализации можно судить по таким показателям, как уровень профессиональной квалификации, степень соответствия профессии выполняемой работе, отношение молодых людей к

своей профессии. Чем выше оценки этих показателей, тем устойчивее социально-профессиональное положение молодежи и выше уровень ее профессиональной самореализации (таблица 6.15).

Как видно из таблицы 6.15, за период с 1997 года во всех профессиональных группах заметно возросли оценки молодежью уровня своей квалификации, престижа и степени удовлетворённости собственной профессией. Это свидетельствует о положительной тенденции профессиональной самореализации молодых людей и роста их социально-профессионального статуса в последние два года.

Таблица 6.15

Сравнение характеристик социально-профессионального статуса молодежи в основных профессиональных группах материального производства. 1997 – 1999

(К - средневзвешенные коэффициенты по семибалльным, четырёхбалльным и трёхбалльным шкалам)

Профессиональные группы	Уровень квалификации К=7		Соответствие профессии выполняемой работе К=4		Престиж Профессии К=3		Удовлетворённость профессией К=3	
	1997	1999	1997	1999	1997	1999	1997	1999
Промышленные рабочие	4,14	4,45	2,74	1,94	1,66	1,70	1,18	1,58
Рабочие лёгкой промышленности	4,52	4,86	2,86	3,27	1,38	1,40	1,03	1,68
Строительные рабочие	3,84	4,61	2,60	2,57	1,40	1,96	1,50	1,84
Сельскохозяйственные рабочие	4,04	4,68	2,71	2,63	1,37	1,86	1,36	1,75
Транспортные рабочие	4,55	5,02	2,82	2,71	1,58	1,84	1,36	1,99
Инженерно-технич. работники	4,58	4,90	3,11	2,96	1,73	2,05	1,65	1,99

Вместе с тем, в большинстве групп, кроме лёгкой промышленности, отмечается усиление разрыва между профессией, приобретённой молодым человеком и фактически выполняемой им работой. В целом каждый третий (33,3%) молодой человек работает совершенно по другой специальности, испытывая риск не состояться в профессиональном плане.

Произошли изменения и в оценках престижа собственных профессий (таблица 6.16).

Таблица 6.16.

Изменение оценки престижа работы в различных профессиональных группах, в % по каждой группе. 1994-1999 гг.

Профессиональные группы	Отношение к своей работе							
	с гордостью		Равнодушно		со стеснением		Затруднились ответить	
	1994	1999	1994	1999	1994	1999	1994	1999
Промышленные рабочие	21,6	24,8	35,8	48,6	6,2	3,3	36,4	23,3
Рабочие легкой промышленности	14,9	26,7	37,3	36,4	11,9	5,9	35,9	31,0
Строительные рабочие	11,1	34,6	37,0	46,2	9,7	2,6	52,2	16,6
Сельскохозяйственные рабочие	21,9	25,0	46,9	54,5	6,8	2,3	24,9	18,2
Транспортные рабочие	23,2	24,7	43,0	53,9	0,1	2,2	33,7	19,1
Рабочие сферы торговли и коммунального хозяйства	23,3	23,4	49,5	46,1	17,2	7,0	10,0	23,4
Работники, занятые преимущественно умственным трудом	20,0	45,4	33,8	33,3	4,6	2,3	41,6	19,0

Из таблицы 6.16 следует, что во всех профессиональных группах за последние пять лет престиж профессий значительно повысился. Особенно заметный рост произошел среди работников преимущественно умственного труда, легкой промышленности и строительства. Возросшее ощущение профессиональной гордости у работающей молодежи является позитивной характеристикой ее самореализации в сфере труда.

За последние пять лет заметно расширились и возможности самореализации молодежи (таблица 6.17).

Таблица 6.17.

Сравнительная оценка возможностей повышения заработной платы, квалификации и продвижения по работе в различных профессиональных группах, 1994-1999 гг.

(средневзвешенный коэффициент по семибалльной шкале)

Профессиональные группы	Оценка возможностей			
	Повышения зарплаты	Повышения квалификации	Продвижения по службе	в среднем по профессии

	1994	1999	1994	1999	1994	1999	1994	1999
Промышленные рабочие	3,50	3,30	4,13	4,24	2,74	3,81	3,45	3,58
Рабочие легкой промышленности	3,39	3,72	3,63	4,0	2,72	3,04	3,24	3,58
Строительные рабочие	3,86	3,65	3,92	4,38	2,51	3,30	3,43	3,77
Сельскохозяйств. рабочие	2,25	3,34	2,37	3,63	1,68	2,52	2,10	3,10
Транспортные рабочие	3,57	4,00	4,1	4,67	2,6	3,51	3,42	4,06
Рабочие сферы торговли и коммуна. хозяйства	3,27	3,54	3,64	3,84	2,82	3,52	3,24	3,60
Работники, занятые преимуществ. умств. трудом	3,29	3,82	4,49	5,04	3,01	4,25	3,59	4,37

Наибольшие возможности самореализации молодежи, судя по усреднённым оценкам, отмечаются кроме занятых преимущественно умственным трудом, у транспортных рабочих ($K = 4,06$), у молодых строителей ($K = 3,77$), и у занятых в сфере торговли ($K = 3,60$). Самые низкие оценки возможностей в решении актуальных проблем труда отмечены у молодых рабочих села ($K = 3,10$).

Это коррелирует с распределением профессиональных групп молодежи по формам собственности. По данным исследования наибольший удельный вес занятых в частном секторе и индивидуально-трудовой деятельностью в группах торговли и коммунального хозяйства (56,1 %), строительных рабочих (44,8%) и транспортных рабочих (36,2%). То есть в нынешних условиях включенность молодежи в рыночные отношения является позитивным фактором ее профессиональной самореализации и расширенного воспроизводства профессиональной структуры. Это лишь подтверждает, что саморегулирование хорошо отлаженных рыночных механизмов способно до некоторой степени противостоят неопределённости в ситуации риска.

Более того, сама ситуация риска может способствовать приумножению духовных и физических сил человека, раскрытию его творческого потенциала. Подобный синергетический эффект риска оказывается значимым фактором самореализации молодежи. Анализ указывает на наличие связи между этими признаками (таблица 6.18).

Таблица 6.18.

Связь риска в жизненных ситуациях молодежи с оценкой возможностей самореализации
(средневзвешенный коэффициент по семибалльной шкале)

Оценка жизненной ситуации	Оценка возможностей					
	Найти работу	Повысить квалификацию	Повысить зарплату	Сделать карьеру	Защитить права	Сделать бизнес
Стабильность и	4,15	4,63	3,97	3,57	4,09	2,45

спокойствие						
Неопределенность и риск	4,05	4,49	3,74	3,78	4,07	2,77

Из таблицы следует, что в стабильных ситуациях молодые люди выше оценивают возможности найти работу, повысить квалификацию и даже заработную плату, чем в ситуациях неопределенности и риска. Зато в ситуации риска легче, по их мнению, сделать карьеру, продвинуться по службе, преуспеть в собственном бизнесе. Что касается возможности защитить свои права, то они, как следует из анализа, мало зависят от жизненных ситуаций молодых людей.

Еще более определенно связь между этими признаками просматривается при анализе направленности ориентаций молодежи на стабильность и на риск (таблица 6.19).

Таблица 6.19

Связь ориентаций молодежи на стабильность и на риск с оценкой возможностей самореализации.
(средневзвешенный коэффициент по семибалльной шкале)

Направленность ориентаций на:	Оценка возможностей					
	Найти работу	Повысить квалифик.	Повысить зарплату	Сделать карьеру	Защиты прав	Сделать бизнес
Надежность и спокойствие	3,94	4,49	3,55	3,60	3,97	2,40
Изменение и риск	4,30	4,77	4,06	3,92	4,40	3,20

Как следует из анализа таблицы 6.19, в социокультурном аспекте связь между риском и возможностями самореализации становится более заметной. По всем характеристикам самореализации оценки возможностей молодежи, ориентированной на изменение и риск существенно выше. То есть, молодые люди, предпочитающие, при наличии выбора, рисковать в среднем более высоко оценивают свои возможности достижения успеха, чем сторонники стабильности и надежности.

Очевидно группа молодежи, в моделях поведения которой доминирует стремление к изменению, даже ценой риска, имеет больше шансов реализовать свой потенциал. Это означает, что она и представляет инновационную составляющую расширенного воспроизводства социальной структуры. С ней общество в праве связывать надежды на обновление.

Однако, в ситуации риска может быть выигрыш, но велика вероятность и проигрыша. Поэтому степень их социальной интеграции во многом определяется успехом или неуспехом стратегии риска. Проиграл – значит не сумел реализоваться, оказался исключенным из общего процесса.

К сожалению, несмотря на наметившуюся в 1999 году положительную тенденцию самореализации молодежи, процент “проигравших”, т.е. не сумевших реализовать свои возможности в жизни или не имеющих таковых, достаточно высок. Ниже среднего уровня оценили свои возможности найти работу - 33,9% респондентов, повысить квалификацию – 23%, улучшить материальное положение – 44,6%, продвинуться по службе (сделать карьеру) – 43,8%, защитить свои права – 36,3%, сделать свой бизнес – 70,8%.

Не случайно изменение возможностей самореализации в обществе риска тесно коррелирует с тенденциями социального расслоения молодежи. Все

более заметными становятся различия между группами в ее составе. К традиционным социально дифференцирующим признакам (по формам занятости, по характеру и содержанию труда) добавляются новые - более значимые. Это социокультурные, этнонациональные, социально-пространственные, регионально-поселенческие, материально-имущественные.

Если в условиях развивающегося общества усиление социальной дифференциации молодежи имеет свои положительные особенности, так как появляются структурные возможности для реализации многоплановых групповых интересов и для её самореализации, то принципиально другая ситуация складывается в обществе риска.

В отсутствии механизмов институционального саморегулирования социально дифференцирующие признаки, приобретая статусное значение, усиливают социальное расслоение и ведут к дезинтеграции общества. Возможности самореализации в нём носят стихийный, зачастую зависящий от случая, характер.

Нечто подобное происходит с самореализацией молодежи в сфере политики. Более половины (52,4%) молодежи Европы указали на свою принадлежность к разного рода политическим, экономическим, культурным, религиозным организациям. Однако, молодежь распылена среди множества организаций и ее доля в них крайне мала. Так, движение за права человека, ассоциации потребителей, и даже профсоюзы сумели привлечь всего чуть более 4% молодежи. Политическая жизнь занимает одно из последних мест в структуре интересов молодежи в свободное время, значительно уступая общению с друзьями (73,4%) и занятию спортом (49,7%). В большинстве западных стран членство молодежи в общественно-политических движениях не превышает 1,5%. Исключение составляют лишь скандинавские страны – Швеция и Дания – в которых уровень общественной активности молодежи существенно выше общеевропейского и достигает соответственно 82,8% и 77,2%.

Другой формой социального участия для европейской молодежи, напрямую ассоциирующейся с ее гражданством в Европейском союзе, является право голоса, реализуемое на местных выборах. По данным исследования, электоральную активность проявляет одна пятая часть молодежи, что говорит о невысоком уровне ее политической самореализации.

Политическая самореализация определяется реальными, а не формально предоставляемыми возможностями оказывать влияние на расстановку политических сил в обществе через участие в голосовании. Ему предшествует участие в обсуждении предвыборных программ политических партий, кандидатов в депутаты в федеральные и местные органы власти, а также непосредственное участие в выборах. Исследования свидетельствуют, что в полной мере реализуют свои политические права менее трети современной молодежи.

У российской молодежи формальные возможности реализовать свой потенциал в политике достаточно высоки, учитывая значительный ее удельный вес (24%) в составе электората. К концу 1998 года численность молодежного электората увеличилась более чем на миллион человек, особенно за счет группы 18 – 19 летних – наиболее активной его части, поскольку первое участие в выборах традиционно воспринимается как одно из оснований обретения статуса взрослого. Однако, на самом деле реальных возможностей для практического

воплощения собственных интересов посредством голосования у молодых россиян мало.

Об этом свидетельствуют итоги выборов в Государственную Думу и Президента РФ. Многие молодые люди не воспользовались своим правом голоса, продемонстрировав политический нигилизм.

В результате исследований было установлено также, что нынешнее поколение молодежи не представляет собой единую политическую силу. Ее электорат раздроблен, политические ориентации и предпочтения выражены слабо и неопределенно, что делает эту группу населения удобным объектом для манипулирования со стороны тех, кто контролирует средства массовой информации. В последнее время для этих целей все шире используется INTERNET.

Во время выборов в Госдуму 38,1% молодых избирателей не определились в своем выборе, проголосовав против всех. Ни один блок или партия не получил поддержки большинства молодежи. За движение “Отечество – вся Россия” (Примаков, Лужков, Яковлев), занимавшее первую позицию в распределении голосов в молодежном электорате, голосовали всего 14% молодых людей.

Отмечая социальную неоднородность молодежного электората следует подчеркнуть, что относительно более четко определились в своих политических ориентациях молодая интеллигенция, предприниматели и студенчество, поддержавшие на выборах блок "Яблоко" (Г.Явлинский). Однако реализовали тем самым свои политические интересы менее 10% представителей этих групп молодежи.

Более консолидированное голосование молодежь продемонстрировала на выборах Президента РФ, во многом благодаря тому, что в программных заявлениях В.Путина содержались положения, созвучные социально-политическим ориентациям молодых людей. Главная из них – наведение порядка в стране. Проголосовав подобным образом, молодежь выразила свое неодобрение политики, проводимой прежним руководством и надежду на укрепление власти.

Таким образом, политическая жизнь в обществе риска имеет влияние лишь на ограниченный круг молодых людей, непосредственно включенных в нее, и не является пространством самореализации для широких слоев как западной, так и российской молодежи.

Изменяются и основания социальной стратификации молодежи. Ушли в прошлое такие стратификационные признаки, как принадлежность к партийной номенклатуре или доступ к распределению дефицита.

Исследования показывают, что заметно ослабло стратифицирующее влияние уровня образования и степени интеллектуального содержания труда. Сегодня расслоение происходит преимущественно по формам собственности, по доступности источников жизнеобеспечения (работы, зарплаты), по материальному и имущественному основаниям, по возможностям реализации своих прав, по принадлежности к силовым структурам. Именно по этим основаниям проходит граница неравенства возможностей самореализации молодёжи (таблица 6.20).

Таблица 6.20

Возможности самореализации молодёжи в зависимости от оснований социальной стратификации
(средневзвешенный коэффициент по семибалльной шкале)

Основания Стратификации		Возможности самореализации			
Основания	признаки	Повысить Квалификацию	повысить Зарплату	сделать карьеру	заниматься бизнесом
Форма Собственности	государственная	4,21	2,89	3,02	2,26
	частная	3,97	3,70	3,31	3,09
Материальн. Положение	высокообеспечен.	2,45	2,07	1,99	1,60
	малообеспечен.	2,28	1,51	1,59	1,33
Тип Поселения	Москва	2,36	2,02	1,90	1,45
	город	2,64	2,06	2,04	1,69
	село	1,99	1,49	1,50	1,27

Как видно из таблицы 6.20, стратификационные различия по формам собственности, по материальному положению, по типу поселения заметно проявляются в возможностях молодых людей и в повышении квалификации, и в улучшении жизненного уровня, и в коммерческой деятельности, и в социальном продвижении. Практически по всем перечисленным показателям, кроме повышения квалификации, возможности самореализации у молодых людей в госсекторе ниже, чем в частном секторе производства.

Возможность повысить свою квалификацию, безусловно, имеет важное значение для дальнейшего жизненного пути молодого человека, но при условии, что это сопровождается ростом заработной платы или влияет на её повышение. В противном случае высокая квалификация и профессиональное мастерство не являются основанием высокого социального статуса и перестают влиять на процесс самореализации.

Ещё более заметна связь возможностей самореализации с материально-имущественным расслоением. У бедных, а их абсолютное большинство в России, эти возможности существенно ниже, чем у богатых. Поэтому бедные в России беднеют, а богатые богатеют, усиливая тем самым социальное расслоение в обществе.

Различаются возможности самореализации молодёжи и в региональном разрезе. Хуже всего обстоит дело в сельской местности, где реализовать свои способности и интересы молодым людям заметно труднее, чем в крупном и даже небольшом городе. Вместе с тем влияние урбанизации на эти процессы имеет свои пределы.

Как видно из таблицы 6.20, в таком мегаполисе, как Москва возможности самореализации молодёжи существенно ниже, чем в других городах страны. Это объясняется, видимо, тем, что здесь уровень социальной стратификации в молодёжной среде и планка качества жизни выше. В Москве больше, чем в других городах России сосредоточено банков, всякого рода частных фирм и предприятий, в которых можно больше заработать и быстрее сделать карьеру. Стремление молодых москвичей устроиться туда на работу связано с существующими представлениями о статусе и качестве жизни. Однако для большинства из них это практически недоступно, что и отражается в более низких оценках реальных возможностей самореализации молодёжи в Москве.

Возможности самореализации связаны также со статусом молодёжи в национально-гетерогенной среде. Как показывают исследования, чем

устойчивее этнический статус в самосознании молодёжи, тем оптимистичнее выглядят оценки ею возможностей самореализации. Тогда как препятствия, возникающие в национальном самоопределении молодёжи, тем более её дискриминация на национальной основе, непосредственно отражаются на возможностях её самореализации. Это прослеживается при сравнении соответствующих оценок русской и татарской молодёжи (таблица 6.21).

Русская и татарская молодёжь выбрана для сравнения в силу различия оснований оценки статуса этих этнических групп. Русские представляют численно преобладающий этнос, татары - меньший по численности этнос, имеющий свою государственность внутри России.

Таблица 6.21

Возможности самореализации молодёжи в зависимости от статуса в национально-гетерогенной среде.
(средневзвешенный коэффициент по семибалльной шкале)

Возможности самореализации	Живущие в России в целом		Живущие в Татарстане	
	Русские	Татары	Русские	Татары
Повысить квалификацию	2,34	2,37	1,61	2,38
Повысить зарплату	1,79	2,10	1,05	2,22
Сделать карьеру	1,78	1,85	1,13	1,98
Заняться бизнесом	1,48	1,41	1,05	1,47

Как видно из таблицы 6.21, оценки возможностей самореализации у русской молодежи в целом по России по всем показателям ниже, чем у татарской, уровень этнического самосознания которой выше³³. Эта зависимость становится ещё более разительной при сравнении аналогичных показателей в группах русских и татар, проживающих в Татарстане. Возможности самореализации у русской молодёжи здесь заметно снижаются, что является основанием для предположения о наличии в республике известных ограничений и препятствий, проявляющихся на национальной основе.

Итак, процесс самореализации российской молодёжи в обществе риска имеет свои особенности. К числу факторов, оказывающих наиболее заметное влияние на этот процесс относятся: занятость на предприятиях с различной формой собственности, социальное расслоение по материально-имущественным основаниям, особенности национально-гетерогенной среды проживания, региональные различия условий жизни молодёжи.

6.5. В поисках нравственной опоры и социальных ориентиров

В процессе самореализации молодой человек особенно нуждается в надёжных жизненных ориентирах. Без прочной опоры на социальные и групповые ценности, существующие в коллективных представлениях людей, ему трудно обрести личностный смысл своего существования, определить цели, рассчитанные на ближайшую и отдалённую перспективы, выбрать адекватные действия в направлении этих целей. Благодаря нормативно-регуляционной

функции ценностей, мотивационная сфера сознания молодежи приобретает избирательный и целенаправленный характер.

Эффективность поиска подобных ориентиров, которые могут составить основу самосознания молодого человека, зависит как от него самого, так и от конкретной жизненной ситуации. В любом случае – это непростой и весьма противоречивый процесс. Однако он приобретает часто непредсказуемый характер в условиях неопределённости и в ситуациях сопряжённых с риском.

В западных странах идет смещение структуры ценностных ориентаций молодежи в сторону так называемой современной (пост-модернистской) модели, в которой индивидуальные свободы оказывают сопротивление традиционным (модернистским) ценностям. Однако темпы, а кое-где и направленность изменений существенно различаются, что определяется уровнем благосостояния молодежи в этих странах. Эту зависимость впервые зафиксировали в своих исследованиях в начале 90-х годов П.Абрамсон и Р.Инглехарт³⁴.

Иначе говоря, удовлетворив базовые потребности, связанные с комфортным существованием, современные общества демонстрируют идеалистические и универсалистские стремления³⁵. Причем, эти новые ценности сочетаются с традиционно либеральными: свободой, толерантностью, вседозволенностью³⁶.

Фактически, приходят к выводу некоторые обществоведы, пост-модернизм бросает вызов ценностям среднего класса³⁷. Возникает вопрос – не осталось ли общество без традиционных ценностей? В качестве примера часто приводится аполитичность молодежи, ее пассивность и отчужденность от социально-политических процессов. Однако более глубокий анализ показывает, что так называемая аполитичность молодежи связана с отсутствием на политической арене сил, способных выразить ее интересы, которые выходят за рамки предлагаемого политиками ассортимента идеологических доктрин.

Оказавшись, как и свойственно молодежи, на шаг впереди старших возрастных групп и вступив в эпоху постмодернизма, она исповедует постматериалистические гуманистические ценности, среди которых доминируют эгалитарные и «зеленые» ориентации. То есть, современная западная молодежь имеет вполне отчетливые ценностные представления, но при этом не выдвинула из своей среды некоего социального авангарда, способного конвертировать эти убеждения в политическую программу.

Наконец, в условиях массового манипулирования сознанием людей само политическое участие изменило для молодежи свое значение. Классические формы социально-политической активности утратили для нее интерес. На сегодняшний день более привлекательными для молодых европейцев являются глобальные наднациональные проекты, вроде охраны окружающей среды, борьбы за права человека, помощь развивающимся странам³⁸.

И индивидуализм тоже не является синонимом безнормности. Это лишь новая ценностная парадигма, отражающая современные тенденции развития обществ. Если 20 лет назад молодежь активно выступала за демократию и равенство, то сегодня главным для неё стало право на индивидуальность. Такой индивидуализм может рассматриваться в контексте актуализации ценности личных потребностей³⁹, которые в условиях неопределенности перспектив самореализации только усиливаются⁴⁰.

Поэтому не удивительно, что современная западная молодежь, чье детство прошло в комфортных условиях экономической и физической

безопасности, большее значение придает постматериальным и духовным ценностям. И такая ценность как качество жизни для нее более важна по сравнению с послевоенным поколением. На смену ценностям высокого дохода и материального достатка приходят духовные ценности человеческих взаимоотношений, саморазвития, качества жизни.

Между тем, ценности не одинаковы в различных социально-статусных и гендерных группах. Девушки более критичны в отношении социальных реалий и перспектив непрерывного социально-экономического роста. Именно девушки демонстрируют большую вариативность восприятия мира и плюрализм, чем юноши.

Просматриваются и региональные различия. На севере индивидуализм ценится выше, а сами молодые люди больше удовлетворены своим статусом. В Нидерландах Дании, Германии, где молодежь отличается стабильно высоким материальным положением, выше уровень толерантности. По данным французского социолога Ж.-Ш.Лагри, среди проблем, беспокоящих молодое поколение, называются проблемы расизма и экологии⁴¹. В целом, подчеркивает финский исследователь Х.Хельве, постмодернистские ценности вполне соответствуют социальному критицизму молодежи и отражаются в альтернативных движениях «Гринпис», «За права животных» «Феминизм», «Новый возраст» и др.⁴²

Иначе выглядит картина ценностей в южной Европе. На фоне сохранения на прежнем уровне ценности семьи, отрицается толерантность и вседозволенность. Молодежь в этих обществах более религиозна и проявляет большую социально-политическую активность.

Итак, главным фактором, определяющим доминирование материальной или пост-материальной системы ценностных ориентаций современной молодежи является степень удовлетворенности социально-экономическим статусом. Этот же фактор обуславливает политические ориентации молодежи - левые или центристские.

В российском обществе серьёзными основаниями для возникновения деформации ценностно-нормативной системы явились фундаментальные социально-экономические преобразования, а также негативные последствия непродуманных реформ. Усилившаяся индивидуализация сознания происходит на фоне разрушения жёстких традиционных форм социального контроля и отсутствия новых моральных границ. Вместе с тем, относительно свободная нормативная структура перестаёт воспроизводить твёрдые жизненные цели и нормы, способные стать надёжными социальными ориентирами. Это приводит к неопределённости жизненной позиции молодых людей, лишая их внутреннего смыслообразующего основания.

Как же российская молодёжь оценивает жизненную ситуацию в стране и свою позицию в ней? Об этом можно судить по распределению ответов молодых людей на вопрос анкеты – «С какими из следующих утверждений Вы согласны?», представленных в таблице 6.22.

Таблица 6.22

**Сравнительные оценки идентификаций молодёжи с различными
жизненными позициями, 1997 – 1999 гг.
(в % к опрошенным)**

Варианты утверждений	Согласны
----------------------	----------

	1997	1999
В нашей политической жизни столько неясного, что такому человеку, как я, трудно в ней разобраться	73,4	81,9
Сегодня кажется, что всё в жизни обесценивается	73,5	73,7
Сейчас все живут сегодняшним днём и не заботятся о будущем	51,4	64,8
Сегодня ни в ком нельзя быть уверенным	57,0	57,8
Сейчас, когда будущее не ясно, вряд ли стоит рожать детей	40,7	43,4

Оценивая подобным образом сложившееся положение в стране и идентифицируя свою точку зрения с перечисленными утверждениями, большинство молодых россиян фактически признали неопределённость и собственной жизненной ситуации, отсутствие твёрдой социальной позиции. Причём, по всем позициям наблюдается тенденция к росту неопределённости.

На прямой вопрос анкеты с просьбой, оценить в какой степени преобладает в жизни молодых людей стабильность и спокойствие или неопределённость и риск ответы разделились на три, примерно равные, доли. В жизни трети респондентов (30,6%) преобладает спокойствие и стабильность, у 34,4% - наоборот, неопределённость и риск, у остальных (35,0%) стабильность и риск присутствуют в равных пропорциях, видимо чередуясь в зависимости от конкретной ситуации. Следовательно, можно сделать вывод, что жизнь большинства (около двух третьих) молодых людей постоянно или эпизодически протекает в состоянии неопределённости и риска.

Рассмотрим насколько взаимосвязано состояние неопределённости с ценностно-нормативной структурой. Для этого выделим две группы молодёжи (оценившей свою жизнь как стабильную, спокойную и как нестабильную, с высокой степенью неопределённости) и сравним их ценностные ориентации в разных сферах жизнедеятельности. (Таблица 6.23).

Таблица 6.23

Сравнение ценностных ориентаций молодежи в зависимости от уровня стабильности её образа жизни
(в % по группам)

Ориентация на	Образование как ценность		Труд как ценность		Общение как ценность		Богатство как ценность		Лидерство как ценность	
	термин.	инструм.	термин.	Инструм.	термин.	инструм.	термин.	инструм.	термин.	инструм.
стабильность	67,2	32,8	51,2	48,8	71,5	28,5	49,3	50,7	32,7	67,3
неопределённость	63,3	36,7	44,3	55,7	70,7	29,3	33,4	66,6	33,9	66,1

Как видно из таблицы для стабильного образа жизни характерна доминанта терминальных ценностей. Лишь в сфере материальных отношений и в борьбе за лидерство актуализируются инструментальные ценности, поскольку здесь, прежде всего, реализуется достиженческий комплекс ориентаций.

В то же время нельзя не заметить тенденцию инструментализации ценностей молодёжи в условиях неопределённости. В наиболее выраженной форме этот процесс затрагивает ценности труда и материальной сферы, хотя отмечается его влияние во всех остальных сферах. В меньшей степени он отразился в общении, где соотношение терминальных и инструментальных ценностей в анализируемых группах различается незначительно, что лишний

раз свидетельствует в пользу вывода о сохраняющейся духовности российской молодёжи.

Таким образом, анализ подтверждает наличие связи между степенью социальной неопределённости образа жизни молодёжи и направленностью её ценностных ориентаций. Неопределённость жизненной ситуации деформирует ценности-цели и активизирует ценности-средства.

Вместе с тем, неправомерно делать вывод о разрушении ценностных систем в условиях риска. Скорее речь должна идти об изменении структуры ценностных ориентаций под влиянием усиливающейся социальной неопределённости и о воспроизводстве новых ценностей в обществе риска. Об этом свидетельствует сравнительный анализ духовных ценностей.

Терминальное их значение в условиях стабильности и неопределённости одинаково высоко (соответственно 70,5% и 68,2%). Более того, процент молодых людей, отрицающих все духовные ценности, т. е. потенциал бездуховности в обеих группах оказался практически одинаковым, что опровергает распространённую версию о доминанте бездуховности в обществе риска. Различаются духовные ценности молодёжи в условиях стабильности и неопределённости лишь по структуре (таблица 6.24).

Таблица 6.24

Сравнение духовных ценностей молодёжи в условиях стабильности и неопределённости
(средневзвешенные коэффициенты по семибалльной шкале)

Духовные ценности	Стабильные условия		Неопределённые условия	
	К	Ранг	К	Ранг
Общение с любимым человеком	6,29	1	6,31	1
Общение с близкими, друзьями	6,28	2	6,24	2
Природа	5,28	3	5,4	3
Кино	5,09	4	5,2	4
Эстрада, поп-музыка	4,64	5	4,64	5
Литература, поэзия	4,06	6	4,08	7
Спорт	3,87	7	4,13	6
Памятники старины, храмы	3,79	8	3,80	9
Театр	3,70	9	3,99	8
Классическая музыка	3,30	10	3,29	12
Живопись, скульптура	3,26	11	3,39	11
Народная музыка	3,21	12	3,42	10
Рок-музыка	3,07	13	3,25	13
Молитва, обращение к Богу	2,98	14	2,98	14

При анализе таблицы обращают на себя внимание по крайней мере два обстоятельства. Во-первых, несмотря на заметную консервативность духовных ценностей, их структура претерпела некоторые изменения в условиях неопределённости. Ценности в мире спорта заняли более высокую позицию по сравнению с ценностями в области литературы и поэзии, отодвинулась на две позиции ценность классической музыки, зато повысились ценности народной музыки и театра.

Во-вторых, неопределённость не только не отмечена признаками стагнации ценностей, а наоборот абсолютное значение средневзвешенных

коэффициентов, характеризующих духовные ценности молодёжи в условиях неопределённости, несколько выше аналогичных в условиях стабильности. В целом же духовная составляющая ценностно-нормативного сознания российской молодёжи пока ещё является значимым фактором социально-нравственного регулирования её поведения, как в условиях стабильности, так и неопределённости.

Однако, нельзя не обратить внимание на некоторую размытость выявленных тенденций. Правомерно было бы ожидать более контрастных различий ценностных ориентаций в стабильных условиях и в ситуации неопределённости. Видимо это связано с тем, что в группе респондентов, охарактеризовавших свою жизнь как нестабильную, с высокой степенью неопределённости, большинство (60,9%) не удовлетворены этим состоянием, стремясь к стабильности и спокойствию. И только третья часть из них (29,6%) предпочитают, при наличии выбора, изменение и риск. Поэтому для того, чтобы проанализировать процесс воспроизводства новых ценностей, характерных для общества риска, рассмотрим именно эту группу российской молодёжи - склонной к риску.

В её составе 41,2% работают, 31,9% учатся, 6,4% работают и учатся, 3,9% учатся и подрабатывают, 14,7% временно не работают и не учатся и 2% безработных. Пропорционально представлены в ней и все возрастные когорты. То есть, полностью соответствуя выборочной совокупности и вполне репрезентируя мнение этой части молодёжи, данная группа представляет собой особое социокультурное образование, характеризующееся позитивным отношением к риску.

Сравним ценностные ориентации этой группы и молодёжи, предпочитающей надёжность и спокойствие (таблица 6.25).

Таблица 6.25

Изменение ценностей молодёжи в зависимости от ориентаций на стабильность и на риск
(средневзвешенные коэффициенты по семибалльной шкале)

Ценности	Ориентации молодёжи			
	на стабильность		на риск	
	К	Ранг	К	Ранг
Интересная работа	6,19	1	6,18	2/3
Семья, домашний уют	6,16	2	5,88	6
Материальный успех	6,15	3	6,18	2/3
Знания, профессионализм	6,09	4	6,19	1
Стабильность в обществе	6,00	5	5,92	5
Свобода выбора	5,89	6	5,95	4
Порядочность	5,77	7	5,45	9
Равенство возможностей для всех	5,69	8	5,26	10
Сексуальная гармония	5,34	9	5,62	8
Предприимчивость и риск	5,02	10	5,63	7
Красота в природе и в искусстве	4,97	11	4,98	12
Власть	4,46	12	5,03	11
Вера в Бога	3,80	13	3,52	13

Уже по первым четырём позициям заметны принципиальные различия в структуре ценностей этих групп молодёжи. Молодые люди, ориентированные

на стабильность и спокойствие, моделируют свою жизнь вполне традиционно – интересная работа, домашний уют в семейном кругу, материальный успех, знания и профессионализм.

В иной последовательности распределяются ценности у тех, кто стабильности предпочитает изменение и риск. На первом месте – знания и профессионализм. Работа и материальный успех делят вторую и третью позиции, указывая на прямую связь между ними, а на четвёртое место выходит ценность свободы выбора. Более предпочтительными для них оказываются и такие ценности как предприимчивость, риск, сексуальная гармония и власть. Здесь явно просматривается приоритет достиженческого комплекса ценностей, хотя и с российской спецификой.

Эта специфика связана с кризисным, крайне неустойчивым состоянием общества. Поэтому не случайно пятую позицию в структуре ценностей не только в первой группе, что вполне объяснимо, но и во второй, ориентированной на риск, занимает стабильность в обществе. Тем самым молодёжь как бы демонстрирует понимание, что и спокойствие, и надёжность, и изменения, и риск могут нормально сосуществовать только в стабильном, динамично развивающемся обществе.

«При наличии выбора, что бы Вы предпочли – надёжность и спокойствие или изменение и риск?» (Таблица 6.27).

Таблица 6.27

Соотношение групп молодёжи по направленности ориентаций на стабильность и на риск, 1990 – 1999 гг.
(в % по группам)

Ориентации на:	Распределение по годам:			
	1990	1994	1997	1999
Надёжность и спокойствие	38,8	47,0	60,4	68,0
Изменение и риск	37,8	26,5	18,5	20,2

Анализ таблицы позволяет выявить две тенденции. Во-первых, последовательный рост доли молодёжи, предпочитающей надёжность и спокойствие, что отражает её стремление противостоять усиливающемуся кризису в обществе. Тем самым активизируется воспроизводственная функция этой группы и как следствие – стабилизация самого общества.

Во-вторых, динамика роста удельного веса молодёжи, ориентированной на изменение и риск, совпадает с периодами усиления кризиса и социальной неопределённости в обществе. Как видно из таблицы эти периоды связаны с развалом СССР, а также с последствиями «обвала рубля» в августе 1998 года. Другими словами, усиливающиеся неопределённость и нестабильность в обществе как бы включают своего рода защитные механизмы, активизируя инновационный потенциал молодёжи.

Таким образом, в обществе риска роль молодёжи как фактора общественного воспроизводства возрастает. Активизация её воспроизводственной функции, направленной на преемственность базовых ценностей, препятствует разрушительным тенденциям в условиях неопределённости, способствуя социальной стабилизации, а усиление её инновационной функции, связанной с обновлением ценностно-нормативной системы, компенсирует возможные негативные последствия в ситуации неуспеха риска и служит основанием развития общества.

6. 6. Кризис социальной идентификации

Поиск молодыми людьми нравственных смыслообразующих начал не отделим от процесса формирования идентичностей. Идентифицировать себя с теми или иными группами означает признать своими их нормы и ценности, осознать свою неразрывную связь с социальным окружением, ощутить готовность к слиянию с ним и максимальной отдаче.

В социальном плане посредством самоидентификации, достигается устойчивость социальной интеграции молодого поколения. Не случайно с периодом становления более или менее устойчивых идентичностей связана одна из трактовок молодежи как социального феномена⁴³. Общеизвестной особенностью молодежи является изменчивость ее идентификационных моделей. Их подвижность приобретает закономерный характер под воздействием изменений внутри самой молодежи и в обществе в целом. Развитие общественных систем от традиционности к современности приносит разнообразие в социальные связи индивидов и групп, обуславливая разветвление идентификаций.

Современная социология содержит различные подходы к эмпирическому анализу этого процесса. В одних, за основу принимается принадлежность к определенному социальному классу, гендеру или этносу⁴⁴, в других - формы производства, потребления и воспроизводства в таких сферах, как образование, семейная жизнь, досуг, рынок труда⁴⁵, в третьих - на первый план выдвигается состояние неопределенности и риска.

Однако при всех концептуальных различиях, большинство авторов приходит к выводу о том, что с появлением в конце XX столетия общества риска идентичность молодежи отразила общие тенденции дестабилизации европейских обществ. Она стала постепенно утрачивать целостность и устойчивость, становясь более изменчивой и дезинтегрированной⁴⁶. Вследствие этого, как уже отмечалось в предыдущем параграфе, в молодежной среде появилась склонность к отрицанию прежних коллективных идентичностей в пользу новых индивидуальных ценностей⁴⁷.

Факт трансформации идентичностей под воздействием риска представляется вполне установленным. Вместе с тем, остается малоизученным вопрос, каковы особенности этого процесса в западных и в российском обществах риска.

В европейских обществах развитие постмодернизма, отождествляемого западными социологами с обществом риска, оказало заметное влияние на положение молодежи. В соответствии с распространенной точкой зрения ее становление как субъекта социальных отношений происходит в условиях экономической и социальной маргинальности. По общему мнению исследователей, отмечается большая, чем прежде неопределенность и фрагментация жизненного старта, жизненных шансов и жизненного пути молодежи в современной Европе⁴⁸.

Трудности в реализации молодежью своих амбиций, провоцируют частичное или полное отрицание норм и ценностей этих обществ, обуславливают поворот в сторону альтернативного комплекса идентичностей. Такой поворот становится наиболее вероятным, если альтернативные ценностно-нормативные основания обеспечивают желаемую защищенность и уверенность.

В числе примеров подобной альтернативной карьеры, британский социолог Б.Колс рассматривает, наряду с откровенно криминальной деятельностью и так называемую не декларируемую занятость, то есть

нелегальное сочетание трудовой деятельности с получением пособия по безработице. К этой категории он относит тех, кто попросту ищет компенсации тяжелой, изнурительной и низко оплачиваемой работе и тех, у кого не получилось включиться в регулярную легальную трудовую деятельность. Причем, для второй группы молодых людей - это едва ли не единственная возможность обеспечить реализацию базовых потребностей⁴⁹.

Оппонируя попыткам рассматривать криминальную деятельность как своеобразный молодежный эксперимент со стилем жизни, Колс настаивает на том, что альтернативная идентичность вовсе не является преднамеренным выбором или результатом развития молодежи. Проблема в другом. А именно, препятствуют ли европейские общества этому виду деятельности или, наоборот, посредством «легитимации ограниченной структуры занятости» неосознанно стимулируют вовлечение и идентификацию представителей молодого поколения с преступными сообществами⁵⁰. Тем самым, незащищенные категории молодежи, неспособные повлиять на собственный социальный выбор, уже на этапе жизненного старта подвержены трансформации идентичностей и социальному исключению.

В данном случае невозможность молодыми людьми решить свои жизненные проблемы и их неизбежное социальное исключение, становятся не следствием, а предпосылкой несоответствия таким социально значимым идентификационным образцам, как быть «хорошим гражданином». Противоречие между целью и средствами ее достижения обуславливает характерные ситуации неопределенности идентичности среди западноевропейской молодежи.

В условиях нестабильности и кризиса российского общества риска данное противоречие обостряется в связи с неопределенностью общественных целей. В таком обществе отсутствует консенсус в понимании, что вообще означает быть «хорошим гражданином».

Отметим, что большинство теоретических и эмпирических конструкций феномена гражданства, так или иначе, восходят к Маршалловской концепции⁵¹. В широком плане, она включает определение прав и обязанностей не только в политической сфере, но и экономической, и социальной. Безупречная гражданская позиция индивида складывается из разнообразных качеств, среди которых патриотизм и законопослушание, добропорядочность и недопустимость компромисса с совестью. Они формируются и закрепляются в сознании при условии соответствующих стимулов со стороны общества, а также средств для их реализации.

В случае отсутствия таких стимулов, неясности целей и средств их достижения молодые люди вынуждаются к поиску оснований для идентификации вне институционально одобряемых образцов - в неформальных, теневых и криминальных структурах. Возникает кризис идентичности. Именно такие противоречия отмечаются в среде современной российской молодежи. Широкая палитра явлений кризиса идентичности включает изменения в ее историческом, гражданском, правовом сознании.

История российского общества отмечена множеством примеров разрушения преемственности идентификационных оснований в историческом сознании молодых россиян. Сведение нынешних российских реформ к тотальной переоценке всего, что прежде представлялось важным и

значительным спровоцировало очередной виток кризиса идентификаций в молодежной среде.

Его социальный механизм раскрывается следующим образом. Социальная самоидентификация молодых людей находится в непосредственной связи с процессом социальной интеграции и становления гражданственности этой социально-демографической группы. Идентификация, основанная на осознанной связи с социальным окружением, отражается в мотивационной сфере молодежного сознания в виде готовности к принятию гражданских обязанностей перед обществом и к проявлению максимальной социальной активности.

Самоотождествление молодого поколения с обществом, со страной выражается в форме преемственности и воспроизведения в своей среде всей совокупности социокультурных ценностей. Тогда юридическое гражданство, подкрепляемое формированием гражданской позиции или гражданственности, образуют в совокупности устойчивые формы идентичности молодых индивидов. Эти идентификационные формы дают ощущение постоянства, тождественности и непрерывности некоторой картины мира, разделяемой с другими людьми (Эриксон) и составляют сущность «онтологической безопасности личности» (Гидденс).

Ощущение людьми уверенности в преемственности окружающего социального и материального мира, в котором они действуют, обуславливает устойчивость социального взаимодействия на макро уровне. В противном случае идентификационные модели молодежи противоречивы и неопределенны, а в некоторых ситуациях проявляется делинквентная идентификация. Подобные девиации рассматриваются А.Ковалевой как итог отклоняющейся социализации молодых индивидов⁵².

Нередко возникают явления так называемого идентификационного моратория, в основе которого лежит процесс отчуждения молодежи от общества. Растет доля молодых людей ни с кем и ни с чем себя не идентифицирующих, ориентированных на самих себя, проявляющих гипертрофированную склонность к «Я»- идентичности, поощряемую увлеченными либеральной риторикой СМИ и определенным слоем интеллигенции. Происходит «индивидуализация» идентичности. Проявляясь в отсутствии кумиров, в недостатке явно выраженных образцов для подражания она может рассматриваться как характеристика современности, своеобразный признак независимости, стремление не быть таким, как все, хотя бы на вербальном уровне.

По всей видимости, в российском обществе - это очередная форма проявления посттоталитарного синдрома, упомянутого выше. После долгих лет навязывания идентификационных символов, в роли которых чаще всего выступали выхолощенные, лишённые человеческой сущности национальные герои и передовики производства, за молодежью признано право самостоятельного выбора. Правда, в условиях царящего нигилизма новые авторитеты с точки зрения морали и нравственности далеко не всегда безупречны. Поэтому поиск собственного идеала превращается для молодого индивида в непростую задачу.

На уровне эмпирического анализа при построении идентификационных моделей качественными признаками служили варианты ответов на следующий вопрос: «Что означает для Вас быть гражданином России?». Согласие респондента, оцениваемое по четырехбалльной шкале, с такими вариантами

ответов как «любить Родину», «быть причастным к ее прошлому и к настоящему», «проявлять готовности к ее защите» интерпретировалось в качестве значимого признака *полной* гражданской идентификации.

Состояние идентификационного кризиса оценивалось по двум признакам. Ответ «ничего не означает» рассматривался как признак *неопределенной* идентификации.

Положительные варианты ответа в форме «одобряю» и «скорее одобряю» на вопрос «Как Вы оцениваете стремление некоторых молодых людей делать деньги любой ценой, даже в обход Закона?» интерпретировались как признак *делинквентной* идентификации. В данном контексте, исходя из толкования идентификации как интериоризации некоторых норм и ценностей, *делинквентная* идентификация отождествляется не столько с криминальными установками и тем более не с криминальной деятельностью, сколько с деформацией правового сознания молодого поколения. Его очевидным признаком стала достаточно распространенная толерантность в отношении целого ряда правонарушений – взяточничества, мошенничества, уклонения от налогов и некоторых других, противоречащих здоровой гражданской позиции.

По данным исследования 1999 года, в общем массиве российской молодежи выделенные признаки распределились следующим образом: респонденты, идентифицировавшие себя со страной в целом – 42,2%, не имеющие определенной идентификации – 7,5%, склонные к *делинквентной* идентификации – 12,3%. То есть, с некоторой степенью условности можно сказать, что идентификационный кризис затронул каждого пятого молодого человека.

Однако, для целей анализа важно не столько процентное соотношение выделенных признаков, сколько представление о характере связи полученных идентификационных моделей молодежи с риском. Об этом можно судить на основе корреляции идентификационных признаков с оценкой молодежью своей жизненной ситуации. По семибалльной шкале производилась оценка респондентом, в какой степени в его жизни преобладают стабильность и спокойствие, а в какой неопределенность и риск. (Таблица 6.1).

Таблица 6.1.

**Связь идентификационных признаков с оценкой молодежью
своей жизненной ситуации**
(средневзвешенные коэффициент по семибалльной шкале)

Идентификационные признаки	Оценка жизненной ситуации по семибалльной шкале в %							
	1	2	3	4	5	6	7	К
Полная идентификация	5,0	8,9	17,0	35,0	21,7	8,2	4,1	4,0
Неопределенная идентификация	11,5	14,8	13,1	37,7	14,8	3,3	4,9	3,59
Делинквентная идентификация	7,0	6,5	14,0	29,0	25,0	11,0	7,5	4,21

Как видно из таблицы 6.1, относительно низкое значение средневзвешенного коэффициента, что характеризует тенденцию в оценках респондентом своей жизненной ситуации, как приближающуюся к стабильному уровню, соответствует *неопределенной* идентификации. Наоборот, относительно высокое значение коэффициента, свидетельствующее о

повышенном уровне риска в оценках своей жизни респондентом, характерно для делинквентной идентификации. Это означает, что кризис идентификации отражается в крайних формах минимизации и максимизации риска молодым человеком. Полная же идентификация способствует уравниванию этих крайностей в его сознании, что проявляется в более взвешенном подходе к оценке жизненной ситуации, а значит в большей уверенности в себе.

Состояние идентификационного кризиса в среде российской молодежи проявилось и в ее отношении к стремлению радикального крыла реформаторов «наспех переписать историю». (Таблица 6.2).

Таблица 6.2.

Отношение молодежи к фактам новой интерпретации исторических событий, 1999 год.

Варианты ответов	В % к ответившим
Считают правильным, так как это важно для настоящего и будущего	33,0
Считают это не допустимым, так как нельзя манипулировать историей	36,1
Безразличны к истории	30,9

Подобное распределение ответов, в соответствии с так называемым правилом «трех третей», т.е. разделения респондентов на три более или менее равные доли, отражает состояние неопределенности исторического сознания молодых россиян. Кризис идентификаций проявился у каждого третьего молодого человека, выразившего безразличное отношение к истории своей страны. И это не удивительно. Только за последние полтора десятилетия их сознание подвергалось неоднократной интервенции: едва успевавшие пройти легитимацию, ценностные ориентации уступали место новым, не редко противоположным, представлениям и ориентациям. И сегодня молодежное сознание демонстрирует не столько поляризацию, сколько дезориентацию.

Подобное распределение характерно для большинства групп молодежи и практически не зависит от возраста, пола или уровня их материального положения. Некоторые отличия обнаружены лишь в группе молодых интеллигентов. Среди них доля индифферентно относящихся к переоценке прошлого меньше, а мнения в поддержку и против переоценки разделились поровну (по 38%). Отсюда следует, что рассогласованность представлений о базовых ценностных императивах на институциональном уровне, в массовом и индивидуальном сознании конвертируется в неопределенность исторических идентичностей молодежи.

Рассогласованность различных идентификационных моделей с базовыми ценностями прослеживается и в других сферах жизнедеятельности молодежи: образования, труда, межличностного общения. (Таблица 6.3).

Таблица 6.3

Связь идентификационных признаков с ценностями в различных сферах жизнедеятельности молодежи

Идентификационные Признаки	Терминальные и инструментальные значения ценностей по сферам жизнедеятельности, в %		
	Образование	Труд	Общение

	<i>Т</i>	<i>И</i>	<i>Т</i>	<i>И</i>	<i>Т</i>	<i>И</i>
Полная идентификация	65,6	34,4	47,5	52,5	73,8	26,2
Неопределенная идентификация	57,4	42,6	55,7	44,3	64,0	36,0
Делинквентная идентификация	60,0	40,0	36,5	63,5	68,0	32,0

Вместе с тем, результаты исследования не подтверждают факт полного разрушения исторической составляющей гражданских идентичностей в сознании молодых россиян. Так, ситуация риска мало повлияла на такое идентификационное основание, как причастность к прошлому и настоящему страны. Более того, ряд исследований подтверждает факт обращения молодого поколения в прошлое, в частности, в форме «бегства во вчера» (термин Е. Гришиной). Состояние неопределенности и неудовлетворенность социальной действительностью стимулируют их поиск оснований для идентичности не в настоящем и будущем, а в прошлом.

Этому способствует трансляция, предыдущими поколениями, часто на эмоциональном уровне, субъективных представлений об образе жизни советского периода. «Его (*прошлого*) опорные элементы, пишет Е.Гришина, - справедливость, безопасность, уверенность в будущем, гордость, радость, отсутствие страха, то есть место, где можно чувствовать себя спокойно»⁵³, составляют суть стремления к онтологической безопасности. Тем самым мифологизированное прошлое воспроизводится в виде референтного образца, в том числе и в сознании постсоветской генерации.

Более сложная зависимость от риска таких составляющих гражданской идентификации как «любовь к Родине», и «готовность ее защищать». Лишь четверть молодых людей гордится своей страной, ассоциируя ее с режимом, ввергнувшим нынешние поколения в разруху и кризис. Причем, среди молодежи, оценивающей свою жизнь как нестабильную, полную риска, эта доля в полтора раза ниже, чем в группе со стабильными условиями жизни. Следовательно, риск не разрушает, а существенно деформирует патриотические основы гражданской самоидентификации молодежи.

Сегодня очевидной становится направленность этих деформаций. Условия неопределенности и риска в жизни молодых россиян имеют своим следствием рационализацию гражданских отношений и идентичностей. (Таблица 6.4).

Таблица 6.4

Сравнение идентификаций молодежи в сфере гражданских отношений в зависимости от характеристики жизненных ситуаций, 1999 г.
(средневзвешенные коэффициенты по семибалльной шкале)

Понятие «гражданство» ассоциируется:	Оценка жизненной ситуации			
	Стабильность		Риск	
	<i>К</i>	<i>Ранг</i>	<i>К</i>	<i>Ранг</i>
с принадлежностью к государству	5,41	1	5,01	1
с конституционными правами	5,11	2	4,55	4
с долгом, с обязанностью	4,93	3/4	4,94	2
с национальным достоинством	4,93	4/3	4,78	3

с безопасностью, с защищенностью	4,87	5	4,45	5
с патриотизмом	4,32	6	4,37	6

Из анализа данных, приведенных в таблице 6.4, становится очевидной тенденция рационализации гражданского самосознания части российской молодежи. Связывая эту тенденцию с выводами, приведенными выше, можно утверждать, что в современном кризисном российском обществе сформировались две модели гражданских идентичностей в молодежной среде в зависимости от условий жизни. «Модель стабильности», отражающая процесс рационализации неопределенных идентификаций, и «модель риска», с доминирующей тенденцией делинквентной идентификации. (Таблица 6.5).

Таблица 6.5

Сравнительные характеристики моделей гражданской идентификации молодежи

<i>«Модель стабильности»</i>	<i>«Модель риска»</i>
Гражданство, как принадлежность к государству, ассоциируется, прежде всего, с гарантией конституционных прав. Их оборотной стороной являются долг, обязанности и чувство национального достоинства. Они реализуются лишь при соблюдении конституционных прав, отражаясь в самоощущении безопасности и защищенности. Последние становятся конечным основанием для идентификации гражданства с патриотизмом.	Гражданство, как принадлежность к государству, связывается, прежде всего, с чувством долга, с обязательствами перед ним. Их реализация актуализирует чувство национального достоинства. При соблюдении гарантий конституционных прав, безопасности и защищенности эти чувства служат основанием для идентификации гражданства с патриотизмом.

Как видно из таблицы 6.5, различие состоит в том, что среди молодых людей, оценивших условия жизни как стабильные и спокойные превалирует современная модель гражданства, устанавливающая примат прав личности. Для этой модели характерна антропоцентристская формула «государство для человека».

Напротив, молодежь, оценившая свою жизнь в терминах неопределенности и риска, придерживается традиционной для российского общества, унаследованной от советского прошлого, модели гражданства. Этой модели больше соответствует социоцентристская формула «человек для государства».

Вместе с тем, установить однозначную причинно-следственную связь между моделями гражданства и жизненными ситуациями молодых людей вряд ли возможно. Как видно из таблицы 6.6 в каждой идентификационной модели, хотя и в разных пропорциях, присутствует ориентация и на надежность, и на риск.

Таблица 6.6

Связь идентификационных признаков с ориентацией молодежи на стабильность и на риск

(в % по группам)

Идентификационные признаки	Предпочитают:		
	Стабильность	Риск	Затруднились ответить
Полная идентификация	68,4	19,9	11,7
Неопределенная идентификация	73,5	16,7	9,8
Делинквентная идентификация	56,5	33,5	10,0

Данные таблицы 6.6 подтверждают, что, несмотря на очевидное тяготение группы молодежи с неопределенной идентификацией к стабильности, а группы с делинквентной идентификацией к риску, в каждой из них присутствует достаточно большое число молодых людей с той и другой ориентацией.

Видимо трудности, испытываемые в повседневной жизни, заставляют одну часть молодежи ценить стабильность, связывая ее с коллективистским типом личности. Она ориентирована, прежде всего, на достижение общественного блага и лишь затем на личные потребности. А причину некоторых собственных проблем такие молодые люди склонны усматривать в эгоистическом и враждебном обществе алчных индивидов, каковым нередко оборачивается современное общество. Там, где самореализация одних происходит за счет интересов других, риски, по их мнению, не просто индивидуализируются, но и многократно усиливаются.

Для другой части молодежи, наоборот, первопричиной испытываемой нестабильности и риска явились преимущественно традиционные идентификации, плохо совместимые с требованиями современного российского общества. В результате эта группа молодых людей, с трудом осваивая индивидуализацию, слабо адаптируется к новым требованиям и условиям жизни.

Таким образом, между этими крайностями возникает противоречие, переходящее в кризисном российском обществе в конфликт. Его разрешение, как уже отмечалось, лежит в направлении полной идентификации с современными ценностями, что является условием успешной интеграции молодежи в общество риска.

Утрата преемственности социального мира, как неизбежное следствие трансформации российского общества, придает новое звучание этно-национальной идентичности молодежи. В 90-е годы прошлого столетия значение этно-национального фактора возрастало среди всех этнических групп и распространялось на электоральные предпочтения молодежи, на отношения к представителям других национальностей, на установки в отношении межнациональных браков.

Среда риска продуцирует новые риски, связанные с отношением молодежи к представителям других этносов. Анализ показывает, что характер межнациональных отношений молодежи связан с направленностью ее идентификаций. (Таблица 6.7).

Таблица 6.7

**Связь идентификационных признаков с уровнем
межнациональной напряженности в молодежной среде**

(в % по группам)

Идентификационные признаки	Неприязнь к представителям другой национальности	
	Не испытывают	Испытывают
Полная идентификация	72,7	27,3
Неопределенная Идентификация	78,7	21,3
Делинквентная идентификация	67,1	32,9

Как видно кризисная идентификация влияет на уровень напряженности в национально-гетерогенной молодежной среде. Причем, сохраняются выше отмеченные зависимости. Неопределенная и делинквентная идентификации опосредуют крайние тенденции этно-национальной напряженности.

Более углубленный анализ показывает, что уровень напряженности возрастает одновременно со снижением стабильности повседневной жизни молодежи. Если в стабильных условиях уровень напряженности, выраженной в национальной неприязни, составляет в целом 24% опрошенных, то риск способствует развитию этого чувства дополнительно у 9% молодежи русской и татарской национальности. В результате, в орбиту латентного межнационального противостояния вовлекается до 33% молодых россиян.

Аналогичная зависимость проявляется и в отношении молодежи к межнациональным бракам. В то время как несколько возрастает толерантность молодежи к межнациональным бракам, заметно увеличивается и группа их противников (с 4,9 до 7, 6% среди русских и с 4 до 12% среди татар).

Ситуация риска негативно сказывается на психо-эмоциональном состоянии молодых людей в национально гетерогенной среде. Естественным их проявлением становится повышенная чувствительность к агрессии окружающих. Объективно участвовавшие случаи проявления неприязни со стороны других этносов многократно преувеличиваются самими условиями повышенной опасности, вызывая ответную реакцию поиска «врага». Поэтому, в большинстве случаев «превентивная агрессивность» выполняет функцию единственно доступной формы самозащиты в условиях неконтролируемой социальной действительности.

Ответственность за прошлые и настоящие ошибки, возложенная преимущественно на русский этнос, вызвала у его молодых представителей в 90-х годах прошлого столетия устойчивую реакцию раздражения с элементами агрессии. Дискриминация по этническому признаку, часто незаслуженные упреки и прямые обвинения со стороны представителей иноэтнических групп, спровоцировали скачок национальной неприязни со стороны русской молодежи больше, чем со стороны других этнических групп. Так, в 1997 году, негативизм среди русской молодежи, выразившийся в склонности объяснять индивидуально-личностные негативные характеристики особенностями национального характера того или иного человека, составил 24,7%. Риски, проникшие в основу обыденной жизни почти половины русской молодежи способствовали росту негативизма в ее среде в 1999 году более, чем на 10%.

Однако еще более драматично изменяются основания этнической идентификации среди татарской молодежи. Если в 1997 году ни один респондент не выразил чувства антагонизма к представителям другого этноса, то уже спустя два года произошел восьмикратный всплеск неприязни на основе

этнической принадлежности. Причем, в условиях риска неприязнь проявляется вдвое интенсивнее.

Характерно, что выявленные идентификационные противостояния развивается отнюдь не по линии православие – ислам, славяне – не славяне, как можно было бы предположить. Оно развивается по другим основаниям, преимущественно по линии Кавказ – остальные этносы. Похоже, некорректное и обидное, но укоренившееся клише «лица кавказской национальности» ассоциируется в сознании современной российской молодежи со вполне осязаемым источником угроз и опасностей, испытываемых в одинаковой мере представителями разных национальностей.

Влияние идентификации на характер этно-национальных отношений четко просматривается и в анализе молодежного электората. Условия риска и связанные с ним кризисные идентификации, стимулируют интерес молодых граждан к национальности руководителей разных уровней пропорционально росту ответственности руководителя (непосредственный начальник – глава региона – Президент). С одной стороны, они способствуют более четкому оформлению этнических позиций, с другой, приводят к поляризации этно-национального сознания.

Можно предположить, что активизация поиска идентификационных оснований в условиях социальной неопределенности рано или поздно должна привести молодежь к истокам национальной культуры. На фоне политизированных образцов самоидентификации именно национально-этнические традиции и ценности представляются незыблемыми. Однако общество риска причудливо изменяет и этот спектр идентичностей молодежи. Относительно низкие показатели освоения российской молодежью традиционной культуры мало изменяются в условиях неопределенности и риска. (Таблица 6.8).

Таблица 6.8

Уровень знаний молодежью национальных обрядов и традиций в зависимости от условий стабильности и риска в %, 1999 г.

Переменная	Жизненные ситуации	
	Стабильность	Риск
Знают очень хорошо	8,2	11,3
Знают, но не очень хорошо	69,9	65,6
Не знают	21,9	23,0
Затруднились ответить	6,0	0,1

Ослабевают и влияние старшего поколения на этот процесс. В то время как, по утверждению респондентов, стремление их родителей выстраивать свою жизнь в соответствии с нормами традиционной культуры возрастает (особенно наглядно в группе татар и украинцев, живущих в России, и гораздо слабее среди русских), все меньше аналогичные требования предъявляются к детям.

Это означает, что ситуация риска в российском обществе не могла не затронуть такие фундаментальные механизмы общественного воспроизводства, которые коренятся во взаимосвязи этно-национальных и гражданских идентификаций. (Таблица 6.9).

Таблица 6.9

Связь гражданских и этно-национальных идентификаций молодежи

(в % по группам)

Гражданская идентификация	Знание национальных обрядов			Отношение родителей к соблюдению обрядов			
	<i>Хорошо знают</i>	<i>Не очень</i>	<i>Не знают</i>	<i>Соблюдают и требуют от детей</i>	<i>Соблюдают, но не требуют</i>	<i>Не соблюдают</i>	<i>Затрудн. ответить</i>
Полная идентификация	6,1	72,6	21,3	7,4	26,5	39,3	26,8
Неопределенная идентификация	1,6	73,8	24,6	6,6	39,3	31,1	23,0
Делинквентная идентификация	6,3	64,3	29,4	6,1	23,9	43,4	26,6

Анализ распределений в таблице 6.9 выявляет наличие связи между гражданскими и этно-национальными идентификациями молодежи. Совокупность молодых людей, знающих национальные традиции (хорошо или не очень хорошо), а также тех, чьи родители сами соблюдают национальные обряды и требуют этого от детей, рассматривается как группа с высоким уровнем этно-национальной идентификации. Ее суммарная доля в группе с полной гражданской идентификацией составляет 86,1%. Вместе с тем, эта доля в группах молодежи с кризисной гражданской идентификацией (неопределенной и делинквентной) ниже и составляет соответственно 82% и 62,1%.

Хотя молодые люди и их родители придерживаются различных моделей идентичности, влияние родительского поколения на снижение идентификационной неопределенности и делинквентной идентификации в молодежной среде трудно переоценить. Это дает основания для вывода, что в случае позитивной направленности таких устойчивых моделей социальной идентификации как этнокультурные появится возможность заполнить вакуум, возникший в результате кризиса гражданственности в российском обществе риска.

Неоднозначные явления в кризисном российском обществе и их оценки требуют осмысления и принципиального выбора между «хорошим» и «плохим», осуществить который под силу не каждому молодому человеку. Вместе с тем, любые неумелые подсказки, тем более давление, производят обратный эффект, часто имеющий своим следствием делинквентную идентичность.

Разрушение традиционных нормативно-ролевых структур, характерное для общества риска, приводит к тому, что сознание молодежи по существу, оказывается свободным для любых, особенно, привлекательных, ярких паттернов, в том числе и несущих потенциал асоциальности. Поэтому растет доля криминальных идентификаций. Отсюда и быстрый рост преступных девиаций.

В течение 1998 года количество преступлений несовершеннолетних составляло 2 029 на каждые 100 тысяч в данной возрастной группе. Аналогичный показатель среди взрослых в 1,5 раза ниже. Причем, если прежде львиную долю преступлений среди молодежи составляли мелкие кражи и хулиганства, то сегодня в структуре молодежной преступности стремительно растет доля особо тяжких преступлений с применением насилия - убийств, грабежей, изнасилований.

Преступность заметно «молодеет». Темпы роста криминальной активности детей до 14 лет выше, чем традиционно самой криминогенной группы 16-17-летних. За последний год она выросла почти в полтора раза (с 214,5 до 316,9 тыс. преступлений, из них 1,4 тыс. - участники организованных преступных групп) и составила 1/3 от числа всех правонарушений. Только в прошлом году в центры временной изоляции было помещено более 64 тыс. детей, что на 12% больше, чем пять лет назад⁵⁴.

Характерной особенностью подростковой преступности является неадекватность повода и содеянного, когда невинное замечание влечет агрессию с проявлением особой жестокости. В основе ее лежит внутренняя готовность этой части подростков к совершению преступления, четкая ориентация на насилие.

Как показывают исследования⁵⁵, социальной базой молодежной организованной преступности выступили так называемые «неформальные движения», поначалу представлявшие демократическую оппозицию власти. Однако в 1991-1994 начался интенсивный процесс перерождения значительной их части, направленный в сторону криминализации. В указанный период в различных регионах ими совершалось от 37% до 66% всех преступлений.

Постепенно прежняя, демонстративная форма преступлений, чаще связанная со стремлением к самоутверждению собственного образа жизни, путем силового диктата, уступает место корыстной, дающей реальную выгоду. На смену преимущественно ситуативной преступности, зависящей от обстоятельств, приходят тщательно спланированные преступления. Отсюда не только их жестокость, но и тщательная подготовленность, высокая организация и профессионализм участников. Все чаще такие организации возглавляют взрослые.

Каковы же факторы, определяющие процесс формирования различных моделей идентификации? Кроме рассмотренных особенностей российской модернизации и других социальных факторов на этот процесс оказывают влияние социально-демографические факторы. (Таблица 6.10).

Таблица 6.10

**Связь моделей гражданской идентификации
с социально-демографическими характеристиками молодежи
Коэффициент сопряженности (Contingency Coefficient)**

Социально-демографические характеристики	Неопределенная идентификация	Делинквентная идентификация	Полная идентификация
Род занятий	0,08	0,11	0,61
Пол	0,02	0,08	0,21
Возраст	0,16	0,17	0,77
Социальное происхождение	0,11	0,14	0,57
Регион проживания	0,21	0,15	0,69

Из анализа распределений, представленных в таблице 6.10 можно сделать вывод, что перечисленные социально-демографические факторы оказывают не одинаковое влияние на гражданскую идентификацию молодежи. Кризисная (неопределенная и делинквентная) идентификация характеризуется менее выраженными значениями коэффициентов. Это говорит о том, что

неопределенность и риск детерминируются преимущественно не социально-демографическими факторами, а, прежде всего социальными.

Более тесная связь социально-демографических характеристик с моделью полной идентификации свидетельствует об устойчивости гражданской идентификации этой группы молодых людей. Причем, если полная идентификация имеет тесную связь со всеми факторами, то делинквентная – лишь с возрастом и социальным происхождением, что указывает на преимущественное влияние этих факторов на отклоняющееся поведение молодежи.

Итак, идентификация молодежи в российском обществе отражает специфику его многонационального состава и особенности его модернизации. Связь этно-национальных и гражданских идентификаций послужила основанием для формирования их особой структуры, отличной от идентификационных моделей западной молодежи. Вместе с тем существенное влияние на эту структуру оказывают кризисные процессы в стране.

В условиях риска растет доля неопределенных и особенно делинквентных идентичностей. В свою очередь это не может не влиять на состояние гражданского патриотизма и на уровень социальной напряженности в национально-гетерогенной молодежной среде. К значимым факторам идентификации относятся возрастные особенности, социальное происхождение и регион проживания молодых людей.

Примечания:

¹ *Россия: вызовы времени и пути реформирования*. - М., 1998. С.93.

² Там же. С.94.

³ **статистика Роскомстата.**

⁴ UN Report, 1999.

⁵ *Социальное положение и уровень жизни населения России*. Официальное издание.- М., 1997. С. 282.

⁶ Там же. С.261.

⁷ *Социально-демографические тенденции // Россия: вызовы времени и пути реформирования*. - М., 1998, С 95.

⁸ Heikkinen, M. *Social networks, in the exclusion process of young people in Finland*, доклад, представленный Европейской исследовательской сети по проблемам транзисии в молодежной среде “European Research Network on Transitions in Youth”, Эдинбург, 10-13 сентября 1998 г.

⁹ Bowers N., Sonnet A. and Bardone L. *Giving young people a good start: The experience of OECD countries* cited at www.oecd.org/els/pdfs/Londonconf/washconf.pdf, 2000, p.17.

¹⁰ Ibid., p.10.

¹¹ *Focus on European Lifestyles*. EU Report, 1999, No. 5599, 24 June, p. 12.

¹² Bowers et al. *Giving young people a good start: The experience of OECD countries*, p.11.

¹³ Tunner, J. *Reluctant rebels: a case study of Edmunton high-school dropouts // D. Ashton and G. Lowe (eds.) Making their Way: Education, training and the labour market in Canada and Britain*. Open University Press, Milton Keynes, 1991, p. 109.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ OECD Labour Statistics and EUROSTAT data, 1996.

¹⁶ Bowers et al., *Giving young people a good start: The experience of OECD countries*, p. 16-17.

¹⁷ *Focus on European Lifestyles*. EU Report, p.10.

¹⁸ *Eurostat*, 1997.

¹⁹ *Focus on European Lifestyles*, p.1.

²⁰ Green, D. R. *Taking Steps: Young people and social protection in the European Union*, a

report to the European Youth Forum, cited at www.coe.fr/youth/research/taking.htm, 1998, p.24.

²¹ Nagel, U. and Wallace, C. *Participation and Identification in Risk Societies: European Perspectives*. p. 45.

²² Evans, K. and Furlong A. *Metaphors of youth transitions: niches, pathways, trajectories or navigations* // J. Bynner, L. Chisholm and A. Furlong (eds.), *Youth, Citizenship and Social Change in a European Context*. Ashgate, Aldershot and Brookfield, USA, 1997, p.36.

²³ Nagel, U. and Wallace, C. *Participation and Identification in Risk Societies: European Perspectives*, p. 48.

²⁴ Coles, B. *Youth and Social Policy*. University College London Press, London, 1995.

²⁵ Buchner P., de Bois-Reymond and Kruger H. H. *Growing up in three European regions* // *Growing up in Europe*. Walter de Gruyter, Berlin/New York, 1995 p.p. 43-60.

²⁶ Roberts, K. *Youth and employment in modern Britain*. Oxford University Press, 1995. A также Roberts, K. *Structure and Agency: The new youth research agenda* // J. Bynner, L. Chisholm and A. Furlong (eds.), *Youth, Citizenship and Social Change in a European Context*. Ashgate, Aldershot and Brookfield, USA; Roberts, K. and Jung, B. *Poland's First Post-Communist Generation*. Ashgate, Aldershot and Brookfield, USA, 1995.

²⁷ Furlong, A. and Cartmel, F. *Young People and Social Change. Individualization and Risk in Late Modernity*, Open University Press, 1997.

²⁸ Bowers et al. *Giving young people a good start: The experience of OECD countries*, p. 14. A также Machacek, L. and K. Roberts (eds.) *Youth Unemployment and Self-employment in East-Central Europe*, Bratislava: SAS, 1997; Bynner, J. and Koklyagina L. *Transition to Employment in Great Britain, Russia and Estonia: towards a Comparative Analysis of Longitudinal Data on Young People's Labour Market Entry* // CYRCE (ed.) 1995; *The Puzzle of Integration*. Berlin: Walter de Gruyter. 1995; Furlong, A., B. Stadler and A. Azzopardi *Vulnerable Youth. European Youth Trends 2000*, Council of Europe Publishing, 2000.

²⁹ OECD Labour Statistics and EUROSTAT data, 1979-1997.

³⁰ Bowers et al., *Giving young people a good start: The experience of OECD countries*, p. 15.

³¹ Morgan, E. *European youth unemployment: A Comparative Study*. Carmarthen, Wales, 1997, p. 6.

³² Williamson, H. *Status Zero Youth and the Underclass: Some Considerations* // R. McDonald (ed.) *Youth, the Underclass and Social Exclusion*, Routledge, p. 76-77.

³³ Подробнее см. Чупров В.И., Савва М.В. *Этнический статус в молодёжной среде* // *Молодёжь России: социальное развитие*. М.: Наука, 1992. С. 37.

³⁴ Abramson, P and Inglehart, R. *Generational replacement and value change in eight West European societies* // *British Journal of Political Science*, 1992, April, 22, p.183-228.

³⁵ Chombart de Lauwe. *Pour une Sociologie des Aspirations*. Paris: Denoel, 1969.

³⁶ Dumont, L. *Homo Hierarchicus*. Paris: Seuil, 1966; Dumont, L. *Essais sur l'individualisme*. Paris: Seuil, 1991.

³⁷ O'Neil, J. *Religion and Postmodernism: The Durkheimian Bond in Bell and Jameson* // M. Featherstone ed. *Postmodernism*, 1991, pp.493-508.

³⁸ Guidikova I. *European Youth Trends*. Council of Europe experts in youth research, cited at www.coe.fr/youth/research/trends.htm, 1998, p.28.

³⁹ Giddens, A. *The Consequences of Modernity*.

⁴⁰ Helve, H. *Values, World Views and Gender Differences among Young People* // H.Helve and J.Bynner (ed.) *Youth and Life Management. Research Perspectives*. Helsinki University Press, Helsinki, 1996, p. 171-188.

⁴¹ Lagree, J.Ch. *Youth in Europe* // H.Helve and J.Bynner (ed.) *Youth and Life Management. Research Perspectives*, p. 165-169.

⁴² Helve, H. *Values, World Views and Gender Differences among Young People*, p. 171-188.

⁴³ Ковалева А.И., Луков В.А. *Социология молодежи. Теоретические вопросы*. М.: Социум, 1999. С. 150-151. A также Вишневский Ю. Р., Ковалева А. И., Луков В. А., Ручкин Б. А., Шапко В. Г. *Практикум по социологии молодежи*. - М.: Социум, 2000.

- ⁴⁴ Rattinsi A. and Pheonix A. *Rethinking youth identities: modernist and post-modernist theories* // J. Bynner, L. Chisholm and A. Furlong (eds.), *Youth, Citizenship and Social Change in a European Context*, Ashgate, Aldershot and Brookfield, USA, p. 143.
- ⁴⁵ Griffin, C. Youth research and identities: same as it ever was? // J. Bynner, L. Chisholm and A. Furlong (eds.), *Youth, Citizenship and Social Change in a European Context*, Ashgate, Aldershot and Brookfield, USA, 1997, p.165.
- ⁴⁶ Wyn, J and White, R. *Rethinking Youth*, Sage Publications, 1997.
- ⁴⁷ Rattinsi A. and Pheonix A., *Rethinking youth identities: modernist and post-modernist theories*, p. 121,123,125.
- ⁴⁸ См., напр.: Bynner, J. *Marginalization and the New Research Agenda* // H.Helve ed. *Unification and Marginalisation of Young People*, Hakapaino Oy, Helsinki, 1998; Machachek, L. *Youth in the Process of Transition and Modernisation in the Slovakia*. Institute for Sociology, Slovak Academy of Sciences, 1998; Furlong, A., B. Stadler and A. Azzopardi 2000 *Vulnerable Youth. European Youth Trends 2000*, Council of Europe Publishing; Soares, C. *Aspects of Youth, Transitions, and the End of Certainties* // Там же, p. 209-219; Wyn, J. and Dwyer P. *New Patterns of Youth Transition in Education* // *International Social Science Journal*, No 164, June 2000, p. 147-161; Heinz, W.R. *Youth Transitions and Employment in Germany* // Там же, p. 161-171; Wallace, C and Kovacheva, S. *Youth and Society*, London: Macmillan, 1995, Wallace, C. and S. Kovatcheva *Youth in Society. The Construction and Deconstruction of Youth in East and West Europe*. London: Macmillan, 1998; Wyn, J and White, R. *Rethinking Youth*, Sage Publications, 1997 и другие.
- ⁴⁹ Coles, B. *Vulnerable youth and processes of social exclusion: a theoretical framework, a review of recent research and suggestions for a future research agenda* // J. Bynner, L. Chisholm and A. Furlong (eds.), *Youth, Citizenship and Social Change in a European Context*, Ashgate, Aldershot and Brookfield, USA, 1997, p. 75-76.
- ⁵⁰ Ibid.
- ⁵¹ Marshall, G. *Class, Citizenship and Social Development*. Westport: Greenwood, 1973.
- ⁵² Ковалева А.И. *Социализация личности: норма и отклонение*. – М.: Социум, 1996. С. 104-109.
- ⁵³ Гришина Е.А. *Российская молодежь: проблемы гражданской идентичности*. - М., 1999. С. 111-115
- ⁵⁴ *Преступность несовершеннолетних в России 1994-1998*. Статистический сборник. – М.: МВД РФ, 1999, С.3, 6-7.
- ⁵⁵ *Молодежные субкультуры* / Исламшина Т., Цейтлин Р., Салагаев А., Сергеев С., Максимова О., Хамзина Г. – Казань: Изд-во Казан. Гос. Технол. Ун-та, 1997; Плешаков В.А. *Участие несовершеннолетних в организованных формах преступной деятельности*// Организационно-правовые проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних. –М.: Академия Управления МВД России, 1999; Пристанская О.В., Ключкова А.В. *Макроуровневая детерминация преступности несовершеннолетних*// Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Любая эпоха формирует определенный образ молодых поколений. Это не значит, что каждый юноша и каждая девушка в этом поколении или даже большинство из них соответствовали тем или иным критериям. Образ – не статистическая величина, а собирательная, отражающая некую равнодействующую существующих в обществе представлений о типичных чертах определенной исторической эпохи. Будучи осмысленными, эти черты становятся характеристиками поколения в целом.

«Военное» и «послевоенное» поколения, поколение «шестидесятников» в советское время, «потерянное поколение», «рассерженное поколение» в 60-70-е годы на Западе, «обманутое поколение» в начале 90-х годов в России - это метафоры, отражающие общность значимых социальных переживаний и

деятельности людей, принадлежащих одному времени. В исторической ретроспективе они приобретают роль символов данной эпохи.

Каким же видится поколение, переступившее порог третьего тысячелетия? Конечно, созданию образа поколения должна быть посвящена не одна книга и не только социологов. Он сформируется постепенно, в результате объединенных усилий ученых, писателей, драматургов. Много делается и уже получило воплощение в публикациях, вышедших как в России, так и за ее пределами. Поэтому, подводя итог данной работы, остановимся лишь на самых общих характеристиках современного молодого поколения и специфических чертах российской молодежи.

Основной вывод, содержащийся в докладе ООН о положении молодежи в 1999 году сводится к следующему. Молодые люди демонстрирует толерантное отношение к окружающим. Они не отчуждены, не антагонистичны и не воинственны по отношению к своим семьям и старшему поколению в целом. Несмотря на объективные изменения, отмечаемые в молодежной среде, обнаруживаются весьма незначительные свидетельства межпоколенного разрыва. В то же время по-прежнему сохраняются гендерные социальные различия. Они образованы, хотят и могут хорошо работать, но предпочитают сокращенный рабочий день, если труд достаточно оплачивается. Трудовая деятельность – не самоцель, а средство для обеспечения интересного досуга. Большинство молодежи выражает оптимизм в самооценках и оценках собственных жизненных ситуаций.

Как следует из данных Евробарометра, собранных в 1997 году, молодые европейцы не испытывают затруднений в принятии людей не своей расы или национальности, вероисповедания или культуры, а также тех, кто отличается физической неполноценностью, иными сексуальными ориентациями, страдает алкоголизмом или являются бездомными. Об открытости современной европейской молодежи свидетельствует тот факт, что 48% готовы к общению с представителями этих групп.

Отмечая, что данные Евробарометра по европейской молодежи, хотя и расходятся с результатами российских исследований, все же общего у молодых россиян, в сравнении с их сверстниками на Западе, больше, чем специфического. Социальные противоречия, раздирающие российское общество, многочисленные национальные конфликты, конечно, не могли не отразиться на ориентациях молодых россиян, для которых характерен более высокий уровень нетерпимости, особенно по национальному признаку. Вместе с тем, в основной массе российской молодежи это проявляется не столько в открытой конфронтации и агрессивности, сколько в стремлении ограничить возможные контакты с представителями таких групп.

Достаточно общими являются и наиболее типичные проблемы с которыми сталкиваются современные поколения молодежи. Представляя собой своего рода дихотомии, такие как богатство и бедность, глобальная субкультура и обилие контркультур, образованность и полная безграмотность, ценность здоровья, увлечение спортом и наркомания, курение, алкоголизм, доминанта достиженческого комплекса и суицид, они являются следствием фундаментальных противоречий в обществах риска.

Это противоречия между глобализацией, бедностью, безработицей, разными формами социального исключения, финансовым кризисом и увеличением внешнего долгового бремени в ряде стран, с одной стороны, и расширением экономических связей, перспектив демократического развития и

участием молодежи в тех видах деятельности, которые обеспечивают сравнительно большие возможности для обучения, социального роста и становления гражданственности, с другой. В преодолении этих противоречий - источник не только развития молодежи, но и локализации риска в обществах.

О наличии позитивной динамики в этом направлении можно судить уже по тому, что современные общества риска не продуцируют в массовом порядке экстремальные модели поведения молодежи. Вопреки возможным ожиданиям, глобализация риска не способствовала появлению поколения авантюристов, разного рода искателей приключений. Хотя нельзя отрицать и известный рост девиантных проявлений в молодежной среде. Скорее наоборот, существование в условиях риска формирует у молодежи в целом более прагматичное и взвешенное отношение в выборе жизненных стратегий.

К общим проблемам следует отнести и материальное положение молодежи. Хотя жизненный уровень в разных странах не одинаков, материальные проблемы затрагивают большинство молодых людей. Подсчитано, что лишь 12% из них проживает в странах с высоким уровнем доходов, превышающим десять тысяч американских долларов в год. Однако большая часть живет в условиях, где доходы не превышают одной тысячи в долларовом эквиваленте. Наибольшие материальные трудности испытывает молодежь России и других стран постсоветского пространства.

Развитие общества риска сопровождается изменением его внутренней структуры, радикальным преобразованием природы и роли социальных классов, семьи, гендера, института брака, профессии и т. д. Поэтому изменяются основания структурирования транзиту молодежи, она становится более сложной и продолжительной по сравнению с той, что была характерна для старшего поколения.

Классово обусловленное распределение товаров и услуг уступает место преимущественно индивидуальным формам распределительных отношений на основе меритократических критериев. Незамедлительная утрата классовой идентичности ведет в таком обществе к индивидуализации социального неравенства. Его причиной объявляется уже не классовая принадлежность, а сами индивиды, которые обвиняются за их «личные» неудачи, такие, как потеря работы, бедность и др.

Семья и религия утрачивают первостепенное значение как институты социализации, вытесняемые средствами массовой информации. Телевидение и Интернет превратились в ключевые факторы глобальной молодежной субкультуры. В итоге на смену традиционализму и коллективизму приходит индивидуализация, когда каждый человек конструирует свою жизнь как может с индивидуально обусловленными траекториями в труде, в образовании, в заработке, в потреблении и в других сферах.

Этот процесс, согласно Беку, имеет двойственное значение. Поскольку в условиях индивидуализации перед молодыми людьми могут открыться дополнительные перспективы личного контроля над деньгами, временем, жизненным пространством, образованием и карьерой, выбором формы трудовой деятельности и многое другое, тем самым определяется ее позитивная роль. Именно подобные перспективы оказываются привлекательными в новых условиях для российской молодежи.

В прошлом, в западных обществах все это имело устойчивые социально-статусные детерминанты, а в России провозглашаемые равные возможности для всех, а реальные – для избранных. В таком традиционно-модернистском

понимании индивидуализация не имеет ничего общего с индивидуализмом, как идеологизированной противоположностью коллективизма. Скорее она отражает утверждение ценности индивидуальности, стремления к самоутверждению себя как личности.

Однако, существует и негативная сторона индивидуализации. По признанию Бека, сохраняется высокая межличностная конкуренция, чаще всего в рамках профессиональной деятельности. Более того, в условиях неопределенности усиливается индивидуализация риска, при которой индивидам не приходится ждать помощи от государства, а рассчитывать на собственные силы и принять ответственность за преодоление риска на самих себя. Иначе говоря, срабатывает принцип «каждый за себя».

Такая современная постмодернистская тенденция индивидуализации, сопровождаемая отрицанием традиционно-модернистских ценностей, отмечается среди молодежи в США и в североевропейских странах. Конкретные материальные ценности там все больше уступают место абстрактно гуманистическим.

Ощущая себя более успешными, молодые люди в этих странах имеют привилегию быть озабоченными положением молодежи, скажем, в далекой от них африканской стране или в Чечне, часто даже не зная, на каком континенте она находится. В то же время положение безработных в собственной стране их мало волнует, поскольку в обществе риска принято считать, что в своих проблемах виноват сам человек. Как видно, участники молодежного бунта конца 60-х сумели передать своим детям и внукам известную «дозу» гуманизма и одновременно сформировать у них качества, необходимые для успешной адаптации к социальной неопределенности и риску.

В странах южной Европы, где жизненный уровень молодежи ниже, наблюдается иная тенденция – от современных к традиционно-модернистским ценностям. Материалистические ориентации и обычная человеческая солидарность здесь ценятся больше. Российская молодежь оказалась на стыке этих процессов. Для нее более характерной является сосуществование традиционных, причем с российской спецификой в сторону духовности, и современных ценностей. Традиционные домодернистские ценности – семья, дружба, любовь в сознании молодых россиян пока уживаются с новыми для них, современными.

Молодежь, таким образом, находится между традициями и прогрессом, стоя одной ногой в прошлом и не отвергая традиционную культуру своей страны, другой ногой ступает в новом направлении. Таков итоговый вывод в упомянутом докладе ООН. Добавим лишь - в более неопределенном и рискованном направлении.

Проделанный анализ подтвердил правомерность выбранного методологического подхода к исследуемой в книге проблеме. Он показал, что несмотря на различия, существующие между европейскими обществами, под давлением глобализации происходит конвергенция условий риска. Это не может не оказывать влияние, как на характер становления молодых поколений, так и на воспроизводство риска в этих обществах.

Отмечается двойственное влияние конвергенции. С одной стороны, она придает процессу воспроизводства молодежью риска более универсальный характер. Анализ изменения положения российской молодежи в условиях риска позволил выявить закономерности, типичные для молодых поколений и других стран.

Так, к общим репродуктивным основаниям риска в молодежной среде относятся: на рынке труда - безработица; в образовании – неравенство возможностей его приобретения; в семье - распад традиционной семьи и появление множества ее суррогатов; в бизнесе – низкая конкурентоспособность молодых предпринимателей. Это нашло отражение и в типологии конфликтов между молодежью и разными обществами. Ее образуют также общие для современных молодых поколений основания – возрастная дискриминация, противоречия с институтами социализации и глобальная молодежная субкультура.

С другой стороны, конвергенция выявляет национальную специфику этих процессов. Та же молодежная безработица в России имеет существенно иную природу, по сравнению с другими странами, а потому иначе продуцирует риск. Конвергируясь в механизм воспроизводства российского общества, условия риска, характерные для других стран, хотя и видоизменяют его, но не способны полностью разрушить его природу. В результате риск может ослабевать, если базисные условия оказывают противодействие, но вероятнее всего будет усиливаться под влиянием возникшей неопределенности.

Это наглядно проявляется в транзисии российской молодежи при рассмотрении ее в более широком социальном контексте общественного воспроизводства в основных его сферах – в материальном и духовном производстве, в распределении, в обмене и в потреблении. Выявленные тенденции структурного перераспределения молодежи между государственным и негосударственным секторами экономики в материальном производстве или беспрецедентный рост сферы распределения и обмена за счет перемещения в нее молодежи из сферы материального производства могут вызвать неоднозначную интерпретацию.

Если для России, с ее домодернизационной и к тому же основательно разрушенной структурой экономики – это однозначно фактор риска, то для экономически развитых стран со стабильной рыночной экономикой подобная тенденция отражает нормальное функционирование производства. Примером неоправданного риска может служить развал угольной промышленности в России под давлением международного валютного фонда, что привело к массовому замерзанию в зимний период населения во многих регионах страны.

Не менее опасные последствия риска видятся в результатах анализа изменений ориентаций российской молодежи в сфере потребления. На это указывает отсутствие связи между потребительскими ориентациями и трудом молодых россиян, без которой немислимо расширенное воспроизводство общества. Завышенные потребности, не подкрепляемые добросовестным трудом рано или поздно приводят к криминалу.

Сравнительные данные показывают, что это типично российский феномен. Начав разрушаться еще в советский период, с его уравнильным распределением, взаимообусловленность труда и потребления приобрела извращенные внеэкономические формы в условиях нынешних реформ, создавая угрозу возникновения новых рисков. Рост молодежной преступности в России – наглядное тому подтверждение.

В сфере духовного производства наблюдается специфически российская модель воспроизводства риска, выраженная в противоречии в сознании молодежи между тенденцией формирования идентичностей современного общества и еще достаточно устойчивыми традиционными ценностями, способными сохранить своеобразие ее духовного мира. Разрушение

сложившихся идентификаций и поиск новой ценностной опоры всегда сопряжен с неопределенностью в выборе жизненного пути, с неуверенностью в себе и с риском социального исключения. Преодоление риска, то есть нахождение меры в этом противоречивом процессе, будет залогом дальнейшего воспроизводства его национальной самобытности и успешной интеграции молодого поколения россиян в мировое сообщество.

При рассмотрении проблемы интеграции молодежи в современное общество авторы исходили из того, что социальная интеграция в обществе риска не только возможна, но и является необходимым условием существования молодежи как социальной группы и сохранения общества как целостности. В представляемой в книге концепции обосновываются особенности механизма социальной интеграции в условиях неопределенности и риска. Среди этих особенностей, наряду с новыми нетрадиционными основаниями идентификаций в процессе интеграции, локальным и преимущественно спонтанным ее характером, асимметричной формой механического и органического объединения субъектов интеграции, выделяется наличие интеграционной функции риска. В ее основе лежит синергетический эффект риска, способствующий приумножению энергии человека, оказавшегося в рискованной ситуации.

В молодежной среде синергетический эффект может усиливаться, накладываясь на возрастную предрасположенность к риску молодых людей. Эта и другие особенности, хотя и анализируются в книге на примере российской молодежи, могут рассматриваться как универсальные характеристики интеграции в условиях риска. Интеграция, таким образом, является, с одной стороны, эффективной моделью реализации конфликтов в молодежной среде, благодаря ее способности объединять людей, с другой, необходимым условием адаптации молодежи в обществе риска.

Итак, на рубеже веков риск становится наиболее общей характеристикой современных обществ. Молодые поколения в них обрели способность не только преодолевать с той или иной степенью успеха состояния неопределенности, но и воспроизводить риск. Это и есть характерная черта поколения молодежи стартующего в XXI век.

Вместе с тем, формы, в которых продуцируется риск, различаются в конкретных жизненных ситуациях. Как было показано, в демографической ситуации, на этапе жизненного старта, в социальной самореализации, в мире ценностей и идентификаций молодежи они не одинаковы. Обусловленные национальными особенностями различаются и сами ситуации риска в обществах. Это и придает своеобразие и особые черты разным поколениям.

